11-1987
112

ISSN 0135—5813

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

отд 68

ИЗУЧЕНИЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

СЫКТЫВКАР 1989

УДК 947.02 /088—058.244 (470.1/.2) 042(02)7

ИЗУЧЕНИЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.— Сыктывкар, 1989.— 244 с. (Труды Коми научного центра УрО АН СССР. № 112).

Основу сборника составляют материалы региональной научной конференции «Аграрные проблемы Европейского Севера СССР. История и современность» (г. Сыктывкар, 1988). Авторы статей рассматривают актуальные вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР в широких хронологических рамках (с X в. до современности). Основное внимание уделено вопросам источниковедения, методики исследований, а также рассмотрению таких конкретно-исторических проблем, как землевладение и землепользование, эксплуатация и классовая борьба в дореволюционной деревне, развитие сельского хозяйства и социальных отношений в северной деревне в советский период.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов, учителей школ.

Редколлегия

А. Д. Напалков (отв. редактор), В. И. Чупров (зам. отв. редактора), М. А. Мацук (отв. секретарь), А. М. Анфимов, Н. А. Ивницкий, Г. В. Канев, А. И. Комиссаренко, Т. В. Осипова, А. А. Попов, Л. П. Рощевская, А. Ф. Сметанин

Центральная научная библиотека Коми научного центра УрО АН СССР

© Коми научный центр УрО АН СССР, 1989

ВВЕДЕНИЕ

В основу очередного сборника научных трудов Института языка, литературы и истории положены материалы региональной научной конференции «Аграрные проблемы Европейского Севера СССР. История и современность» (г. Сыктывкар, сентябрь 1988 г.).

Статьи, публикуемые в сборнике, расположены в хронологическом порядке. По своему же содержанию их можно объединить в несколько групп. Первую составляют работы, посвященные проблемам развития крестьянства Севера в феодальную эпоху. Тщательно изучив переписные, ландратские и ревизские книги, «офицерские» описи, авторы показали новые возможности по исследованию вопросов положения северного крестьянства, истории социальной структуры и социальных отношений в крестьянской среде. Для исследования проблемы уровня феодальной эксплуатации предпринята попытка выработки методики изучения этого сложного процесса. Авторы статей сборника исследуют также вопросы землепользования, поземельных отношений крестьян, миграции и внутреннего освоения северных земель, состояния животноводства, функционирования общины и развития классовой борьбы.

Следующая группа статей посвящена социально-экономическому положению северной деревни и вопросам крестьянского движения в период капитализма. Здесь обращает на себя внимание статья о наделении землей удельных крестьян Севера по реформе 1863 г., в которой автор убедительно доказал, что землепользование удельных крестьян к началу XX в. значительно сократилось, а не увеличилось, как это трактовалось ранее в советской историографии. Изучение крестьянского движения на Севере в период империализма с применением статистического метода позволило показать динамику и масштабы классовой борьбы, говорить о соотношении первой и второй социальных войн.

Значительную часть сборника составляют статьи, освещающие период социалистического строительства, в которых анализируется развитие сельского хозяйства и социальных отношений

в северной деревне и состояние агропромышленного комплекса Европейского Севера СССР на современном этапе. В центре внимания авторов вопросы коллективизации сельского хозяйства, проблемы формирования социально-классовой структуры сельского населения, трудового воспитания и закрепления молодежи в сельскохозяйственном производстве, показ роли общественных организаций и советов народных депутатов в развитии социальной активности тружеников села. Особенностью сборника является то, что в нем главное место занимают работы историков и экономистов, которые показывают состояние современного сельского хозяйства в регионе, вскрывают негативные стороны развития сельскохозяйственного производства и пути преодоления сложившихся трудностей, анализируют деятельность агропромышленного комплекса Севера, отдельных его районов и отраслей производства.

Небольшая группа статей рассказывает о памятниках истории и культуры Севера, о развитии общественных библиотек в дореволюционном Усть-Сысольске, об экспедициях А. Брема и Ж. Бая к финно-угорским народам России, о культурно-просветительной работе в деревне, о развитии кинофикации и здравоохранения на селе.

Таким образом, в сборнике, начиная с периода раннего феодализма и вплоть до наших дней, предстает картина сложного пути развития северного крестьянства, рисуется многогранная его деятельность. Надеемся, что сборник, содержащий новый материал и научную разработку малоизученных вопросов, заинтересует специалистов и всех читателей, будет способствовать дальнейшему изучению аграрной истории Европейского Севера СССР.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ПРЕДКОВ КОМИ-ЗЫРЯН НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

К. С. Королев

К настоящему времени известно несколько территориально-племенных групп предков коми-зырян (перми вычегодской): вымская, нижневычегодская, средневычегодская. Единичные памятники имеются на Вашке, Мезени и Сысоле. Основным центром формирования перми вычегодской являлся бассейн Выми, где сосредоточена основная масса памятников данной культуры, в том числе крупнейшие могильники: Кичилькосьский I, Ыджыдъёльский, Кокпомъягский и некоторые другие (всего 12 могильников и 6 городищ).[1] На нижней Вычегде известно пять могильников и одно городище.[2] Средневычегодская группа памятников из пяти могильников и одного святилища.[3]

Могильники на средней Вычегде небольшие, самые крупные из них насчитывают всего по 18—19 погребений (Пезмогский, Шойнаты II).

Погребальный инвентарь состоит из украшений костюма, орудий охотничьего промысла и труда, предметов быта, глиняной и медной посуды. Орудия охотничьего промысла представлены железными наконечниками стрел различных размеров и типов, типичными для севера Восточной Европы, и втульчатым четырехгранным наконечником копья. Являясь орудиями охоты, они могли использоваться и в качестве оружия. О занятиях рыболовством свидетельствуют находки металлических крючков и железной пешни. В погребениях встречены железные ножи, шилья, скобели. Данные орудия могли использоваться для обработки дерева, кости, кожи. О металлообработке свидетельствуют находки зубил. В отличие от вымских могильников, в средневычегодских отсутствуют топоры. Как известно, топор является универсальным орудием. Он использовался как деревообрабатывающий инструмент, но мог служить и оружием. В

условиях северной тайги топор служил основным орудием при расчистке лесных участков под пашню. В связи с этим надо отметить отсутствие на средневычегодских памятниках перми вычегодской каких-либо земледельческих орудий или следов занятий земледелием и скотоводством, зафиксированных на Выми [4]. Анализ остеологических материалов средневычегодских многослойных поселений с комплексами ванвиздинской культуры и перми вычегодской свидетельствует о существовании охоты на диких животных (лося, северного оленя, бобра), птицу и рыболовства. Лось — самое крупное животное на северо-востоке Европы, достигавшее до полутонны весом. Охота на него давала обильную пищу и материал для одежды и обуви, что имело немаловажное значение в условиях Северного Приуралья. Важную роль в Вычегодском крае в рассматриваемую эпоху имела пушная охота. Пушнина составляла основное богатство края: данью, выплачиваемой русским княжествам, являлась «мягкая рухлядь». По свидетельству «Жития Стефана Пермского» (конец XIV в.), предки коми-зырян охотились на многих пушных зверей: соболя, куницу, горностая, лису ,белку, рыся и бобра. [5] Документальным свидетельством существования охоты на лося, медведя и других перечисленных животных у предков коми-зырян является находка уникальной плоской кольцевидной металлической бляхи с изображением этих животных на средней Вычегде, [6] интерпретированной как древнекоми промысловый календарь. [7]

О наличии специализированной охоты на пушного зверя свидетельствуют различные типы и размеры наконечников стрел, найденные на памятниках. В обмен на меха в Вычегодский край проникали серебряные украшения, монеты, бусы из стекла, ювелирных камней и янтаря как восточного (через Волжскую Булгарию), так и западного происхождения (через Прибалтику и Северо-Западную Русь).

Таким образом, судя по археологическим материалам, предки коми-зырян на средней Вычегде занимались охотой и рыболовством. Следов занятий земледелием и скотоводством пока не выявлено. Скромные размеры могильников, отсутствие городищ с культурным слоем предполагают немногочисленное население, проживающее в небольших селениях. На расматриваемых памятниках, в отличие от нижневычегодских и вымских, нет славянской кружальной посуды, что документирует сравнительно более позднее проникновение древнерусского населения в восточные земли Перми Вычегодской. Данные особенности средневычегодских памятников были обусловлены сложившейся исторической ситуацией. С одной стороны — это формирование основного ядра перми вычегодской западнее — на Выми, с другой — усилением военной опасности со стороны зауральских «вогуличей» (предков манси), зафиксированной в русских письменных источниках этого времени. Рассматриваемый район Вычегодского края являлся, очевидно, в XI—XIV вв. восточной малонаселенной периферией перми вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими факториями.

* * *

1. Савельева. Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв.— Л., 1987.— С. 9.
2. Савельева Э. А. Пермь вычегодская.— М., 1971.— С. 183.
3. Королев К. С. Средневычегодская территориально-племенная группа перми вычегодской // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока.— Сыктывкар, 1987.— С.43.
4. Савельева Э. А. Пермь Вычегодская.— С. 114—115.
5. Житие Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым.— Спб., 1987.— С. 35.
6. Королев К. С. Предки коми на средней Вычегде // Из жизни древних коми.— Сыктывкар, 1985.— С. 106.
7. Конаков Н. Д. Древнекоми промысловый календарь.— Сыктывкар, 1987.— 22 С. (Сер. препринтов «Науч. докл.» / АН СССР, Коми филиал.— Вып. 164).

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

СВЯТИЛИЩЕ У д. ТИУНОВСКОЙ

И. Ф. Никитинский

Сведения о памятнике получены из краеведческой анкеты, проведенной автором через районную газету в 1985 г. Он известен у местного населения как «камень с крестами». Легенд, с ним связанных, не зафиксировано. Работы проводились в 1986—1988 гг.

Памятник находится в 3 км к северо-востоку от д. Тиуновской, Тарногского района Вологодской области, в бассейне р. Тарноги. Он расположен на верхней части моренной гряды, тянущейся с юго-запада на северо-восток на несколько километров. Высота над уровнем воды в речке Корже (левый приток р. Тарноги), протекающей в 0,5 км к юго-востоку, около 20 м. Склон мореной гряды, обращенный к югу и юго-востоку, порос сосновым, с примесью березы, лесом. По верхней части моренной гряды простирается поле. Памятник находится в лесу в 7 м от опушки.

Он представляет собой два крупных камня, расположенных рядом по линии восток-запад. Восточный, меньший камень,— плоская плита с округленными углами. Его поперечник до 1,9 м. Поверхность плиты имеет склон к северу. В 0,9 км от плиты находится второй, большой камень. Его поперечник с севера на юг до 2,4 м, а с востока на запад до 2,7 м. Наибольшая высота камня над поверхностью земли 1,16 м. У камня наблюдается четыре скругленных угла. Гранями он ориентирован по сторонам света. Вершина камня куполообразна.

В данной публикации автор дает описание и краткую интерпретацию памятника, рисунков, сюжетов и надписей на нем.

На большем камне с восточной, западной и северной сторон и сверху нанесены рисунки. Основным можно считать рисунок на восточной стороне камня. На восток, с небольшим отклонением к северу, обращена единственная, во всю сторону камня, плоскость. Угол ее наклона к горизонту 45°. Плоскость разделена двумя горизонтальными линиями на три уровня. Вертикально

ее делит на южную и северную, левую и правую сторону самый крупный рисунок, идущий сверху до низу. Он имеет две части: в верху — многогранник с «крючками» по углам и хорошо выделенную прямую, идущую почти вертикально с небольшим наклоном сверху—вниз—налево ниже уровня земли. С уверенностью можно полагать, что здесь изображено «мировое дерево». У нижней части его, ниже поверхности земли, есть четыре знака. Они нанесены в одну горизонтальную линию. Каждый из знаков в отдельности напоминает тамгу, но все вместе они производят впечатление надписи. Надпись пока прочтению не поддается.

Изображение мирового дерева сильно пострадало в древности. Его крона была почти полностью сбита. Плитки камня с частями рисунка были собраны в грунте на площади вокруг камня. Но удалось восстановить его большую часть. Не хватает нескольких плиток с изображением вершины и низа кроны мирового дерева.

В южной части плоскости, слева от ствола и кроны мирового дерева находится антропоморфная фигура с ветвью в правой поднятой руке и сложной конструкцией позади и справа от этой фигуры. Последняя составлена из двух равнобедренных трапеций с вершинами встык. У нее круглая голова, заметны глаза, рот, нос. Ноги прямые, слегка расставлены, ступни носками врозь. Руки изображены в виде горизонтально лежащей латинской буквы S. Левая рука опущена, правая поднята. Кроме прорисовки резцом всей фигуры, трапеции туловища протерты на несколько миллиметров вглубь. Надо полагать, что перед нами изображение антропоморфной богини Весны или Зари. На лице, туловище и вокруг них, а также и вокруг ветви видны следы точечных ударов. Некоторые из них были сильными — появились выбоины. Конструкция состоит из нескольких частей. К центральной конусовидной с обеих сторон примыкают две симметричные треугольные части, в свою очередь расштрихованные внутри симметричными треугольниками. На центральной конусовидной части обозначена прямоугольная дверь и квадратное окно над ней. На двери изображены два вертикальных ромба и начало третьего. На верху постройки виден небольшой шестиконечный христианский крест. Поверх его вырезано изображение купола и венчающий шестиконечный христианский крест больших размеров. Появление этих деталей можно объяснить следующим образом. Первоначально было выполнено изображение жилища языческой богини. Затем рисунок был «крещен» — над ним появился малый крест. Но это не удовлетворило крестителей и поверх малого был вырезан купол с большим крестом, что превратило языческую постройку в христианскую. Постройка находится в верхнем ярусе мироздания и своим основанием опирается на верхнюю горизонтальную линию — небо. Сама богиня почти целиком находится в верхнем ярусе мироздания, но ступни ее ног — между

верхней и нижней линиями, между небом и землей. Под ее ногами прорисован Ж-образный знак. От постройки вниз прочерчено много вертикальных и косых линий.

Справа и слева от мирового дерева — изображения лестниц. В среднем ярусе слева от богини есть надпись, которая читается «Поде ко Маркуше». Она датируется XIV—XVI вв. В 8 км к востоку от камня находится центр куста деревень под названием Маркуши. Там в 1576 г. был основан первый на Кокшеньге Николаевский-Маркушевский-Агапитов монастырь. Современная граница между Шебеньгским (где находится памятник) и Маркушевским сельсоветами проходит неподалеку от памятника. Обращает на себя внимание тот факт, что эта надпись — один из немногих участков, не имеющих повреждений.

Немного севернее юго-западного угла камня имеется рисунок, напоминающий небольшой одномачтовый корабль. Справа от верхушки мачты вырезан звездообразный знак и маленький христианский крест. Поперек мачты прорезано три линии, что в целом дает изображение восьмиконечного христианского креста. Надо думать, что и этот рисунок тоже крещен.

В южной части западной стороны камня нанесен сюжет с антропоморфной фигурой. Глубокой горизонтальной линией изображена, вероятно, поверхность земли. Над ней фигура с хорошо прорисованной головой, поднятыми вверх руками, туловищем и ногами. В целом, создается впечатление, что фигура бежит по земле. Ноги у существа, похоже, «двухпалые». Голова треугольная, одним из углов обращена к туловищу. Видны глаза, треугольный нос, рот и уши. Голову венчает веточка с несколькими отростками с каждой стороны. На месте кистей — скол камня. Предплечье правой руки перечеркнуто двумя линиями, что дает изображение шестиконечного креста. Фигура повреждена — видны выбоины от острого твердого предмета. Перед фигурой на некотором расстоянии слева глубокими линиями прорисован большой восьмиконечный христианский крест. Кроме выбоин, на рисунке видны длинные косые, вертикальные и горизонтальные линии. Сюжет, как и предыдущие, крещен.

На западной стороне камня, ближе к ее центру, есть еще один сюжетный рисунок с антропоморфной фигурой. Здесь также глубокой линией изображена земля. На земле стоит животное, скорее всего олень, который повернут головой к югу. Хорошо видны ноги, туловище, шея, просматриваются морда и рога в виде двух вертикальных веточек с несколькими отростками на каждой. Над рогами справа — своеобразный знак. На спине оленя — антропоморфное существо. Тщательно прорисована голова, туловище, две толстые, суживающиеся к низу, ноги. Они тоже «двухпалые» как и у предыдущего существа. Линиями прорисованы рот и нос, а глаза просверлены. Левой рукой существо держится за рога оленя, а в правой, похоже, держит

лук и колчан со стрелами. Выше этих фигур из одной точки вниз и в стороны исходят линии, упирающиеся в фигуры и в землю. Надо думать, что изображен свет от звезды или солнца. Вокруг богини и частично на ней видны следы ударов. Вероятно, в этом сюжете изображена богиня (или бог) охоты на небесном олене. Небесное происхождение богини и оленя подчеркнуто изображением звездного или солнечного света и звездообразным изображением над рогами оленя.

Еще один, самый крупный, антропоморфный рисунок нанесен на северной стороне камня, ближе к его вершине. Изображение было сделано в углублении на поверхности камня. Оно сильно заросло мхом и лишайником и было обнаружено только после тщательной расчистки. Вероятно, это обстоятельство спасло рисунок от повреждений. У четвертой антропоморфной фигуры видна голова с пышным убором на ней. На лице намечены рот, треугольный нос, глаза и брови. Прорисовано горизонтальное плечо правой руки, вертикальное предплечье, вертикальные пальцы рук. В руке изображен какой-то рубящий или ударный инструмент, типа боевого топора. Туловища у фигуры нет. Вместо него вниз к поверхности земли идут прямые ломаные линии. В этой фигуре угадывается изображение бога-громовника.

Площадь на вершине камня, в ее северо-западной части, между тремя богами, занимает серия геометрических рисунков. Прежде всего, это круг с радиальными лучами, идущими от его центра. Вероятно, это солнце. Чуть ниже солнца, к северу изображено два прямоугольника со сложным геометрическим орнаментом внутри. Эти рисунки имеют аналогии с резьбой на северорусских традиционных деревянных изделиях (прялках, швейках, трепалах). Прямоугольники напоминают изображение двери и окна. Этот момент был использован тем, кто выше их, поверх изображения солнца, весьма грубо, изображал верхнюю часть шатровой церкви с венчающим ее восьмиконечным христианским крестом. В целом получилось довольно полное изображение церкви. Рядом и ниже прямоугольника вырезано несколько христианских крестов. Неподалеку от прямоугольника — треугольник со сложным геометрическим орнаментом и рисунок, напоминающий лист растения.

На северо-западе камня, на уровне земной поверхности, есть еще один круг с радиальными лучами. В данном случае — солнце на закате.

Выше этого солярного знака изображен сюжет, содержащий рисунок и надпись. Рисунок очень сильно поврежден множеством точечных ударов. Можно предположить, что изображен воин на коне, держащий в правой руке меч. Кроме того, у рисунка есть какая-то вертикальная деталь, возможно, изображение копья. Снизу — с боков видна дугообразная линия, Возможно, изображен воин на коне, попавший в яму. На Шебеньге и Маркушах

широко бытуют легенды о неких воинах-разбойниках, пойманных местными жителями в яму-ловушку и убитых там. Под рисунком нанесена надпись из пяти знаков. Это буквы кириллицы XIV—XVI вв. Наиболее вероятны варианты прочтения «арьяа» или «орьа». В финском языке это слово означает «раб». На надписи видны следы множества ударов и перекрещивающиеся линии, но буквы довольно крупные и видны достаточно хорошо. Сюжет крещен крупным восьмиконечным крестом.

На камне есть еще линии и геометрические рисунки пока не понятные.

На месте памятника заложен раскоп площадью 60 кв. м. Находок, кроме половины точильного бруска и разбросанных плиток с восточной стороны камня, нет. Грунт вокруг камней, особенно с запада и между плитой и восточной стороной камня, насыщен мелкими и средними (до 3—4 см) углями, сильно утрамбован. Надо думать, что это отражение ритуалов, связанных с огнем. Следами ритуалов надо считать и следы ударов вокруг и на антропоморфных фигурах.

Таким образом, памятник является святилищем, отражающем мифологическое понимание местным древним населением устройства Вселенной (космогонию) и ряд природных событий, отображенных в сюжетах-рисунках (ритуалы) на специально подобранном крупном камне.

Прямых аналогий памятнику неизвестно. Датировка затруднена. Появление изображений, связанных с христианством, крещение языческого святилища можно отнести ко времени не ранее 1576 г.— года основания на Кокшеньге первого монастыря. Языческие рисунки, скорее всего, одновременны надписям, хотя нельзя полностью исключить и более раннее появление всех или нескольких из них. Пока предлагается датировать святилище XIV—XVI вв.

Этническая принадлежность памятника не совсем ясна вследствие некоторой близости мифологических представлений славян-язычников и финно-угров. Памятник оставило, вероятно, смешанное население, хотя финно-угорская окраска памятника весьма сильна. В литературе высказывалось мнение о продуктивности обращения к этнографии и фольклору. В данном случае возможно обращение к рисункам и орнаментам ткачества, вышивки, резьбы по дереву Севера, а также к былинному эпосу о Василии Буслаеве и камне-алатыре.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

К ВОПРОСУ О ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СКЛАДНИКОВ В СУДЕБНИКЕ 1589 г.

В. И. Кузнецов

Во второй половине XVI в. в связи с решением сложных внутренних задач финансовые потребности государства росли значительно быстрее, чем возможности их удовлетворения. Разорение страны в результате целого комплекса причин отразилось на положении народных масс и привело к затяжному хозяйственному кризису. Правительство не могло не учитывать тех изменений, которые происходили в системе землепользования, когда сокращение тяглой пашни при быстром увеличении земель, обрабатывающихся «наездом», приводило к уменьшению поступлений в государственную казну.

В наиболее разоренных северо-западных и центральных районах страны правительство использовало «наезд» для быстрейшего восстановления крестьянского хозяйства. При этом практиковалось освобождение «наезжей пашни» от тяглой раскладки, однако власти оставляли за собой право в любой момент пересмотреть юридическое и фискальное положение таких хозяйств.

В менее пострадавших районах, особенно на черносошном Севере, правительство, наряду с представлением ряда льгот, всячески форсировало переход «наезжей пашни» в «живущее», стремясь, таким образом, частично решить возникшие финансовые трудности. Эта же цель прослеживается в законодательстве.

Впервые «наезд» получает юридическое оформление в Судебнике Федора Иоановича 1589 г. в ст. 161. Эта статья рассматривается исследователями с другими, посвященными поземельным отношениям складникам, статьями 159—160 и 162, в трактовке которых высказываются самые различные мнения. Расхождения исследователей сводятся к определению причин ограничения «наезда» тремя годами, а также целей, обуслов-

ливающих эти причины [1]. Подвергается критической оценке отношение этих статей непосредственно к складникам.

Однако анализ статей 159—162 показывает, что ученые слабо учитываются или совсем не учитываются интересы составителей Судебника. Общими для них являются, во-первых, констатация хозяйственного освоения территории: 1) приезд нового жильца в деревню (ст. 159); 2) постройка двора складником (ст. 160); 3) обработка земли «наездом» (ст. 161); 4) расширение хозяйственных помещений (ст. 162). Во-вторых, наблюдается стремление юридически поддержать хозяйственную инициативу земледельца: 1) переделом земельных угодий деревни в соответствии с пожеланиями нового жильца и представлением ему доли «повытно, по купчим» (ст. 159); 2) представление дополнительного земельного участка складнику под постройку двора, если он «захочет на новое место двор поставить... в любом месте» (ст. 160); 3) разрешением пахать землю, арендуемую крестьянином, «наездом» на протяжении трех лет с последующим включением ее в разряд пашенных угодий (ст. 161); 4) урегулированием отношений о спорной подворной земле между соседями по деревне, с целью хозяйственного укрепления наиболее предприимчивого дворовладельца (ст. 162).

В данном контексте ст. 161 не выпадает по своему содержанию из смежных с нею статей. Разделительный союз «либо» предлагает арендатору земельного участка «либо скупить» его, т. е. стать жителем этой деревни, где он пахал «наездом» с вытекающими отсюда последствиями в выполнении налоговых повинностей перед государством, «либо продать». В последнем случае прерогатива в определении покупщика земельного участка отдана в руки жителей деревни — общины. Однако в том и другом случае правительство стремится перевести эту землю в тяглую «живую» пашню.

Рассмотренные статьи Судебника отражают стремление правительства не столько сохранить складническую деревню-общину, сколько поддержать хозяйственную самостоятельность крестьянского двора, являвшегося одним из основных источников пополнения государственной казны, а это, в свою очередь, разрушало корпоративную замкнутость складников.

Интересы фиска в отношении «наезжей пашни» на черносошных землях более определенно были сформулированы законодательством после событий начала XVII столетия — «смутного времени».

Писцовые наказы 1610—1620-х гг. по Устюжскому, Каргопольскому и Турчасовскому уездам достаточно убедительно отражают стремление крестьян сложить с себя тяглую пашню и расширить запашку за счет пустующих земель на льготно-оброчных условиях.

В целях пресечения самовольного распахивания крестьянами пустошей «наездом», со стороны правительства, наряду с требованием «большим повальным обыском» установить «кто пашет наездом», предусматривались жесткие санкции, вплоть до конфискации урожая и денежного штрафа. [2] Создается достаточно широкая система мер по контролю и ограничению «наезжей пашни». В отличие от Судебника 1589 г., ограничивавшего «наезд» тремя годами и последующим представлением права продать или купить этот участок земли, в 1620-х гг. земля, обрабатывавшаяся «наездом», записывалась за владельцем в «живущую выть... смотря по пашне и по угодью и по животам» без учета каких-либо пожеланий арендатора [3].

В случае, если пустой участок в жилой деревне пашут крестьяне этой же деревни, а свою тяглую пашню не обрабатывают, то они были обязаны согласно писцовым наказам 1619—1622 гг. вновь «пахать свою тяглую пашню за поруками-ж, а одворишных мест пахати не велети, для того чтоб на дворовые места иные крестьяне селились вновь». Тем не менее быстрого заселения крестьянами дворовых мест, очевидно, не последовало, так как в 1623 г. была внесена поправка, в результате чего «одворишную пашню» следовало писать в «живущее» за крестьянами этих деревень, «чтоб однолично... пустых мест не было» [4].

Запрещалось пахать «наездом» из найма у землевладельцев помимо своей тяглой пашни. В том случае, если тяглая пашня обрабатывалась полностью, крестьянам разрешалось пахать «наездом» на государственных землях.

Рассмотренная система мер на черносошных землях позволяла правительству поставить под контроль, ускорить возвращение «наезжей пашни» в тяглую. В результате чего в Поморских уездах в первой трети XVII в. «наездом» обрабатывалось менее 1% от всех пахотных угодий [5].

Однако, санкционировав положение «наезжей пашни» на частновладельческих землях, правительство в значительной степени утратило над этим видом угодий контроль на значительной территории государства, что в определенной степени предопределило введение «живущей четверти».

* * *

1. Судебники XV—XVII веков.— М.: Л., 1952.— С. 402; Клочков М. К вопросу о складниках // Журнал министерства народного просвещения.— Ноябрь — 1901.— С. 42. Седашев В. Н. Опыт изучения земельных отношений на севере России по Судебнику 1589 г. // Памятная книжка Константиновского межевого института за 1908 г.— М., 1909.— С. 26; Ключевский В. О. Соч.— М., 1959.— Т. 8. С. 380—381; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории права.— СПб.; Киев, 1909.— С. 540.
2. Акты писцового дела.— М., 1913.— Т. I.— С. 61, 119, 560—561; М., 1917.— Т. II.— С. 13.
3. Там же.— Т. I.— С. 114.
4. Там же.— Т. I.— С. 211, 237.
5. История северного крестьянства.— Архангельск, 1984.— Т. I.— С. 202.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

МИГРАЦИИ И ВНУТРЕНЕЕ ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ КОМИ КРАЯ В XVII в.

И. Л. Жеребцов

Демографические процессы, в том числе миграции, оказывают огромное воздействие на историческое развитие, поэтому их изучение представляет значительный научный интерес. В частности, немаловажным представляется исследование переселений и их влияния на существенные изменения в размещении населения, произошедшие в Коми крае в течение XVII в. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в трудах Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова,[1] но проблема в целом далека от всестороннего освещения. Настоящая работа призвана дополнить имеющееся представление по названному вопросу.

Коми край изучаемого времени (в его состав автор включает Яренский и Пустозерский уезды и волости Лузская и Вилегодская Пермцы Сольвычегодского уезда) был слабо заселен. В конце XVI в., т. е. к началу рассматриваемого периода в нем проживало примерно 20—20,5 тыс. чел. Поселения располагались вдоль берегов основных рек — Вычегды (в ее среднем и нижнем течении), Сысолы,Выми, Лузы и Вашки. Начали заселяться верхняя Мезень и нижняя Печора.

Миграции являлись неотъемлемой чертой развития населения Коми края с древнейших времен, но в XV—XVII вв. их интенсивность заметно возросла под воздействием ряда факторов. Во-первых, к концу XVI — началу XVII в. удобные для земледелия территории в старожильческих районах Коми края в значительной мере были уже освоены. Вовлечение в хозяйственный оборот земель, покрытых лесами, было слишком трудоемким, и в этих районах создавалась нехватка пашенных участков, возникло относительное перенаселение[2].

Трудное положение сложилось в XVI—XVII вв. в экстенсивных отраслях хозяйства (охота, рыболовство), нуждавшихся в наличии резервной территории освоения. Так как в старожильческих районах резервных территорий фактически не оста-

лось, то рентабельность охоты и рыболовства упала, что ухудшило положение населения[3]. Названные хозяйственные трудности вынуждали «избыточное» население мигрировать в необжитые районы с пригодными для земледелия и промыслов участками.

По мере развития товарно-денежных отношений росла неравномерность в распределении земельных участков и промысловых угодий. Возникавшее имущественное и социальное расслоение приводило к обнищанию части населения. Избавление от нужды деревенская беднота видела в переселении в другие районы. Уход беднейших крестьян не вызывал особого противодействия, так как их потеря не была особенно ощутима для односельчан с точки зрения уплаты тягла. А наиболее зажиточной части уход бедноты был даже выгоден, так как позволял захватить оставленные угодья, а не производить трудоемкие расчистки в лесах[4].

Немаловажно, что черносошным крестьянам Коми края и Поморья в целом было легче переселяться с места на место, чем крестьянам частновладельческим, поскольку, хотя правительство и стремилось ограничить несанкционированные миграции ,оно в первую очередь заботилось не о возвращении мигранта на прежнее место жительства, а о том, чтобы переселенцы продолжали нести тягло и на новом месте[5].

Основной поток переселенцев направлялся из старожильческих земель в район устья Сысолы и на верхнюю Вычегду, заселение которых ранее сдерживалось опасностью нападений вогулов. Лишь после укрепления царской власти на Европейском Северо-Востоке и в Зауралье открылась возможность для освоения названных выше районов. Колонизации земель, прилегающих к устью Сысолы, началась еще в конце XVI в. В течение XVII в., до 1678 г., здесь было основано 18 населенных пунктов, и еще 23 селения возникли в 1678—1707 гг. Центр колонизационной деятельности в этом районе постепенно сместился из низовьев Сысолы на Вычегду — к устью Локчима и на Локчим.

Приток переселенцев в Усть-Сысольский район (Усть-Сысольская, Шошкинская и Палевицкая волости) привел к быстрому росту населения, особенно в 1608—1628 гг., когда в Шошкинской волости число жителей увеличилось на 141%, в Палевицкой — на 140%, в Усть-Сысольской — на 99%. (В дальнейшем прирост населения был не столь высоким, поскольку с середины XVII в. основной поток мигрантов направлялся дальше, на верхнюю Вычегду). Прибыль населения привела к разделу Усть-Сысольской и Шошкинской волостей — из них выделились соответственно Зеленецкая и Выльгортская волости.

В колонизации Усть-Сысольского района участвовали как местные жители из ранее основанных там селений, так и переселенцы с нижней и средней Вычегды, средней Сысолы, Вишеры

и Мезени. Кроме того, в некоторых новых поселениях оседали и выходцы из-за пределов Коми края — с Ваги и, возможно, других уездов Поморья [6]. Приток переселенцев сюда и в Коми край в целом извне стимулировался тем, что через его территорию проходили дороги в Сибирь, недавно присоединенную к России. Часть направляющихся туда мигрантов, проходя через Коми край, задерживалась в нем и селилась на неосвоенных территориях. Кроме того, бегство жителей Поморья на восток и, в частности, в Коми край в начале XVII в. вызывалось нападениями интервентов и их пособников. Страдавшие от вражеского насилия люди бежали в удаленные от военных действий районы [7].

Колонизация верхневычегодских земель и включение их в состав Коми края начались позднее ,чем освоение территорий в устье Сысолы. Правда, заявка на то, что вся верхняя Вычегда «от Вымского устья вверх по реке по Вычегде» относилась к Вымской земле Яренского уезда (и, следовательно, к Коми краю), содержится в дозорной книге 1608 г. Но в этом документе не названа ни одна река (кроме Вишеры с притоками), входившие во владения вымичей в этом районе, в то время как по другим частям Яренского уезда этот источник дает подробное перечисление всех рек, относившихся к владениям местных жителей [8]. Поэтому (и учитывая, что границы уездов не были тогда четко определены[9]), правильнее включать в состав Коми края в начале XVII в. не всю верхнюю Вычегду, а лишь часть ее, до устья Вишеры, на которой в 1608 г. располагалось два селения.

В 1608—1628 гг. на Вишере и ниже ее устья — на Вычегде возникли четыре населенных пункта. В 1628—1646 гг. там же были основаны еще два селения, а главным районом колонизации стала территория выше по Вычегде, близ рек Кулом и Нем, где появилось пять селений. В 1646—1678 гг. в тех же районах верхней Вычегды возникло 17 населенных пунктов, и еще одно селение появилось на верхней Печоре. В 1678—1707 гг. наиболее активно колонизировались самые верховья Вычегды, выше устья р. Нем, где ранее поселений не существовало.

Среди основателей новых селений были выходцы практически из всех частей Коми края. На первых порах наиболее активную роль играли местные жители (вишерцы). Позднее на верхней Вычегде появились выходцы с Выми (из Лялей) — в починке Гришинском, из Вычегодской земли (Гам) — в починке Першинском, с. Сысолы (Шошки, Усть-Сысола и т. д.) — в Руче и других поселениях. Удорцы пришли в Деревянск, прилузцы и глотовцы — в Подъельск. Починок Якуневский основали переселенцы из Мезенского уезда, в другие населенные пункты пришли мигранты с Ваги, Каргополя, Тотьмы [10].

Переселенцы не сразу находили себе постоянное место жительства. Наряду с дальними переселениями на верхнюю Вычегду и Печору из разных районов Коми края и из-за его пределов, имели место и волнообразные миграции, когда мигранты оседали первоначально, например, в Небдино, затем переходили в Усть-Нем, а оттуда через некоторое время переселялись еще выше по Вычегде. Приток переселенцев привел к быстрому росту количества жителей (в 1608—1678 гг. население возросло в 10,5 раз), вследствие чего — и учитывая значительное расширение заселенной территории — Вишерская волость отделилась от Вымской земли, а затем из ее состава выделились Усть-Куломская и Усть-Немская волости.

В I четверти XVII в. активно шла внутренняя колонизация в Лузской Пермце. В 1620 г. из 232 жилых селений недавно возникшие составляли почти треть (71). Наибольшее их количество располагалось в верховьях Лузы, ранее слабозаселенных [11]. Основателями этих поселений являлись ,главным образом, местные жители. Итог бурного освоения земель зафиксирован в документе: в 1612—1620 гг. в Лузской Пермце «прибыло соха с четвертью»[12]. В 1620—1625 гг. появились первые восемь селений на Летке, основанные ношульцами [13].

В неурожайные 1630—1640-е гг. многие населенные пункты Лузской Пермцы запустели: их жители умерли или бежали в более «хлебородные» районы — на Вятку, в Сибирь. Этот неурожайный период привел к существенному замедлению процесса внутренней колонизации во всем Коми крае, так как в условиях вызванного неурожаями общего хозяйственного кризиса такая колонизация стала малоперспективной. После этого в Прилузье внутреннее освоение земель в прежних масштабах уже не возобновлялось.

В течение XVII в. продолжалось заселение верхней Мезени, шедшее по двум направлениям: жители Глотовой Слободки переселялись вверх по Мезени и на ее приток Ирву, а ниже глотовских владений появились селения удорцев, пришедших туда с Вашки. В ряде старожильческих районов Коми края шло внутреннее освоение земель, обойденных при первоначальном расселении. Так, в 1608—1678 гг. местными жителями было основано 10 деревень на Вашке, шесть селений в Усть-Вымской вотчине и т. д. В тот же период возникло 42 поселения в Вычегодской земле, 17 — в Плесовской волости (среди их основателей были, вероятно, и пришельцы с Пинеги, из Сольвычегодского и других уездов Севера). В Сысольской земле (исключая волости Усть-Сысольского района) в 1608—1678 гг. появилось 22 поселения. Началось освоение переселенцами из среднесысольских волостей необжитых территорий на рубеже Сысольской и Ужговской земель (к 1608 г. там возник починок Палауз, ставший с ростом населения погостом, а позднее выделившийся в отдельную волость) и на берегах Малой Визинги (приток Сысолы), где к 1608 г. был основан починок Чухлома.

Таким образом, вызванные рядом факторов активные миграции привели к вовлечению в хозяйственный оборот огромного

количества новых земель. В течение XVII в. произошло заселение обширных пространств на верхней Вычегде, верхней Печоре, Мезени и Летке. Шло внутреннее освоение территорий в старожильческих районах. Жителями Коми края и переселенцами извне в 1608—1678 гг. было основано 268 поселений, а в 1678—1707 гг.— еще 43. Но несмотря на интенсивность колонизации Коми края, в XVII в. она не была завершена. Причем, если основание старожильческих районов вскоре (в первой половине XVIII в.) в основном, закончилось, то процесс заселения восточных территорий продолжался еще в течение длительного времени.

* * *

1. Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края.— Сыктывкар, 1958; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами.— М., 1982.
2. См.: Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века.— Вологда, 1976.— С. 233—234, 237, 252—257.
3. См.: Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX начале XX века.— М., 1983.— С. 14—16.
4. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века.— М., 1972.— С. 57, 70; Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII века // История СССР.— 1961.— № 6— С. 60—79.
5. Преображенский А. А. Указ. соч. —С. 138.
6. ЦГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 477, л. 40 об.— 55, 74, 76.
7. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII веке.— Л., 1984.— С. 8.
8. Акты времени правления царя Василия Шуйского.— М., 1914.— С. 322.
9. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962. — С. 28.
10. Документы по истории народа коми.— Сыктывкар, 1985.— С. 155—156, 321—324.
11. ЦГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 15039, л. 542—592.
12. Приходо-расходные книги московских приказов.— М., 1983.— С. 371.
13. ЦГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 446, л. 621—622 об., 634 об.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЧЕРНОСОШНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПОМОРЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В XVII в.: МЕТОДИКА И ИСТОЧНИКИ

М. А. Мацук

Изучение любой проблемы предполагает в первую очередь выработку методики исследования для того, чтобы получить сопоставимые результаты как в территориальном, так и в хронологическом планах.

В настоящее время отсутствует единая методика исследования проблемы феодальной эксплуатации черносошного крестьянства Поморья и Приуралья как XVII, так и других веков (XV—XVI и XVIII—XIX). Объясняется это, на наш взгляд, тем, что данная проблема только начинает разрабатываться историками, и она далека до своего окончательного разрешения. В настоящий момент имеющиеся работы по проблеме феодальной эксплуатации основаны на использовании различных методик.

Не вдаваясь в детальную критику использованной М. М. Богословским и А. И. Копаневым[1] методики, подчеркнем ее основные черты: а) выборочное использование данных как о номенклатуре, так и о размерах налогов и повинностей, выполнявшихся северным черносошным крестьянством; б) не всегда обоснованное перенесение данных о номенклатуре и размерах налогов и повинностей, падавших на черносошных крестьян и на крестьян северных монастырей, церквей и князей церкви и, наоборот; в) стремление использовать для выведения тяжести уровня централизованной ренты единицы обложения, присущие сошному письму — обжи, выти, сохи (С. Б. Веселовский вычислял тяжесть четвертного налога на соху в разных поморских уездах), а также отдельные данные о ценах на хлеб.

Мы считаем, что несмотря на ряд положительных моментов, данная методика не позволяет получить сравнимые, отвечающие исторической действительности, результаты.

В своем исследовании феодальной эксплуатации черносошного крестьянства Яренского уезда конца XVI—XVII вв. и изучении данной проблемы в рамках других Поморских и Приуральских уездов (Кунгурского, Соликамского, Чердынского, Кайгородского, Пустозерского, Кевроло-Мезенского и Двинского) мы придерживаемся следующей методики.

Во-первых, необходимо выяснить всю номенклатуру налогов и повинностей, лежавших на черносошных крестьянах избранного уезда или группы уездов. Естественно, должны учитываться административно-территориальные изменения, происходившие в Поморье в выбранное для исследования время. Не допускается автоматического переноса номенклатуры налогов и повинностей крестьян одного или ряда уездов на все Поморье. Объясняется данное положение разницей в номенклатуре централизованной ренты крестьян разных поморских и приуральских уездов. Разница эта существовала и в XVI и в XVII вв. Для XVI в. поуездную разницу в номенклатуре налогов и сборов для большинства уездов показали М. М. Богословский и С. Б. Веселовский[2]. В XVII в., в основном налоги вводились общегосударственные, но были и сборы, падавшие на крестьянство ряда поморских уездов и повышавшие в это время в этих уездах уровень централизованной ренты. Например, в 1668 г. собирался налог на строительство укреплений г. Архангельска и каменного гостиного двора с крестьян Вологодского, Каргопольского, Устюгского, Сольвычегодского, Чарондского, Вятского, Важского и Кевроло-Мезенского уездов[3].

На черносошных крестьян Поморья в XVII в. падали две общегосударственные повинности — это ямская гоньба и сбор даточных людей в стрельцы и солдаты. Наряду с этими повинностями существовали повинности «региональные», лежавшие на крестьянах одного или ряда уездов (например, сибирские хлебные запасы — Соль Камская, Чердынь, Кайгородок, Вятка, Яренск, Устюг Великий и Сольвычегодск; перевозка хлеба на жалованье кольским и пустоозерским стрельцам — Двина и Кеврола и Мезень и т. д.). Эти «региональные» повинности играли большую роль в создании неравномерности уровня централизованной ренты в различных поморских уездах.

Во-вторых, необходимо исследовать историю налогов и повинностей во всем номенклатурном объеме в рамках каждого уезда выбранной территории. Следует учитывать время действия каждого налога и каждой повинности, причем обязательно должны быть учтены годы временной отмены налога или повинности.

Что касается налогов, то необходимо за каждый год избранного для изучения периода времени выяснить поуездный оклад каждым налогом, оклад счетной единицы, и «взятье» за этот год. Для выведения динамики уровня централизованной ренты

достаточно первых двух показателей. Третий показатель демонстрирует наличие недоимочности в регионе.

Изучая повинности, мы старались выяснить затраты крестьян на выполнение государственных повинностей, учитывая наличие или отсутствие денежной компенсации со стороны государства за выполнение данных повинностей. Не допускается автоматический перенос данных о выполнении повинностей крестьянами одних уездов на весь регион, охваченный повинностью. Дело в том, что условия выполнения одной и той же повинности в разных уездах были разными. Так, в 1682 г. соликамцы, вятчане, устюжане, яренчане и кайгородцы должны были в счет сибирских хлебных запасов возить на Верхотурье деньги, а крестьяне Чердынского, Сольвычегодского и Сысольских волостей Яренского уезда — хлеб[4]. Разной иногда была квота сбора даточных людей в поморских уездах. Посопный хлеб на жалованье двинским стрельцам перестал собираться с двинян в 1675 г., а с кевроло-мезенцев — в 1678 г.

В-третьих ,необходимо брать для анализа уровня эксплуатации данные, относящиеся к изучаемой категории крестьянства.

Дело в том, что во второй половине XVII в. резко возросло «давление» государства на духовных феодалов. Неоднократно назначаются сборы даточных людей с монастырских и церковных крестьян; они платят в большем объеме полоняничные деньги, в отдельные годы деньги ратным людям на жалованье, деньги на конские кормы, на корабельное строение и т. п. Иногда номенклатура налогов и повинностей черносошных и церковных, монастырских крестьян в одном уезде за один и тот же год не совпадает. Поэтому перенос данных, относящихся к одной группе крестьян на другую, приводит к неверным выводам.

После получения динамики ежегодных затрат крестьян такого-то уезда на уплату всех государственных налогов и выполнения всех повинностей встает вопрос о вычислении уровня централизованной ренты. Для такого вычисления необходима стабильная единица измерения. На наш взгляд, для XVI — первой половины XIX в. такой единицей может быть только крестьянский двор. Другие единицы (обжа, выть, соха, ревизская душа) не могут использоватся, так как «срок действия» их ограничен во времени коротким периодом существования. Это самый главный показатель, говорящий против их использования. Крестьянский же двор существовал во все эти века. Конечно, может быть, по количеству населявших его людей двор XVI в. отличался от двора первой половины XIX в., однако вряд ли это отличие было очень большим.

Разделив общую сумму денег, затраченных на налоги и повинности в данном уезде, на число крестьянских дворов, зафиксированных в кадастровых документах, мы получим динамику лишь номинального уровня централизованной ренты. Для полу-

чения реальной картины уровня феодальной эксплуатации черносошного крестьянства в данный конкретный момент необходимо, на наш взгляд, во-первых, учитывать изменения монетной стопы, причем необходимо оговорить «базисную», для проводимого исследования, стопу .Во-вторых, сопоставить полученные номинальные результаты с динамикой цен на основные продукты питания населения данного уезда за те же годы. Очень важно приводить не отдельные показатели за отдельные годы на отдельные продукты, например, рожь. Известно, что в Поморье далеко не все уезды могли в полной мере считаться хлебородными. Хозяйство поморского крестьянина комплексное, структура потребления продуктов питания не замыкается на продукции земледелия.

На наш взгляд, реальный показатель эксплуатации определяется соотнесением номинальных величин с монетной стопой. Динамика цен лишь увеличивает репрезентативность полученных данных. Очень важный вопрос о доле крестьянского дохода, изымаемой феодальным государством в виде централизованной ренты, на наш взгляд, на материалах поморских уездов XVI—XVII вв. не может быть решен до тех пор, пока не будет вычислен хотя бы средний (усредненный) бюджет крестьянского двора в разных уездах.

Вопрос об источниковом обеспечении изучения проблемы феодальной эксплуатации тесно связан с методикой исследования. При методике, предложенной нами, главное значение имеет наличие (сохранность) источников с цифровыми данными за каждый год или за большинство лет из выбранного хронологического отрезка.

Данные о налогах и повинностях разбросаны по многочисленным документам, хранящимся в разных архивохранилищах страны. Это составляет наибольшую трудность при исследовании феодальной эксплуатации черносошного крестьянства Поморья в XVII в.

Комплекс источников для XVII в. отличается от комплекса для XVI в., что связано с «характером» налогов и принципами налогообложения, действовавшими в то или иное время.

Если налоги XVI в. можно изучать по данным писцовых книг (для определения оклада уезда и счетной единицы) и актового материала (фиксировался оклад и «взятье»), то исследование налоговой системы XVII в. требует привлечения более широкого круга источников.

В этот круг входят писцовые книги (фиксировали уездный оклад четвертого налога), приходные и приходо-расходные книги Новгородской и Устюжской четвертей (приказов) (отмечалось «взятье» основных налогов и часто их оклад), сметные списки поморских городов с уездами (отмечались оклад, «взятье» налогов, сборов, фиксировалось иногда наличие в данный год такой-то повинности, например, сбора даточных людей и т. д.) и актовый материал.

Сохранность источников, освещающих проблему в рамках разных уездов, неодинаковая. Особенно это относится к наличию в настоящее время сметных списков. Если по Вятке и Двине сметные списки сохранились соответственно за 35 и 31 год, то по Кайгородку — за 4, по Кевроле и Мезени — за 5, Пустозерскому острогу — за 6, Соли Камской — за 8, Чердыни — за 10 лет. Причем у «малообеспеченных» часть сметных списков приходится (как у Двины и Вятки) на 80—90-е гг., в основном обеспеченные данными сохранившихся приходных и приходо-расходных книг Новгородского приказа. 40—70-е гг., наименее обеспеченные материалами приходо-расходных книг, не «закрываются» по большинству поморских уездов, относившихся к Новгородскому приказу, сметными списками.

В этих условиях громадную роль для раскрытия проблемы, в соответствии с нашей методикой, играет актовый и делопроизводственный материал. Благодаря ему удается реконструировать уездный оклад того или иного налога в таком-то году и «взятье». Лишь по актовым источникам возможно восстановить историю повинностей черносошного крестьянства таких, как сибирские хлебные запасы, ямская гоньба, сбор даточных людей в уездах. Причем тут большую роль играют не только царские грамоты ,отписки воевод, но и платежные отписки земских старост в получении с волостей денег на поддержание на должном уровне ямской гоньбы, отписки даточных в получении «подмоги» от волостных крестьян и т. п.

Некоторые недостатки нашей методики, выявленные в процессе работы над названной темой, связаны с двумя аспектами: неполнотой источников и зафиксированной, пока на материалах Яренского уезда, разницей поволостных уровней централизованной ренты за весь период использования сошного письма.

Из-за отсутствия данных об окладе и сборе налогов за ряд лет пришлось прибегнуть в ряде случаев к «усеченному» получению средних показателей за десятилетие, например, на основе данных за 7—8 лет. Наибольшую трудность и как следствие, искусственность результата вызвал сбор цифровых данных о затратах яренских крестьян на ямскую гоньбу. За 110 лет (хронологические рамки исследования 80-е годы XVI — конец 90-х гг. XVII в.) мы обнаружили всего лишь чуть больше 20 годовых показателей. Поэтому на остальные, почти 90 лет, мы вынуждены были распространять среднегодовую цифру затрат на ямскую гоньбу. Большую трудность вызвал поиск данных о расходах крестьян при сборе даточных людей. Из-за отсутствия за ряд лет подобных сведений мы вынуждены констатировать, что в такой-то год сбора даточных затраты крестьянского двора повышались на неустановленную сумму (например,

95 к.+?). В то же время мы считаем, что вряд ли можно считать затраты крестьян на подмогу каждому даточному равными официальной цифре сбора денег вместо даточного. Итак, установление ежегодных затрат крестьян на уплату налогов и выполнение повинностей, вследствие неполной сохранности документов и разбросанности данных по сотням архивных дел, представляется делом трудоемким, что является не слишком привлекательным моментом нашей методики.

Вторым недостатком предлагаемой методики можно считать довольно-таки высокий поуездный уровень обобщения данных. При существовавшей в Русском государстве XVII в. системе посошного обложения и неизменности сошного письма от описания до описания, не учитывавшей социально-демографических изменений, в волостях одного уезда могла существовать и существовала разница в уровне централизованной ренты. Однако при поуездном обобщении приходится оперировать данными о затратах в масштабе уезда и о числе дворов в уездах. При этом неизбежно появляется некоторое усреднение данных и упрощение картины самой исторической действительности.

Полагаем, однако, что представленные выводы и рассуждения вызовут интерес у специалистов к созданию единой методики исследования феодальной эксплуатации разных разрядов крестьянства, что позволит в конечном счете получить материалы для освещения реального хода истории России в феодальную эпоху.

* * *

1. Богословский М. М. Тяглая организация Поморья в XVII веке // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества.— М., 1913.— Т. 3.— С. 1—26; Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в.— Л., 1984.— С. 192—207.
2. Веселовский С. Б. Сошное письмо.— М., 1915.— Т. I.
3. ДАИ.— СПб., 1857.— Т. 6.— № 21. П.— С. 113—114.
4. АИ.— СПб., 1842.— Т. 5.— № 76.— С. 118—119.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН В XVII в.

З. В. Дмитриева, И. А. Чернякова

Земледелие составляло основу крестьянского хозяйства в средневековой России, поэтому все сюжеты, связанные с изучением крестьянского землепользования, традиционно находятся в центре внимания аграрной историографии. И все же ряд проблем экономического развития феодальной России XVII в. остаются изученными явно недостаточно.

Так, хотя отечественными историками установлено, что в ряде регионов государства в XVII в. произошло заметное сокращение тяглых крестьянских наделов, эволюция этого процесса, причины, его вызвавшие, и воздействие его на все стороны жизни и быта многомиллионного российского крестьянства все еще не ясны.

Поскольку основными источниками для изучения крестьянского землепользования в XVII в., как и в XVI в., остаются писцовые описания, главные среди которых— писцовые книги 1620—1630-х гг., создавшееся положение связано прежде всего с неполной сохранностью этого вида источников. Однако не в меньшей степени оно вызвано разными, подчас противоположными, оценками достоверности их данных и различной интерпретацией ряда их терминов.

Использование писцовых книг 1620—1630-х гг. значительно осложнено тем, что в те годы государство ввело новые единицы обложения — живущую четь и живущую выть. Это повлияло на состав информации писцовых книг, многие из которых перестали содержать данные о земле, так как оклад — число живущих четвертей — определялся количеством крестьянских и бобыльских дворов. Терминологическая близость новой единицы обложения живущей чети и широко бытовавшей в XVI и XVII вв. меры площади земли — чети, равной полудесятине, долгое время вводила в заблуждение исследователей. В последние годы советские историки внесли значительный вклад в понимание сущности живущей чети и живущей выти и в определение значения писцовых книг этого периода как исторического источника[1].

Выяснено, что для изучения крестьянского землепользова-

ния в XVII в. могут быть использованы писцовые книги оптимального варианта (рязанско-псковского типа), составленные по образцу писцовых книг XVI в. Отметив, что основная масса писцовых книг по Северо-Западу не содержит данных пространственного измерения земли, (по оптимальному варианту были составлены лишь псковские, белозерские и заонежские писцовые книги), мы считаем нужным обратить внимание на то, что даже установление принадлежности тех или иных писцовых книг к оптимальному варианту не снимает вопроса о репрезентативности их данных.

Мерили или нет живущую пашню при составлении писцовой книги? Как определяли размеры пустого (перелога и лесом поросшей пашни)? Что понимали под определениями качества земли «добрая», «средняя», «худая»? И наконец, вся ли земля, использовавшаяся крестьянами, оказалась учтена в писцовых книгах? Эти и другие вопросы невозможно решать на основе исследования собственно писцовых книг первой трети XVII в. Необходимо привлекать широкий круг документов писцового дела, в том числе и другие государственные переписи XVI и XVII вв., а также материалы вотчинного делопроизводства, как более ранние по составлению, так и более поздние, и акты.

Реальные данные о пашне содержат заонежские писцовые книги 1628—1631 гг.[2] Хотя они не включены в классификацию, предложенную московским коллективом авторов (Л. В. Миловым, М. Б. Булгаковым, И. М. Гарсковой), как содержащие сведения о живущей выти, а не о живущей четверти, а по мнению А. Л. Шапиро, представляют собой особый тип; их, по-видимому, можно считать особой разновидностью книг оптимального варианта. Эти книги содержат наиболее полную информацию о пашне из всех описаний Заонежских погостов XVI—XVII вв. По сравнению с 1582 г. общий массив учтенных земель вырос в два раза, а по сравнению с 1563 г. — в три. Письмо конца 1620-х — начала 1630-х., по всей вероятности, отразило реальную и максимально возможную распашку олонецким крестьянством пригодной под пашню земли. О том, что писцы Н. Панин и И. Долгоруков в 1620-е гг. учли всю пригодную к обработке пашню, свидетельствуют и многочисленные челобитные населения с жалобами на «тяжелое» письмо. Естественно, что налог с выти, взимаемый прежде с части обрабатываемой земли, будучи распространен на всю обрабатываемую землю, оказался непосильным для крестьян. И правительство пошло на введение живущей выти, снизив тем самым тягло и переведя оставшиеся «за указанным числом», т. е. за пересчетом на 15-ти дворную выть, земли на более льготный оброк.

Обнаружение в архиве ЛОИИ СССР уникального документа — мерной книги монастырских старцев Иева и Филофея Тихвинского монастыря на Шунгский погост 1675 г. позволяет подтвердить высказанный тезис[3].

Земли Шунгского погоста были отписаны Тихвинскому монастырю в вотчину в начале 1670-х гг. Причиной составления мерной книги 1675 г. явился обмер пашенных земель из-за споров крестьян о справедливости вытного оклада, определенного монастырскими властями после отписания погоста в монастырь. Перемер земель производился очень тщательно и при участии выборных крестьян. Указом был определен размер веревки — «длинник 80 сажен, поперечник 30 сажен трехаршинных», т. е. мерили десятинами в 2400 кв. сажен. Сопоставление данных о пашне по деревням писцовой книги 1628—1631 гг. и мерной книги 1675 г. показало, что общее количество пашни паханой тяглой, перехожей на оброке и перелога с лесными порослями в деревнях по сведениям за 1620-е гг. близко к данным обмера 1675 г. В целом по погосту расхождение составило немногим более 4%. Заметим еще, что перехожие оброчные земли, составлявшие сразу после введения живущей выти 60,8%, по новому монастырскому описанию все включены в тягло.

Сохранившиеся материалы по Заонежью дают возможность определить писцовые книги 1620 — начала 1630-х гг. не только как наиболее полные по информации, но и высказать мнение, что при их составлении все земли измерялись, как живущие тяглые, так и перелог, т. е. то, что считалось «впусте».

Иные результаты получены при сравнении данных о пашне белозерской писцовой книги 1626—1627 гг. и вотчинного обмера 1660 г.[4] Обмер в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря был проведен в связи с попыткой монастырских властей ввести единую во всех вотчинах единицу обложения — выть, равную 12-, 14-, 16-ти четвертям пашни[5]. Мерили землю, как и в Шунгском погосте, монастырские старцы и выборные крестьяне. При сравнении данных двух описаний по волостям выявилось, что количество пригодной к обработке пашни, учтенной в 1660 г., почти в два раза больше, чем сумма живущей и пустой (с лесными порослями) пашни по сведениям за 1620-е гг. Возможно, в 1640—1650-е гг. происходила активная распашка новых земель, но возможно, и то, что в государственных переписях в Белозерье не учитывали всю землю.

Сопоставив сведения о пашне писцовой книги 1626—1627 гг. и дозорных книг 1612/13 г., 1615 г. и 1618 г.[6], удалось установить, что суммарные данные о живущей и пустой (перелоге и лесом поросшей) пашне совпали в значительном числе отдельно взятых деревень. Такое совпадение информации о земле в государственных переписях разного времени дает основание считать, что писцы, начиная с 1615 г. при определении размеров пашни в деревнях пользовались дозорной книгой 1612/13 г. Данные какого документа послужили основанием для дозорщиков в 1612/13 г.? Сравнив сотные 1560—1570-х гг. на белозерские села Ярогомж, Воскресенское, Богоявленское, Волок Славинский[7] и дозорную книгу 1612/13 г. никакого соответствия

данных о пашне в них установить не удалось. Возможно, дозорщики пользовались несохранившимися до наших дней материалами письма С. Д. Жижемского конца 1570-х — начала 1580-х гг.

Интересно отметить, что данные вотчинного и государственных описаний первой трети XVII в. по какой-то части деревень совпадают. Вероятно, монастырские власти пользовались дозорными книгами как приправочными, однако вносили свои коррективы. Кроме того, следует указать, что монастырских старцев мало интересовали пустые земли. Сведения о них вписаны после составления основного текста, а данные о пашне, поросшей лесом, как правило, и вовсе опущены.

На псковских землях в 1620-е гг., по данным Н. Н. Масленниковой, как и в Белозерье, по всей вероятности, землю не обмеряли. Размеры земельных угодий определялись на основе писцовых книг 1580-х гг. Поэтому итоговые сведения о пашне совпадают в описаниях 1620 и 1580-х гг.[9] Устанавливается, однако, что при проведении переписи 1620-х гг. земли учтены несколько полнее. Писцы проводили розыск скрытых земель, пытались найти «порозжие» неучтенные земли. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы архива Ивана Вельяминова и пометы на самих книгах.

Все изложенное дает основания считать, что неуклонное сокращение тяглых наделов (в 2 и более раза в Белозерском уезде и в Заонежских погостах), наблюдаемое на протяжении XVII в., по сравнению с серединой XVI в., было вызвано не земельной теснотой (отсутствием свободной для обработки пашни) и даже не стремлением монастырей увеличивать собственную запашку за счет крестьянской пашни, а с одной стороны, системой учета в государственных переписях, находившейся в прямой зависимости от системы обложения, а с другой — стремлением налогоплательщиков сократить размеры тяглой земли.

Особенность информации писцовых книг как документов государственного кадастра раскрывается и при анализе сведений о качестве земли. Сопоставление определений качества земли в вариантах «добрая», «середняя», «худая» в разных описаниях, относящихся к одной территории, показало, что писцовые книги, составленные в разное время, качество земли определяют по-разному. На это обстоятельство обратил внимание еще А. И. Копанев, анализируя материалы белозерских писцовых книг[10]. И что здесь интересно, если писцы в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в 1612/13 г. определили всю землю как «худую», то в 1626—1627 гг. земля подразделяется уже на «худую» и «середнюю». Интересно и то, что монастырские описания качество тех же самых земель определяют по-разному. В Кирилло-Белозерском монастыре старцы делили земли на «самые худые», «худые», «середние» и «добрые» (земли, ранее признанные дозорщиками «худыми»), при этом «средние», «добрые» земли по их данным преобладают, т. е. в своих оценках монастырские власти разошлись с государственными писцами в сторону улучшения качества земель. Иная картина в Заонежских погостах. Если писцы в 1620-х гг. в Шунгском погосте назвали все земли «добрыми» (вообще это наиболее плодородные территории в регионе благодаря выходам на поверхность шунгитов, улучшающих качество почв), то монастырские власти в 1675 г. выделили здесь четыре категории земель: «самые худые», «худые», «середние» и «добрые», при этом нашли еще и часть «безугодных». По их оценкам, «самые худые» и «худые» земли явно преобладают.

По-видимому, только комплексный анализ разных по происхождению источников может дать близкое к действительному представление о качестве бывших в пользовании у крестьян земель — определяюще важной характеристике при изучении крестьянского хозяйства и землепользования.

Итак, изучение крестьянского землепользования по государственным и вотчиным описаниям XVI—XVII вв. выявляет неоднозначность оценок и в каждом случае ставит вопрос о необходимости выяснения репрезентативности данных массовых источников XVII в. Разумеется, полученные на материалах Северо-Запада результаты нельзя абсолютизировать и в равной степени распространять на другие регионы. Несомненно, однако, то, что нельзя изучать социально-экономическую историю на основе отдельно взятых документов. Даже рассмотрение узкого в тематическом и хронологическом плане вопроса требует выявления и критического анализа всего комплекса сохранившихся источников.

* * *

1. Милов Л. В. Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования.— М., 1986; Шапиро А. Л. Живущая четверть и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины.— Л., 1988.— Т. XIX.— С. 94—117.

2. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 308; Олонецкие губернские ведомости, 1850, № 12—48: 1851, № 1—2.

3. Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ф. 132, оп. 2, кн. 292.

4. ГПБ, ОР, С-Петербургская Духовная академия, А. 1/16, л. 58—1094; Архив ЛОИИ, кол. 115, д. 1072.

5. О проведении переписи 1660 г. см.: Дмитриева З. В. Некоторые аспекты метрологии вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины.— Л., 1985.— Т. XVI.—С. 148—154.

6. ГПБ, ОР, С-Петербургская Духовная академия, А П/395: Кирилло-Белозерское собрание, № 76/1315, 77/1316.

7. Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 2: Тексты и обзор белозерских актов (1395—1758 гг.)— М., 1900.— С. 120—144.

8. Архив ЛОИИ СССР, кол. 115, д. 1071, л. 64—92.

9. Сборник Московского архива министерства юстиции.— М., 1913.— Т. 5; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 827, 830, 17223—17228.

10. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.— М.; Л., 1951.— С. 11—12.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ВКЛАД СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СТРОИТЕЛЬСТВО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ПРИ ПЕТРЕ I (МАСТЕРОВЫЕ И РАБОТНЫЕ ЛЮДИ ВЕРФЕЙ)

П. А. Кротов

Успех в строительстве военно-морского флота на Балтике в начале XVIII в. был во многом подготовлен наличием на Севере страны крестьян и посадских людей, опытных благодаря промысловой направленности их хозяйств в таких определяющих судостроение ремеслах, как плотницкое, кузнечное и др.

Балтийский флот начинал строиться северными крестьянами и посадскими людьми. Развернувшееся по указу Петра I 22 января 1702 г. на верфи у устья р. Сясь строительство первых военно-морских кораблей-фрегатов — велось опытными плотниками Олонецкого уезда и тихвинскими кузнецами. Вспомогательные работы выполняли жители Олонецкого уезда — работные люди [1]. Главные силы Балтийского флота в 1703—1705 гг. были созданы на открытой 24 марта 1703 г. в Лодейном Поле Олонецкой (по названию уезда) верфи. Для обеспечения ее рабочей силой Петр I указом 8 сентября 1703 г. приписал к ней северные Белозерский, Каргопольский (с городом Турчасовым и округой, в некоторых документах выделявшимися в отдельный уезд) и Пошехонский уезды, насчитывавшие тогда 31 400 дворов [2]. Вплоть до приписки в 1705 г. всего Олонецкого уезда к Олонецким петровским заводам крестьяне этого уезда также работали на верфи в Лодейном Поле. По словам коменданта верфи И. Я. Яковлева, они «были заобычные к корабельному делу» [3]. Даже на 26 августа 1705 г. на Олонецкой верфи находились уже «ведомые... к железным заводам» следующие олонецкие мастеровые люди: 324 плотника; 174 кузнеца: 49 прядильщиков, трепальщиков, канатчиков; 20 котельников; 9 мастеров по жжению древесного угля и 5 человек «у сыску лесов» — всего 581 чел [4].

Изучение конкретных данных позволяет представить размеры привлечения работных людей на верфи и их вклад в строительство Балтийского флота на начальном этапе. В 1703 г. на Олонецкую верфь из приписанных уездов было послано 6 358 работников, 3 179 подводчиков, в 1704 г. — соответственно 3 178 и 1 590 [5]. Из прибывших с 7 декабря 1703 г. до конца февраля 1704 г. на Олонецкую верфь из Белозерского, Каргопольского и Пошехонского уездов 2 631 работника и 1 577 подводчиков, которых по мере падежа лошадей переводили на другие работы, 1 658 тесали кокоры, доски и брусья в лесах и выносили их к дорогам, 488 работали плотниками, 108 кузнецами, 402 жгли уголь, 131 выполняли вспомогательные работы у строившихся судов, 172 чистили конопать, 296 работали на канатном дворе, 322 были «у разных работ, и у всякого хоромного строения, и у пивоварни... в денщиках и в истопщиках», 475 работали подводчиками (12 бежали, 144 умерли) [6]. О высоком уровне мастерства русских крестьян и посадских людей говорит то, что часть работных людей из этого числа перешла, когда в этом возникла необходимость на верфи, от выполнения подсобных работ к привычным для них плотницким и кузнечным. В 1708 г. А. Д. Меньшиков писал, что в 3 приписанных уездах, «а особливо в Каргополе, зело много добрых плотников» [7]. В 1705 г. на Адмиралтейскую верфь в Петербурге (основана 5 ноября 1704 г.) было прислано два наряда пеших работных людей и один наряд подводчиков, на Олонецкую — соответственно по одному (см. табл.). Все работные люди были со своими «запасы на 3 месяца» [8].

Уезды	Адмиралтейская верфь				Олонецкая верфь			
	Определено послать		Послано		Определено послать		Послано	
	Пешие	Подводчики	Пешие	Подводчики	Пешие	Подводчики	Пешие	Подводчики
Белозерский	1199	290	1077	206	1020	672	726	483
Пошехонский	975	230	932	198	805	542	778	452
Каргопольский	546	—	532	—	585	—	480	—

Практика нарядов работных людей на Адмиралтейскую, а по мере необходимости и на другие верфи была постоянной. Подавляющее большинство работных людей приходило из северных уездов. По указу Петра 16 июня 1712 г. к Адмиралтейству были приписаны с уездами города Олонец, Каргополь, Белоозеро, Устюжна — Железопольская, волость Сермакса Новгородского уезда С.-Петербургской губернии, и дворцовая волость Чаронда Архангелогородской губернии, причем в 1714—1720 гг. Сермакса к Адмиралтейству уже не относилась. По проведенной Адмиралтейством в 1712—1713 гг. переписи в Белозерском, Каргопольском, Устюжно-Железопольском уездах и Чардонской волости имелось 9 102 двора, в том числе только

3 Заказ № 6909

590 (6,5%) посадских [9], т. е главную роль в обеспечении верфей работниками играли именно крестьяне ,а не посадские люди.

Высокая степень подготовленности к мануфактурному производству северного русского промыслового населения способствовала тому, что из него была составлена основа постоянных кадров рабочих — мастеровых людей Адмиралтейской верфи в Петербурге. Летом 1705 г. туда были переведены рабочие кадры с Олонецкой верфи [10]. Уже на 1 апреля 1706 г. на Адмиралтейской верфи было 962 мастеровых 16-ти специальностей, на 30 ноября того же года — 1 047 мастеровых, причем численность их по отдельным специальностям мало отличалась от данных на 1 апреля, что говорит о стабилизации их состава [11].

Внесшая большой вклад в строительство Балтийского флота Соломбальская верфь Архангельска целиком обеспечивалась рабочими за счет крестьян и посадских людей Двинского уезда[12]. Весной 1710 г. два фрегата на Соломбале доделывали 213 мастеровых восьми специальностей [13], на 10 марта 1713 г. три линейных корабля для Балтийского флота там строили более 600 «всяких деловых людей»[14]. Всего же во время осуществления с конца 1707 г. второй программы строительства Балтийского флота, выполненной к концу 1715 г., из 17 построенных в России линейных кораблей семь и из трех фрегатов два были построены поморами в Архангельске.

Таким образом, крестьяне северных уездов сделали решающий вклад в строительство Балтийского флота при Петре I.

* * *

1. Материалы для истории русского флота (Далее — МИРФ).— СПб., 1865.— Ч. 1.— С. 1, 3, 4, 9—11.
2. Там же.— С. 39;— СПб., 1866.— Ч. 3— С. 430—431; ЦГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 83, л. 340.
3. МИРФ.— Ч. 1.— С .83.
4. Там же.— С. 99.
5. Там же.— Ч. 3.— С. 235.
6. ЦГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 34, л. 188—189.
7. МИРФ.— Ч. 3 — С. 242.
8. ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1905, л. 9.
9. МИРФ.— Ч 3.— С. 252, 255, 262—263, 270, 273, 276, 278.
10. Там же.— Ч. 1.— С. 98.
11. ЦГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 47, л. 283—285; д. 81, л. 27—29.
12. Там же, д. 28, ч. 1, л. 262, 263; ф. 176, оп. 1, д. 22, ч. 2, л. 306 об.— 307.
13. Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 10, оп. 2, д. 60, л. 35—35 об.
14. ЦГАВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 57, л. 52.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

«ОФИЦЕРСКИЕ» ОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

А. А. Лысак

«Офицерские» описи — богатейший описательно-статистический источник середины XVIII в., периода завершения десятилетних колебаний правительства в решении вопроса о церковном землевладении.

Коллегия экономии, воссозданная именным указом от 21 марта 1762 года [1], предполагала провести описание церковных и монастырских владений: в июне 1762 г. Коллегией в Сенат была послана записка с «требованием его императорского величества указов» для проведения подобного описания [2]. Но 12 августа 1762 г. уже правительством Екатерины II Коллегия экономии была ликвидирована, и идею всеобщего описания церковного и монастырского владений пришлось претворять в жизнь вновь созданной Комиссии о церковных имениях [3]. В «Инструкции» данной Комиссии о церковных имениях», от 29 ноября 1762 г. указывалось на необходимость быстрого и достоверного составления описей всех «духовных имений», при этом было рекомендовано «употребить к таковым описаниям во все епархии в одно время посторонних людей с тем, чтоб не токмо на одне сказки мужичьи или прикащичьи они полагались, но и своими глазами обегали деревни, а потом при подаче описей о всякой деревне положили примерное свое примечание» [4].

Через два месяца, 29 января 1763 г., утверждены были рекомендации по составлению описей и формы ведомостей [5]. В рекомендации указывалось, что описание должны вести обер-офицеры «из дворян непрестарелых», знающие хорошо «экономию». Им в помощь на местах губернские воеводские канцелярии должны были выделять двух приказных служителей и двух солдат или «разсыльщиков», «те, места знающих». Описание предполагалось вести по двум формам. Первая форма из четы-

рех пунктов предназначалась для описания вотчин архиерейских домов, вторая — из семи пунктов — для описания монастырей и пустынь. Опись должна была отразить местоположение архиерейского дома, монастыря или пустыни, полный перечень хозяйственных и культовых построек, штат, земельные владения и пр. При описании вотчин с разверсткой по деревням требовалось указать удаленность населенного пункта от своего духовного владельца и от уездного центра, количество душ мужского пола (далее д. м. п.) по последней ревизии, количество пашенной земли по писцовым дачам и «ныне», количество сенных покосов, леса и других угодий. В опись нужно было включить также перечень различных денежных и хлебных доходов и расходов монастыря в 1761 г., раскладку повинностей крестьян в пользу архиерейского дома, монастыря или пустыни.

Описание церковных владений на Европейском Севере продолжалось более трех лет — с осени 1763—1766 гг. По данной территории автором выявлены и изучены «офицерские» описи по трем архиерейским домам (Архангелогородскому и Холмогорскому, Вологодскому, Великоустюжскому) и по Московскому патриаршему дому, 38 монастырям, 26 пустыням, 18 церквям и соборам. Наиболее полно по «офицерским» описям представлены церковные владения Вологодского, Устюжского, Двинского уездов.

В Устюжском и Усольском уездах в 1763—1764 гг. работал прапорщик князь О. Кикичев, в Вологодском в 1764—1765 гг. — поручик И. Колобков, его сменили в 1765—1766 гг. экономические казначеи поручик А. Глазов и поручик И. Левашов. Владения духовенства в Двинском уезде описывали прапорщик И. Скоробогатов и капитан К. Муратов, а также экономический казначей П. Турчанинов. Его же подписью скреплены описи по Важскому и частью по Устюжскому уездам.

Изученные описи можно условно разделить на две большие группы в зависимости от основного источника, послужившего для их составления. «Офицерские» описи этих двух групп во многих случаях различаются по структуре и форме описания и особенно по составу документации.

Первая группа «офицерских» описей обычно относится к 1763—1764 гг. и включает в себя более или менее подробную опись строений, имущества, штата, денежных и хлебных доходов и расходов монастыря за 1761 и 1763 гг. вотчинных владений монастыря, роспись повинностей крестьян. По такой форме описаны многие монастыри, церкви Устюжского, Тотемского, Важского уездов. На документах, наряду с подписью офицера, стоят подписи лиц духовного звания. Главной отличительной особенностью этой группы «офицерских» описей является отсутствие коллективных крестьянских документов (сказок, подписок, обязательств) — явных свидетельств участия крестьянского мира в составлении ведомостей. Видимо, основным источником для составления подобных описей служили данные «по записным и шнурозапечатанным книгам»[6] и устные пояснения самих церковнослужителей.

Бóльшую часть «офицерских» описей по Европейскому Северу можно отнести ко второй группе. В них гораздо меньше внимания уделено описанию самого монастыря, но зато шире дается картина крестьянского хозяйства.

Судя по высокой насыщенности ведомостей подробными описаниями всех видов налогов и отработок двух-трехлетней давности в денежном выражении, офицеры пользовались не только устными заверениями крестьян, но и каким-то письменными источниками. Возможно, таким источником были квитанции, которые духовные власти должны были выдавать крестьянам в подтверждение выполнения последними различных повинностей[7]. Так описывает свои действия поручик А. Писарев при составлении описи деревень, принадлежавших ранее (события происходили в декабре 1764 года) дому Вологодского архиерея в Белозерском уезде: «По приезде синодальной Соровской волости в деревню Улошково послал солдата вотчин Вологодского и Белозерского архиерея в деревню Поповскую, которая расстоянием от деревни Улошковой в четырех верстах, за лутшими крестьянами, которые по посылке и явились. Оным прочитан указ и по показанию той деревни Поповской старосты и всех крестьян описал, в чем за рукою приходского их священника скаска и подписки с них взяты»[8]. В зависимости от инициативы офицера документы, составленные за «рукоприкладством» самих крестьян или от их имени, по форме и содержанию были различны. Наиболее часто встречаемый документ — сказка крестьян: приехавшему офицеру «сказали сущую правду, в чем и подписуемся». Другие документы подтверждают «обязательство» крестьян «оброки платить бездоимочно» и быть «в послушании» новым властям. Интересны подписки крестьян, в которых они обосновывают свой отказ платить полуторарублевый с души оброк или ставят условия при определении величины его. Заканчивается описание какой-либо вотчины примечанием офицера. Примечание представляет собой краткую характеристику вотчины и определяет потенциальные экономические возможности, с точки зрения офицера, крестьянских хозяйств нести государственные повинности, причем дается сравнение с расположенными поблизости хозяйствами частновладельческих или черносошных крестьян.

Участие в составлении «офицерских» описей большого числа людей, выражавших разносторонние интересы (офицеры-переписчики, церковнослужители, крестьяне), сама процедура составления описей, использование при этом данных писцовых дач и других документов — все это весомые аргументы в пользу того, чтобы оценивать «офицерские» описи как достаточно достоверный источник. Встречающиеся отдельные описи и ошибки

в цифровом материале не умаляют в целом достоинства «офицерских» описей. Массовость, хорошая сохранность — вот дополнительные преимущества этого источника. Несмотря на все плюсы, «офицерские» описи очень мало использовались историками. Лишь описи некоторых монастырей, дома Вологодского архиерея, в той или иной степени использовали в своих работах Л. В. Милов, И. А. Булыгин, А. И. Комиссаренко [9].

Проведенный краткий анализ «офицерских» описей позволяет увидеть перспективы углубленного изучения этого вида источников. Имеющийся описательный и статистический материал описей поможет исследователям в решении таких важных вопросов, как характер, структура, уровень феодальной эксплуатации периода феодализма, положение крестьянства в середине XVIII в., его обеспеченность сельскохозяйственными угодьями, история русской православной церкви и практическое претворение в жизнь секуляризационной реформы Екатерины II. Источник позволяет широко использовать возможности методов математической статистики для серьезного исторического анализа и получения новых выводов.

* * *

1. Полное собрание законов Российской империи (далее ПЗС).— Первая серия.— Т. XV.— № 11481.— С. 948—953.
2. ЦГАДА, ф. 248, д. 3404, л. 452 об.
3. ПСЗ.— Т. 16.— № 11643.— С. 51—52.
4. ПСЗ.— Т. 16.— № 11716, п. 2.— С. 119.
5. ПСЗ.— Т. 16.— № 11745.— С. 146—152.
6. ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 122, л. 1 об; ПСЗ.— Т. 16— № 11747.— С. 152—153; № 11789.— С. 212—214; № 11791.— С. 219—221.
7. ПСЗ.— Т. 16.— № 11643.— С. 52; № 11730.— С. 135.
8. ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 141, л. 78.
9. Милов Л. В. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (По материалам монастырской барщины) // Исторические записки.— М., 1970.— Т. 85.— С. 207—267; Булыгин И. А. Крестьяне Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в первой половине XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР.— Вологда, 1970.— Вып. 3.— С. 108—120; Комиссаренко А. И. Волнение крестьян Архангелогородского Архангельского монастыря в 50—60-е гг. XVIII в. // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник.— Вологда, 1979.— Вып. VII.— С. 61—73; Он же. «Офицерские» описи как источник по истории землевладения и крестьянства Европейского Севера середины XVIII в. (опыт корреляционного анализа) // Вопросы истории крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции.— Киров. 1979.— С. 145—153.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ИСТОЧНИКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ В ЯРЕНСКОМ УЕЗДЕ

Н. П. Воскобойникова

В первой четверти XVIII в. подворное обложение было заменено подушным. Вызвано это было тем обстоятельством, что расходы государства к этому времени сильно возросли, а все попытки увеличить доходы с помощью подворной системы обложения оказались безрезультатными. Для увеличения размеров государственных доходов было принято решение о введении подушной подати и об учете для этой цели податного населения путем проведения ревизии.

22 января 1719 г. был опубликован указ Сената «Об учинении общей переписи людей податного сословия, о подаче ревизских сказок и о взимании за утайку душ»[1].

Указ обязывал «брать во всех губерниях сказки... сколько, где, в какой волости, селе или деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей, (которые имеют свою пашню) по именам есть мужеска полу, всех, не обходя от старого до самого последнего младенца с летами их...». Сказки должны быть поданы в течение 1719 г. Сказки о дворцовых, государственных церковных и черносошных крестьянах составлялись и подавались старостами и выборными людьми. Составление и сбор сказок на местах контролировали губернаторы и воеводы. Составленные сказки передавались в уездные, провинциальные и губернские канцелярии, где производилась их первичная обработка и проверка полученных сведений. Сказки и составленные по ним на местах итоговые ведомости о численности и составе мужского населения по каждому городу и уезду посылались в Петербург в канцелярию бригадира Н. Зотова.

В ЦГАДА хранятся две переписные книги населения Яренского уезда 1719—1720 гг.

Первая переписная книга населения всего Яренского уезда составлялась в декабре 1719 — январе 1720 гг.[2]

Вторая переписная книга населения части Яренского уезда (Вишерских, Верхневычегодских, Устьсысольских и Ужгинских волостей)[3] была составлена в феврале-марте 1720 г. В описи ЦГАДА она числится как «Книга переписная Еренского городка отхожих Вишерских волостей земских дел бурмистра Терентия Игушева», т. е. названа по первой составной ее части — книги Вишерских волостей.

Остановимся кратко на характеристике этих книг.

Переписная книга (сказки населения) Яренского уезда составлялась по указу от 22 января 1719 г. в течение декабря 1717 — февраля 1720 гг.

Описание каждой волости Яренского уезда начинается со следующих фраз: «1720 года... в... день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца и по наказу из Еренской канцелярии...» или «1720 года... в ... день по указу государя царя и великого князя Петра Алексеевича... и по печатному листу, каков прислан из Тобольска...»

Далее следуют сказки, которые подавали волостные окладные целовальники вместе с мирскими людьми. В сказках по погостам и деревням перечислялось мужское население крестьянских, бобыльских и нищенских дворов, приводились их родственные связи и возраст. В конце сказок по каждой волости помещался табель числа деревень, дворов и различных категорий населения; сказки крестьян каждой волости, скрепленные земских дел бурмистрами и целовальниками, были переданы в Яренскую воеводскую канцелярию, где они были сверены, сброшюрованы в книгу и скреплены двумя подписями Прокопия Курсина и коменданта Василия Кишкина[4].

В феврале-марте 1720 г. была составлена переписная книга населения Вишерских, Верхневычегодских, Усть-Сысольских и Ужгинских волостей Яренского уезда[5]. О том, как проводилась эта перепись нам известно по отписке земского дел бурмистра Вишерской волости Яренского уезда Терентия Игушева в Яренскую воеводскую канцелярию от 20 марта 1720 г.: «Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца стольнику и комендану Василию Дмитриевичу Кишкину Еренского городка уезду отхожих Вишерской волости земских дел бурмистр Терентий Игушев челом бьет. В нынешнем, господин, 720-м году февраля в... день послана ис канцелярии из Еринска великого государя указ память за приписанием руки твоея к нам Вишерские волости земских бурмистров нынешняго 720 году.

Велено по его великого государя указу в наших Вишерских волостях переписать дворы и в них крестьян по имянном со отцы и с прозвищи, и что за кем тяглой земли есть и сенных покосов и всяких угодий порознь, и по чему на ту тяглую землю хлеба высевается и сена ставитца и с других угодей каких доходов бывает под каждым двором и статьею у всякого человека, записывати имянно, и к той запися тем владельцы прикладывати руки. И тое перепись земские целовальники и посыльщики для подлинного известия в Еренск явить канцелярии коменданту тебе Василию Дмитриевичю Кишкину.

И по тому великого государя указу на Вишере в приказной избе собрал я, вишерской, в присудстве своем вишерского и подъельского и аныбского целовальников и мирских людей всех крестьян для вышеписанной переписи. И они, целовальники и мирские люди передо мною по святей непорочной евангельской заповеди господни еже ей ей сказали вправду о дворах и о пашенной земли и сенных покосах и о угодьях, и что они с тех земель и сенных покосов и угодей великого государю тягла платят и на ямские и на всякие издержки и на иные росходы на всякие в год у них выходит. И по их скаске учинил я перепись и записывал в книгу по статьям описывая имянно крестьянских и бобыльских дворов в них крестьян по имянном со отцы и с прозвищи, и что за кем тяглой земли и сенных покосов и всяких угодей порознь. И с той записке они целовальники и владельцы ко всем своим статьям прикладывали руки. И тое перепись за их руками с сею отпискою выслал в Еренск в канцелярии с посыльщиком Титом Игушевым и велел явить в Яринску в канцелярии тебе господину стольнику и коменданту Василию Дмитриевичу Кишкину.

К сей отписке вишерских земских дел бурмистр Терентей Игушев руку приложил. 1720 г. марта в 20 день. 1720-го апреля 3 дня подал сию отписку посыльщик Аверкий Игушев»[6].

В книге Т. Игушева описание каждой волости начинается с погоста, где приводится название церквей и указывается их архитектура, перечисляются дворы церковных причетчиков, крестьян и бобылей с именами всех проживающих в их дворах лиц мужского пола и их семейного положения.

Далее даются два типа описания волостей. Так, в Вишерских и Верхневычегодских волостях после описания деревень и починков, где приводятся имена владельцев дворов и всех проживающих в них лиц мужского пола, а также их семейных отношений, говорится о занятиях владельца двора: сколько им сеется хлеба в мерах, ставится сена в волоковых копнах и уплачивается налога.

После описания жилых дворов перечисляются пустые дворы с указанием социального положения и имен их бывших владельцев, времени и причинах запустения дворов, была ли у них пашня, а если была, то за кем она значится в настоящее время или лежит в пусте.

Сысольские и Ужгинские волости описаны несколько иначе. В описании перечисляется не только мужское, но и женское на-

селение дворов, их семейные отношения и возраст. О занятия населения этих волостей говорится по следующим формулам «опричь земледелия ничего не имеет», «питается от своей чер ной работы», «питается тое волости у крестьян черной рабо той», «питается в мире», или «скитается меж тое волости кре стьян». В этих же волостях приводятся реестры оброчных бан также пустых дворов с указанием в какие годы и отчего он запустели.

По окончании составления сказки передавались в Яренску воеводскую канцелярию, где они после сверки переплетались вместе по уезду, а получившаяся переписная книга скреплялас рукою коменданта стольника Василия Кишкина.

Как видно из всего вышесказанного, в обеих книгах дается не одинаковое описание уезда. Иногда дворы в кн. 1 149 запи саны уже за другими владельцами, чаще всего их детьми и род ственниками, а из некоторых дворов выделились самостоятель ные хозяйства, причем самое существенное различие в описа нии относится к фиксации категории населения.

Сравнение записи того или иного жителя в обеих книгах показывает, что в этот период еще, по-видимому, не существовало четких критериев отнесения жителей уезда к определенной категории населения. Сами переписчики нередко колебались в этом вопросе, о чем свидетельствует тот факт, что иногда в кн 4 214 слово «бобыль» написано вместо стертого слова «крестьянин» и наоборот. Так, торговый человек Афонасей Леонтьев сын Суханов, проживающий в погосте Усть-Сысола, по кн. 4 214 значился крестьянином, а по кн. 1 149 числился «купецким человеком» так же, как и его два брата Евстафей Леонтьев и Иван Леонтьев Сухановы [8]. Некоторые владельцы дворов, проходящие в кн. 4 214 как бобыли, в кн. 1 149 числятся крестьянами и наоборот. В одной только волости Кибра (Сысольская волость) встречается 14 раз несоответствие между двумя книгами: так по кн. 4 214 девять дворов числятся дворами крестьянскими, а по кн. 1 149 те же дворы записаны бобыльскими, хотя их владельцы «опричь земледелия других статей не имеют»; владельцы же других пяти дворов по кн. 4 214 значатся бобылями, а по кн. 1 149 проходят как крестьяне.

Всего в Усть-Сысольских и Ужгинских волостях, где по кн. 1 149 учтено 872 хозяйства, по сравнению с книгой 4 214 число крестьянских дворов увеличилось на 9, число бобыльских дворов уменьшилось на 53 за счет увеличения на 44 числа нищенских дворов. Причем, насколько это соответствовало истинному положению вещей трудно сказать, так как нам неясно какое содержание вкладывали переписчики в понятия: «купецкий человек», «крестьянин», «бобыль», «нищий».

Казалось бы, что по логике вещей крестьяне Яренского уезда должны были прежде всего заниматься земледелием, бобыли черной работой, а нищие «питаться в мире».

Однако анализ данных, приведенных в кн. 1 149 свидетельствует, что в Вишерских и Верхневычегодских волостях, где было учтено 131 хозяйство крестьян и бобылей, только 3,7% бобыльских дворов не имели пахотных земель и сенокосных угодий. Но, если даже считать, что бобыли Яренского уезда имели не только сенокосы, но и пашни, то переписчики при отнесении того или иного жителя к категории крестьян или бобылей должны были прежде всего руководствоваться размерами их пахотных земель и сенокосных угодий. На самом же деле наделы как крестьян, так и бобылей часто бывали одинаковые, а зачастую бобыльские наделы даже значительно превышали крестьянские [9]. Так, надел, на котором высевался четверик и полтора четверика ржи, был только у бобылей .Наделы, на которых высевались от двух четвериков до меры с четвериком ржи, имели как крестьяне, так и бобыли, больше полутора мер ржи высевали только крестьяне.

Такая же картина наблюдалась и в отношении сенокосов: от 20 до 50 копен сена ставили бобыли, от 60 до 250 копен ставили как крестьяне, так и бобыли, а свыше 280 копен — только крестьяне.

Соответственно и размеры уплачиваемого этими двумя категориями населения налогов с пашенных земель и сенокосных угодий также не проясняют вопрос о различии в их экономическом положении. Налоги до 4 руб. платили только бобыли, от 4 до 17 руб. — как бобыли, так и крестьяне, а свыше 18 руб. платили крестьяне. Следовательно, бобыльские налоги колебались от 20 алтын (с четверика пашен) до 17 руб. (с полумеры высеваемого хлеба и 90 копен ставленного ими сена). Наименьший же налог с крестьян был 4 руб., а наибольший 30 рублей 16 алтын 4 деньги.

На основании анализа этих двух книг не может быть решен вопрос о критериях, по которым переписчики Яренского уезда делили население на категории, главным образом, крестьян и бобылей. Для окончательного его решения требуется привлечение других источников.

Вместе с тем оба использованных нами источника, относящихся ко времени проведения 1-й ревизии Яренского уезда, представляют несомненный интерес не только в плане заселения и расселения уезда, но и при изучении многих вопросов социально-экономической истории Яренского уезда первой четверти XVIII в.

Таким образом, содержание обеих книг показывает, как на местах осуществлялось такое новое для страны мероприятие, как введение подушной подати. В первое время после начала сбора ревизских сказок наблюдалось, как мы видели, большое разнообразие в практике учета демографических и социально-экономических сведений.

* * *

1. ПСЗ.— Т. V.— № 3287.— С. 618—620; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России.— Л., 1982.
2. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, кн. 4214.
3. ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1., кн. 1149.
4. ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 4214, л. 427.
5. ПСЗ.— Т. VI,— № 3492.— С. 119—120.
6. ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1149, л. 25—26.
7. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2., кн. 4214, л. 185 об.
8. ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1149, л. 54.
9. Подтверждением того, что бобыли Яренского уезда имели пашню свидетельствуют данные переписной книги Устьсысольских волостей 1707 г. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, кн. 477). В этой книге при описании пустых дворов имеются сведения о том, имели ли бобыли ранее свою пашню, а если имели то за кем она значится в момент описания. Оказывается, что из 78 бобыльских пустых дворов, в 38 хозяйствах бобылей была пашня, 30 хозяйств пашни не имели ,о пашне у 10 дворовладельцев сведения отсутствуют. Таким образом, около 50% бобыльских дворов в начале XVIII в. владели пашней

ПЕРЕПИСНЫЕ, ЛАНДРАТСКИЕ И РЕВИЗСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ХЛЫНОВСКОГО УЕЗДА)

А. И. Комиссаренко

Вопросы социальной структуры крестьянства России в период позднего феодализма привлекают в последнее время пристальное внимание исследователей. Этот интерес объясним исключительной важностью изучения общих процессов развития феодального способа производства и возникновения элементов новых буржуазных отношений. Накоплен большой фактический материал и сделаны определенные выводы в отношении русского крестьянства, главным образом поморского, для XVII в.[1] К сожалению, почти не изучен обширный круг источников за XVIII в. Пока историческая наука располагает лишь единичными исследованиями социальных отношений в среде северных крестьян в XVIII в.[2]

В настоящей статье мы сделали попытку проследить социальную структуру вятского крестьянства в первой половине XVIII в., опираясь на неопубликованные материалы переписей 1710—1760-х гг., хранящиеся в ЦГАДА[3].

Подворные переписи начала XVIII в. сохранились в фонде Поместного приказа. Они представляют собою отдельные книги, не связанные с каким-либо делопроизводством. Поэтому нет возможности конкретно уяснить ход описания, а также причины переписи и метод выбора объектов. В переписных книгах зафиксированы лишь результаты переписи. Однако в некоторых случаях по ним можно судить о поводах и способах описаний.

Перепись 1706 г. проводилась на основании указа из Ратуши 12 апреля 1705 г. В ее задачу входил учет «... тяглых крестьян и всяких чинов людей и половников и задворников и бобылей, годовых плательщиков, сынов и детей и кто сколько лет, их дворы...»[4] На Вятке перепись осуществляли присланный из Москвы бурмистр Иван Кудрин и вятский бурмистр Михаил

Пашкин, земский староста Федор Сунцов» с товарищи». Переписчиками учтены только лица мужского пола по деревням и волостям Филипповой слободки [5]. Особую ценность представляют данные о социальной структуре вятской деревни, количестве запустелых дворов. Нередко можно определить и причину этого запустения, что весьма важно при выявлении происходивших социально-экономических процессов (расслоение и миграция населения).

Интерес вызывает перепись владельцев половников и самих половников по тяглым и оброчным станам Вятки [6]. Перепись производилась земским старостой Тимофеем Маловым в марте 1706 г. по указу из Вятской съезжей избы. Кроме половников учету подвергались срочные «наемщики», задворники. Методика составления переписи отличалась от обычной. Переписчики не ездили по волостям — данные в виде ведомостей поступали от мирских старост и сотников. Таким образом, описание было возложено на крестьянские мирские власти.

Перепись 1710 г. была посвящена учету всего населения Хлыновского уезда [7]. Наряду с сельским, учитывалось и городское население. Итоги переписи показывают, что ее организаторов интересовал состав населения по отношению к тяглу. Поэтому при подведении итогов по каждой волости отдельно отмечались дворы архиепископские, архиерейские, посадские, бобыльи (плюс вдовьи, «нищетские»), солдатские, «каменщиковы», купеческие, земские. Сем самым, перепись 1710 г. по своему общему характеру напоминала перепись 1678 г. Переписчики устанавливали динамику дворов по каждой волости с 1678—1710 гг. В итоговых записях выделены «вновь поселенные» дворы и «пустые» до и после 1678 г. Учтено мужское и женское население дворов с указанием возрастных групп (до 10 лет, от 10 до 40, от 40 до 60, от 60 до 90, свыше 90 лет). К сожалению, в итоговых данных нет дифференциации населения по социальным категориям (половникам, срочным работникам). Это заставило нас провести обстоятельное исследование описаний каждого двора с целью выделения подобных лиц. Материалы описания 1710 г. не дают, к сожалению, данных о хозяйстве крестьян. Отсутствуют и сведения о размерах посевных площадей, количестве хлебных запасов, инвентаря, рабочего скота. Однако опись 1710 г. дает очень подробную регистрацию объема половнических отношений и отношений срочного найма, свидетельствует о заведении больших хозяйств в уезде, основанных на эксплуатации зависимых крестьян. Возможность установить численность жителей уезда, а среди него и численность лиц различных социальных групп, позволяет выявить удельный вес исследуемых явлений.

Ландратская перепись 1717 г. страдает большой неполнотой [8], так как стремясь избежать обложения, тяглецы сводили несколько дворов в один. Вот почему к ее итогам следует подходить с осторожностью, особенно в тех ее частях, которые касаются сельского населения. Перепись помогает установить число городских жителей и их распределение по категориям, наличие и объем отхода и «обнищания» населения. Нужно отметить, что до сих пор в краеведческой литературе мы не встречали разработки этих книг, несмотря на их давнюю опубликованность [9].

Важными источниками для изучения количества и состава населения являются ревизские сказки первой и второй ревизий. Как подчеркивает В. М. Кабузан, «... они содержат основные демографические данные о лицах, подлежавших переписи» [10]. Ревизские сказки — по классификации В. М. Кабузана — это первичные материалы ревизского учета населения. Каждая сказка касалась одного или нескольких податных лиц. В ЦГАДА отложилась громадная коллекция ревизских книг, куда включены суммарные ревизские сказки по селениям, волостям, станам и уездам. Только по одной Вятской провинции сохранилось не менее 150 книг, заключающих в себе огромное число материалов за первые три ревизии [11]. Правда, основная их масса представляет собою суммарные сказки по отдельным волостям, которые включены в более общие поуездные или становые книги. Первичные ревизские материалы имеют значение для проверки итоговых сводных ревизских книг.

В первой и во второй ревизиях (20—40-е гг. XVIII в.) учету подлежало только мужское население. Каждая ревизская сказка состоит из трех частей. В первой, вступительной части, объяснялась причина подачи сказки, содержалась ссылка на указ верховной власти о проведении ревизии. Затем следовал основной текст, в котором приводились сведения о лицах мужского пола (фамилия, имя, отчество, сословная принадлежность, возраст, место жительства. В очень редких случаях здесь же отмечали род занятий). В третьей заключительной части клятвенно удостоверялась достоверность приводимых сведений [12]. Сопоставление материалов первых двух ревизий позволяет поставить вопрос о динамике численности населения волостей, сел, станов и т. д., проследить миграцию (бегство, уход), определить степень распространения различных форм эксплуатации крестьян (половничество, срочный найм). Вместе с ревизскими сказками сохранились и поуездные перечневые ведомости, дающие обобщенную характеристику численности и состава податного населения [13]. Ценность их как источника особенно возрастает с момента второй ревизии, во время которой итоги сравнивались с результатами первой и подушной переписи.

Проведенное В. М. Кабузаном обследование ревизского учета показало, что в окраинных губерниях (в том числе и в Вятской провинции) первая ревизия была организована плохо. В целом по Казанской губернии с 1719 по 1721 гг. было пропущено

около 250 тыс. д. м. п., т. е. 28,20% всего податного населения[14]. Это хорошо подтверждается использованными нами материалами. В фонде Вятской провинциальной канцелярии обнаружены дела, в которых зарегистрированы уклонившиеся от переписи и подушного обложения за двадцатилетие после первой ревизии[15]. Вторая ревизия завершилась более благоприятно. Недоучет был крайне невелик. В Казанской губернии, куда входила Вятская провинция, недоучет составил только 2,5% (свыше 32 тыс. душ). Так как завершение ревизии не предполагало окончания демографического учета, ибо проверка итогов велась на протяжении всех лет до следующей переписи, то наиболее полные сведения о числе податных душ по каждой ревизии можно получить только в момент подготовки новой переписи[16]. К сожалению, не сохранилось полных ведомостей прописного населения по Вятской провинции, имеются только весьма отрывочные данные, хотя и подробные для отдельных волостей и станов[17]. К счастью, приводимые в исторической литературе материалы о численности мужского населения России по губерниям и районам с 1 по 10-й ревизии помогают установить долю недоучета в использованных нами ревизских сказках[18].

Ревизские материалы первой и второй подушных переписей по Вятской провинции содержат, кроме того, весьма богатые сведения о социальной структуре крестьянства. Они дают возможность проследить, в каких волостях и станах были развиты хозяйства горожан, основанные на труде половников и срочных работников, выявить владельцев половников. Для сопоставления с материалами подворного описания начала XVIII в. огромное значение имеет и то, что ревизские сказки содержат и подробный учет дворов по каждому поселению, а затем по каждой волости[19]. В документах первой ревизии выделены также «беспашенные бобыли», «складники», «подворники». Сравнение итогов ревизий по волостям помогает определить развитие таких процессов, как бегство и уход крестьян. Вторая ревизия специально отмечала все случаи появления в волостях пришлых крестьян, фиксировалась и причина[20]. Особенно следует подчеркнуть ценность ревизских документов для характеристики состава городского населения. Ревизии специально учитывали тех купцов, которые имели половников в уезде, так как эти купцы несли ответственность за платеж подловниками подушных денег[21]. Материалы ревизий включают обширные сведения о подворном, и демографическом составе монастырских и архиерейских вотчин.

Хлыновский уезд занимал центральное место на территории Вятского края, его станы и волости располагались вокруг г. Хлынова по р. Вятке и ее притокам — Великой, Быстрице и др. Здесь, на более освоенных землях, проживала значительная часть всего вятского населения. В начале XVIII в., как это видно из итогов переписи 1710 г., в уезде насчитывалось 41 95

жителя обоего пола в 5 820 дворах[22]; в 20-х гг., как это явствует из материалов первой ревизии, число жителей заметно возросло, составляя 58 889 д. м. п.[23] В середине XVIII в. вторая ревизия зафиксировала уже 74 173 д. м. п.

Группировка итоговых данных переписей 1706 и 1710 гг. показывает, что в Хлыновском уезде из 5 820 дворов — 3 900 были записаны как крестьянские, т. е. 67,01% и соответственно в них проживали 30 857 чел. из 41 952 чел., или 73,53%. При этом нужно учитывать то обстоятельство, что население церковных вотчин при переписи было явно занижено, видимо, в книгу включены лишь государственные крестьяне, поселившиеся на церковных землях. Правда, по отдельным станам и волостям эти доли были неодинаковы — от 48,14% от общего числа дворов в Лецкой слободке (в этих дворах жило 83,22% всего населения) до 92,45% — в архиерейской Кырмыжской волости, от 44,46% от всего населения в Чепецком тяглом стане до 96,59% в той же Кырмыжской волости. Но для подавляющего большинства районов на крестьянское население приходилось только 75—85% дворов и 80—83% душ обоего пола. Остальные дворы и люди распределены по другим категориям. Доля вдовьих, «нищецких» и бобыльских дворов равна около 4%, а их население — около 5%, на солдатские дворы падает около 6% их числа и 5% всего населения. Почти 8% дворов имели церковнослужители, в которых проживало приблизительно около 6% населения уезда.

С 1719 по 1724 гг. на Вятке проводилась подушная перепись и ревизия населения[24]. Сохранившаяся книга первой ревизии представляет 41 317 д. м. п. из 58 889 д. м. п., зафиксированных в уезде[25]. Это объясняется тем, что в ней почти не учтено монастырское и архиерейское крестьянство. Однако наличный документальный материал по государственному крестьянству вполне достаточен, чтобы нарисовать картину социальной структуры населения. При этом, однако, нужно учитывать замечание Н. Ф. Демидовой, исследовавшей половничество в Яренском уезде в XVIII в., о том, что книги и сказки ревизии не содержат исчерпывающих данных о половниках, ибо, например, «... из половников на крестьянских землях указывались только лица, находившиеся в полном половничестве»[26], тогда как существовало и так называемое частичное половничество, близкое к найму и не фиксировавшееся в этих источниках. Результаты обработки нами ревизской книги свидетельствуют, что более 10% уездного населения — половники (4 238 из 41 317 душ. м. п.). Эта цифра совпадает с подобными данными за 1710 г.

Вполне сопоставимы данные по Спенцынскому оброчному стану — 19,54% в 1710 г. и 21,32% в 1723 г.; некоторое увеличение половнического труда объяснимо, вероятно, известным ростом населения стана. Так, если в 1710 г. там числилось 78 дворов и 609 душ обоего пола, то в 1723 г. 129 дворов и 704 д. м. п.

Особенно заметно увеличение половнического труда в Брито
ской волости (с 29,97% в 1715 г. до 32,89% в 1723 г.). Он
вызвано было уплотнением населения в этом районе, число дво
ров выросло с 118 до 144, а число д. м. п. с 440 до 766. По-прех
нему высок удельный вес половников в Березовском оброчно
и тяглом станах (20—25%). Резко возросло половничество
Филипповой слободке. Если в 1710 г. только 5,23% жителе
трудились на половничьем праве, то в 1723 г. в некоторых во
лостях слободки, как например Троицкой, их было 30% (335
д. м. п. из 1 119), а в Мудровской волости еще больше — 32%
(374 из 1 152 д. м. п.). Хотя такой громадный рост частичн
можно объяснить недоучетом населения Филипповой слободк
в 1710 г., однако на первое место нужно, на наш взгляд, вы
тавить другую причину — приток крестьян на благодатные зем
ли слободки. Пришедшие крестьяне, не имея возможности н
первых порах обзавестись пашней, попадали в зависимость о
экономически более сильных старожилов [27].

О составе населения архиерейских и монастырских вотчи
в период первой ревизии можно составить представление по об
наруженной ревизской книге 1724 г.[28] Ее обработка позволил
придти к следующим наблюдениям. Хотя книга не полна, во
же ею зафиксировано 22 656 д. м. п. по 16 вотчинам. Это боле
2/3 всего крестьянского населения духовных вотчин. Приводи
мые данные обладают большой степенью достоверности. Ре
зультаты по Курчумской вотчине проверяются сохранившейс
книгой ревизских сказок этой вотчины за 1744 г.[29] В ней приве
дены и итоговые результаты ревизий, совпадающие с нашим
подсчетами [30].

Ревизские сказки второй ревизии (середина 40-х гг. XVIII в.
по Хлыновскому уезду в полном объеме до нас не дошли. Со
ранившаяся книга ревизии включает списки лишь 16 801 д. м. п
в то время как из ведомости «о положении в подушной оклад
подписанной вятским ревизором полковником Ифлонтом и при
веденной в конце книги, явствует, что всего по второй ревизи
в Хлыновском уезде было зарегистрировано 74 173 д. м. п.,
том числе архиерейских крестьян — 5 373, монастырских — 22 16
содержащих ландмилицию — 1 468, государственных черносош
ных — 42 059 и половников из черносошных крестьян, живущи
у разных чинов (т. е. без учета крестьян-владельцев) — 3 11
д. м. п. (против 2 656 по первой ревизии)[31]. Владельцы-горож
не и их половники фиксировались из-за личной ответственност
первых в платеже подушной подати за вторых. Крестьяне, вл
девшие половниками, не были записаны в книгу, так же как
их половники, видимо, потому что в случае неуплаты подати о
ветственность по круговой поруке перекладывалась на вес
крестьянский мир. Ни срочные работники, ни другие категори
не интересовали администрацию, и они не отмечались в реви
ских сказках.

Итак, только некоторые волости Филипповой слободки, Великорецких станов, Богоявленской вотчины и Лецкой слободки представлены сохранившимся источником.

В списках — 1 371 крестьянин, записанный в половье к городским торговцам или административным лицам, имеющие деревни в уезде (это 44% всех зафиксированных половников). Если же следовать аналогии и считать, что доля половников у крестьян вряд ли существенно изменилась по сравнению с периодом первой ревизии (40% от общеуездного их количества), то можно установить количество крестьянских половников цифрой не менее 2000 д. м. п. Таким образом, общеуездное число людей, живущих исполу, составит около 4 000—5 200 человек, или почти 7% от всего количества крестьян в уезде. Эта цифра вполне реальна и сопоставима с 10% половников в 1723 г., если учесть, что списки первой ревизии не фиксировали монастырских и архиерейских крестьян, удельный вес половничества в среде которых, как было показано выше, был весьма невелик.

Итак, проанализированные выше источники позволяют статистически представить социальную стратификацию вятского крестьянства и ее динамику на протяжении первой половины XVIII в. Развитие производительных сил, внедрение товарно-денежных отношений в деревню, практика свободной мобилизации земли имели своим результатом появление имущественной и социальной неоднородности в крестьянской среде. С начала XVIII в. от 12 до 20% населения центрального вятского уезда — Хлыновского — были лишены возможности вести собственное хозяйство. Отношения половья и срочного найма были типичны для Вятки в исследуемое время, более половины половников и срочных работников принадлежало состоятельным крестьянам и более трети — горожанам, владевшим хозяйствами в уездах и волостях края (как правило, вблизи г. Хлынова — в Спенцынском и Березовских станах). Сложное переплетение новых явлений, порожденных специализацией районов и развитием товарно-денежных связей, с присущими феодальной системе фискальным гнетом, ограничением отхода отражает те противоречивые условия, в которых находилось крестьянство Вятки в первой половине XVIII в.

* * *

1. Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII века // История СССР.— 1961.— № 6.— С. 61—72; Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала.— М., 1956.— С. 96—217; Лохтева Г. Н. Наемный труд в монастырском хозяйстве // Русское государство в XVII в. Сб. статей.— М., 1961.— С., 208—230; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века.— Вологда, 1976.— С. 212—305.

2. Балуева Д. Д. Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII в.: Автореф. канд. дис...— Сыктывкар, 1960; Демидова Н. Ф.

Половничество в Яренском уезде в XVIII в. // VI сессия аграрного симпозиума. Тезисы докладов и сообщений.— Вильнюс, 1963.— С. 140—142; Комиссаренко А. И. Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII в. (по материалам Хлыновского уезда) // Аграрная история Европейского Севера СССР.— Вологда, 1970.— Вып. 3.— С. 121—138.
3. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1096, 1097, 1098; ф. 350, оп. 3, дд. 4668, 4670, 4678—4685, 5900, 5902—5904, 5935, 5941, 6106.
4. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1097, л. 1—2.
5. Там же, л. 1—170.
6. Там же, л. 1—192.
7. Там же, кн. 1098. л. 1—1341.
8. Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени.— Спб., 1911.— Т. 1.— С. 15—24.
9. Вятка. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий.—М. 1887.
10. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVII — первой половине XIX в.— М., 1963.— С. 95.
11. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, дд. 4660—4698, 5826—5976, 6105—6108, 6122, 1193—1210, 4159—4166.
12. Кабузан В. М. Указ. соч.— С. 96.
13. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, дд. 4662, 5894, 5941.
14. Кабузан В. М. Указ. соч.— С. 126.
15. ЦГАДА, ф. 425, оп. 2, дд. 158, 165, 204а; ф. № 350, оп. 3, дд. 4675, 4676.
16. Кабузан В. М. Указ. соч.— С. 128, 133.
17. Там же. С. 159—165.
18. ЦГАДА, ф. №350, оп. 3. д. 5900. л. 1—649, л. 5935, л. 1—360.
19. Там же, д. 5902, л. 1—200.
20. Там же, 5941, л. 1—366.
21. Там же, ф. № 1209, кн. 1098, л. 1341.
22. Там же, ф. № 350, оп. 3. кн. 5903. л. 1—28.
23. Ландратская перепись 1717 г., сохранившая данные по Каринским и «отяцким» волостям, обработана В. Л. Бушуевой.— см.: Бушуева В. Л. Социально-экономические отношения в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII—XVIII вв. Канд. дис.— М., 1950.— С. 112—123.
24. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5900, л. 1—649.
25. Демидова Н. Ф. Указ. соч.— С. 142.
26. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5900, л. 83.
27. Там же, д. 4668, л. 1—28.
28. Там же, д. 5935, л. 1—35.
29. По итоговой записи в книге за 1744 г. числятся 414 д. м. п. срочных работников, наш подсчет дал цифру 361 д. м. п., но мы не учитывали детей моложе 15 лет. (Там же).
30. Там же, д. 5903, л. 1191 об.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕЛЬСКИХ ПРИХОДАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В XVIII в.

Н. А. Варламова

Изучение взаимоотношений государства и церкви, церкви и населения на уровне низшего звена церковной организации — прихода дает возможность конкретного исследования процессов, вызванных изменением положения церкви и духовенства при абсолютизме. Известная самодеятельность приходской организации в XVIII в. и влияние ее на приходское духовенство опирались на совокупность экономических отношений, связанных с обеспечением служителей культа средствами крестьянской общины (денежные и натуральные платежи в пользу церкви, церковное землевладение).

Вопросы экономического обеспечения приходского духовенства неоднократно поднимались в дореволюционной литературе (работы П. В. Знаменского, В. И. Семевского, Б. В. Титлинова)[1]. Очень важна для изучения темы работа М. М. Богословского о земском самоуправлении на русском Севере, где рассматриваются вопросы соотношения общинной и церковной организации, выполнения общиной религиозных функций[2]. В современной зарубежной историографии экономические отношения в приходах XVIII в. исследовались американским ученым Г. Л. Фризом (на материалах центральных епархий)[3]. В советской историографии специальные исследования по данному вопросу отсутствуют. Характеристика экономического положения духовенства дана в общих работах по истории русской церкви (Н. М. Никольский, Г. Макаров, Ю. Я. Коган, Е. Ф. Грекулов и др.)[4]. В работах по истории секуляризации церковных и монастырских владений прослежены изменения политики государства в вопросах обеспечения духовенства (И. А. Булыгин, А. И. Комиссаренко)[5]. Вопрос о природе земельной собственности приходских церквей рассматривался А. И. Копаневым[6]. Наконец, большое значение для изучения данной темы имеют

соображения, высказанные в рецензии Б. Н. Миронова на книги Фриза[7].

Источниковая база избранной темы обширна. Это, в первую очередь, материалы консисторий (органов управления епархией), Синода, публикации XIX — нач. XX в. Фонд Петербургской духовной консистории содержит один из наиболее полных комплектов документов местного церковного управления XVIII в.[8] Для изучения экономических отношений особенно важны ставленнические дела (о производстве в духовные чины и определении священнослужителей в церкви), содержащие обязательства крестьян по обеспечению причта; дела о постройке церквей, о вымогательстве и злоупотреблениях духовенства, материалы статистических обследований хозяйства церквей.

Использование материалов местного церковного управления определяет изучение вопроса в пределах церковно-административных округов-епархий. В ведении Петербургской епархии состояли Петербургская губерния, православные приходы Выборгской и Ревельской, часть Новгородской губерний. Сельские приходы различались по времени образования, территории населенности, а также по источникам и размерам доходов клира, что во многом зависело от хозяйственных обязанностей того или иного района.

Основными источниками доходов являлись: земля, плата за исправление треб (крещение, венчание, молебны и др.) и «руга», т. е. фиксированное годовое денежное или хлебное жалованье. Плату за требы получали причты всех церквей, другие источники могли варьироваться.

Земля выделялась помещиком или крестьянской общиной (если церковь строилась по ходатайству общины). Размеры среднего церковного надела были очень различны — от 5 дес в Олонецком уезде Новгородской губернии до 15 дес. в Петербургской (30-е гг. XVIII в.)[9]. Земледельческим трудом занимались преимущественно низшие слои сельского духовенства, по экономическому положению и образу жизни приближавшиеся к крестьянству. Работали на земле и священники; крестьяне крайне неохотно трудились на церковных наделах, предпочитая договор о выплате руги дополнительным отработочным повинностям. Невозможность для части духовенства регулярно обрабатывать землю приводила к постепенному переходу церковных наделов помещикам или крестьянам[10]. Попытки преобразования системы обеспечения приходского духовенства в конце XVIII в. выявили невозможность существования причтов без земли и большие трудности на пути получения полной компенсации за землю от прихода. Крестьяне оказались ненадежными союзниками церковных властей в деле освобождения «духовных пастырей» от сельскохозяйственного труда. На протяжении XVIII в. земля была важным и устойчивым источником доходов для духовенства.

Постоянным источником была также плата за исправление треб. Размер ее регулировался традицией и обуславливался числом приходских дворов и состоятельностью прихожан. Для пресечения произвола и вымогательства духовенства правительство предпринимало попытки введения строго определенной платы, но это не имело успеха; реальные доходы от треб в несколько раз превышали установленные нормы (например, по Новоладожскому уезду в 80-е гг. XVIII в. — 3,5 раза)[11].

Помимо этого причты могли получать денежную или хлебную ругу, размер которой оговаривался в «выборе» или прошении прихожан об определении в церковь того или иного священнослужителя. Чаще всего она выступала как дополнительный источник средств. Наиболее выгодным было получение места в церкви, находившейся в вотчине крупного землевладельца, который мог полностью обеспечить существование притча[12].

Таким образом, в рамках прихода происходило столкновение стремлений церковных властей к обеспечению надежности и регулярности доходов духовенства с достаточно сильным влиянием приходской общины на экономическое положение служителей культа. XVIII век был временем достаточно медленного изживания старых традиций, связанного с усилением административно-бюрократических черт в деятельности церкви.

* * *

1. Знаменский П. В. О способах содержания русского духовенства в XVII и XVIII вв. // Православный собеседник.— 1865.— № 3.— С. 145—188; Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII в. Русская старина.— 1877.— № 8.— С. 501—538; Титлинов Б. В. Гавриил Петров, митрополит новгородский и санкт-петербургский.— Пгр., 1916.

2. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.— М., 1912.— Т. 2.

3. Freeze G. L. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century.— Harvard University Press, 1977.

4. Никольский Н. М. История русской церкви.— М. 1985; Макаров Г. Русская церковь в эпоху торгового капитала.— М. 1930; Коган Ю. Я., Грекулов Е. Ф., Миловидов В. Ф. Церковь и русский абсолютизм в XVIII в. // Церковь в истории России. (IX в.— 1917 г.).— М. 1967.— С. 162—183.

5. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века.— М., 1977; Комиссаренко А. И. Абсолютистское государство России и духовные земельные собственники в борьбе за землю, крестьян и ренту. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России.— Воронеж, 1983.— С. 129—138.

6. Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVII веке.— Л. 1985.— С. 32—37.

7. Миронов Б. Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории.— 1987.— № 1.— С. 153—158.

8. ЛГИА, ф. 19.

9. ЛГИА, ф. 19, оп. 1, д. 1822, л. 21—56; Описание документов и дел святейшего правительствующего Синода.— Пг., 1915.— Т. XVIII.— Стб. 375—377.

10. ЛГИА, ф. 19, оп. 1, д. 1822, 4638, 8537, 9545, 10752 и др.

11. Там же, д. 12480, л. 13—21.

12. Там же, д. 9543, 10260, 11507, 11754 и др.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩИНЫ КРЕСТЬЯН КОМИ КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

А. К. Гагиева

Проблема изучения социальной организации в докапиталистических обществах — одна из актуальных в советской исторической науке. Составной ее частью является проблема сельской общины. В различные периоды и в разных регионах она имела свои определенные особенности, поэтому изучение любой ее разновидности представляется важным для выявления общих закономерностей эволюции этого социального института.

Изучение данной проблемы необходимо и в связи с тем, что во многих развивающихся странах сельская община существует до сих пор как живой организм и играет важную роль в общественном развитии [1].

От принципов организации сельской общины зависела в той или иной степени специфика хозяйства и культуры, складывание общественно-бытовых норм и институтов, поэтому становится понятным пристальное внимание советских историков к проблеме сельской общины, выявлению общего и особенного в становлении и развитии этой организации.

Для автономных республик РСФСР такие исследования могут более ярко выявить национальное, свойственное прошлому той или иной республики, изучить крестьянскую организацию не только с точки зрения общетеоретических проблем, но и конкретизировать сведения о ней. В частности, для коми исторической науки проблема изучения сельской общины имеет немаловажное значение в свете решения вопросов о социально-экономических отношениях в Коми крае.

Исследование истории общины неразрывно связано с рассмотрением одной из проблем историографии Европейского Севера и Коми края — сущности мирского схода, который даже в период коллективизации функционировал и оставался высшим органом при решении хозяйственных и общественных вопросов жизни сельского населения.

Цель данной статьи — показать структуру крестьянского управления и волостной мирской сход, поземельно-хозяйственную функцию общины, ее позицию при возникновении конфликтных ситуаций, изменения в общине как поземельном коллективе до и после Генерального межевания, роль «мира» при выполнении натуральных повинностей, а также при несении основных денежных налогов.

Теоретико-методической основой при решении поставленного вопроса явились труды основоположников марксизма-ленинизма, а также работы, вышедшие в советское время — В. А. Александрова, А. И. Копанева, М. М. Громыко, Л. С. Прокофьевой и других, в которых нашли отражение самые разнообразные вопросы, связанные с развитием общины в феодальную эпоху. Вместе с тем советской историографии, касающейся истории общины крестьян Коми края, пока нет. Наше исследование является одним из первых в этом направлении.

Основными источниками явились опубликованные и неопубликованные документы. В основном это вышедшие из крестьянской среды челобитные, жалобы, прошения. Они отложились в различных фондах архивохранилищ страны. Основная трудность работы с ними состояла в том, что сведений по истории общины крестьян Коми края во второй половине XVIII в. не содержится в каком-либо одном фонде или коллекции. Не сохранилось также хозяйственных ведомостей, описаний отдельных волостей, делопроизводства крестьянских миров, характеризующих общину изучаемого времени.

Исследование общинной системы управления показало, что повсеместно в крае преобладали сложные общины-волости, включающие несколько общин-деревень. На протяжении изучаемого времени они оставались стабильными, т. е. границы их были те же, что и в 50-х гг. XVIII в. Вместе с тем к началу XIX в. наблюдается процесс роста населения в Коми крае, и, следовательно, увеличение количества населенных пунктов. В результате (что было особенно характерно для Усть-Сысольского уезда) образуются новые волости. Основой их являлись деревни, некогда в них входившие. Население, проживавшее в этих структурных образованиях, в этническом отношении было представлено коми, в социальном — государственными крестьянами. Основными их занятиями были земледелие и скотоводство; охота и рыболовство играли, как и в предшествующее время, определенную роль. Во второй половине XVIII в. на изучаемой территории наблюдается интенсивное развитие производительных сил, выразившееся в усилении специализации двух основных районов (деление на земледельческо-промысловый юг и скотоводческо-промысловый север).

Управление краем до 1787 г. осуществлялось уездной кан-

целярией во главе с воеводой, а также таможенным и уездны целовальниками. После 1787 г. на их место пришли уездны суды, казенные палаты и казначейства. Эти административны учреждения решали две главные задачи: сбор денежны средств с населения и управление государственными кресть нами Яренского и Усть-Сысольского уездов.

До 1786 г. деятельность выборного крестьянского управл ния включала решение самых разнообразных вопросов, нач ная от раскладки денежных налогов и кончая крестьянским делами (отпуск или прием в волость). Однако основным во росом здесь, несомненно, являлся податной. Количество учас ников схода зависело от количества дворовладельцев. Сред них были «лучшие», «средние» и «маломощные». Кроме ни присутствовали «старожильческие» крестьяне, которые дави жили в одной местности и являлись поэтому «хранителям права в отдельных его проявлениях»[2].

После 1786 г. сход на изучаемой территории претерпел и менения. Во-первых ,наряду с волостным, в крае начинае действовать деревенский сход. Первый решал вопросы, свя занные с фиском и с жизнедеятельностью волости как адми нистративной единицы, второй занимался в основном поземель но-хозяйственными делами. Во-вторых, вместо подворного пред ставительства крестьян наблюдается подушное, т. е. на сход присутствует все мужское население волости, исключая увеч ных, стариков, детей, а также ушедших из волости на заработ ки или на промысел. В-третьих, к вышеперечисленным вопро сам добавилось заключение контрактов между купцами и кре стьянами.

Одним из главных вопросов на волостном сходе являлс вопрос о крестьянском управлении. Всех выбираемых должност ных лиц мы разделили на три группы. Первая — это лица, нес шие полицейскую функцию. К ним относились сотский и ег штат. Вторая — лица, несшие фискальную функцию, это — во лостной целовальник и его помощники. Третья — лица, выпол няющие хозяйственную функцию, это староста и всевозможны выборные. Количество выборных лиц до 1787 г. впрямую зави село от количества дворовладельцев, а впоследствии от коли чества мужского населения. Они избирались из числа кре стьян, живущих в волости, и относились к «лучшим» ил «средним» слоям деревни. В изучаемое время крестьянское уп равление претерпело следующую эволюцию. Во-первых, во должностные лица превратились в конце XVIII в. в агенто уездной администрации, оставаясь при этом выходцами и крестьянской среды и тесно с нею связанными. Во-вторых, из менение принципа выбора на должность привело к тому, что ко личество сотских увеличивается, а вместе с этим усиливает и полицейский надзор над крестьянством. Получение предста вителями управления в конце изучаемого времени жалования

а также увеличение количества должностных лиц, позволяет сделать вывод о том, что на место крестьянского управления общиной приходит административно-управленческий аппарат волости.

Поземельно-хозяйственная функция являлась одной из основных в жизнедеятельности крестьянских организаций. Она складывалась под воздействием ряда факторов: прежде всего экономической политики государства, основанной на земельной собственности, и традиции, связанной с трудовой деятельностью крестьянства.

В результате анализа данной функции было доказано, что на территории Коми края община представляла собой сложный хозяйственный организм, который на протяжении второй половины XVIII в. видоизменялся. Если до Генерального межевания земель 1786—1787 гг. община была представлена в виде общин-волостей, то к началу XIX в. наряду с ними формируются и общины-деревни. И те и другие имели в своем распоряжении как общие для всех крестьян волости или деревни скотские выпуски, выгоны, и земли под улицами, так и личные земли, находящиеся в индивидуальном пользовании каждого крестьянина. Активность общины как поземельной организации проявлялась лишь в том случае, когда появлялась угроза потери земель. Она исходила как от частных землевладельцев — купцов, мещан, заводовладельцев, так и от более зажиточных членов крестьянской организации.

Исследование индивидуального крестьянского владения показало, что на протяжении изучаемого периода, наряду с ростом цен за десятину пашни, наблюдалась постоянно растущая мобильность крестьянских участков. Явление это было вызвано ростом основных денежных налогов. Позиция мира была в данном случае весьма однозначна. Для него главным являлась своевременная выплата владельцам налога за землю. Если это не соблюдалось, общины иногда отбирали участки и отдавали его под опеку более состоятельному крестьянину, который обязывался покрыть образовавшуюся недоимку. Иными словами, общины как поземельные организации решали к концу XVIII в. две главные задачи: во-первых, стремились не допустить разбазаривания земель волости со стороны частных землевладельцев; во-вторых, обеспечить развитие крестьянского хозяйства с целью получения от крестьян денежных налогов. В свою очередь, государство само пыталось создать благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства. Для этого на Европейском Севере в целом, и в Коми крае в частности, в конце XVIII в. вводятся уравнительные переделы.

Несмотря на то, что документов, характеризующих переделы на изучаемой территории, не сохранилось, автор, исходя из имеющихся данных утверждает, что в начале XIX в. на территории Коми края они имели место. Оформление общины с

уравнительными переделами находилось в стадии становлени

Тяглая функция общины являлась основной в жизнедеятел ности крестьянских «миров». После получения указа из уезд го центра начиналась раскладка денежных налогов. Она пр ходила в волости ,на мирском сходе. Принцип раскладки, хотя осуществлялся по числу душ, как это и предписывалось закон дательством, но при этом учитывалась обеспеченность кресть нина землей и доходы от промыслов и сельского хозяйств Община через мирской сход распределяла денежные налог накладывая больше на тех, кто был сильнее в экономическо плане и сбавляла с бедных. Однако «лучшие» крестьяне концу изучаемого периода решительно отказывались нести тя ло за бедных, если за это им не шла компенсация в виде пахо ных или сенокосных участков. В результате «маломощному крестьянину приходилось покидать волость в поисках заработ ка. Общине же было выгодно избавляться от таких однообщи ников. В иных случаях «маломощный» крестьянин, заклад вая землю, превращался в должника богатея . Земля иногд навсегда оставалась в руках последнего, так как заложивши был уже не в состоянии выкупить ее. Естественно, такая с туация угнетала в первую очередь большинство однообщинни ков: «средних» и «маломощных». Они по-своему сопротивля лись: писали жалобы, прошения и челобитные с просьбой сба вить денежные налоги.

К тяжести денежных налогов прибавлялась и тяжесть на туральных повинностей. Наиболее обременительной среди ни являлась рекрутская. В изучаемое время от нее откупались н только богатые крестьяне, но и целые крестьянские «миры спасая от пожизненной военной службы наиболее состоятель ных крестьян. Это было связано в первую очередь с налоговым порядками в государственной деревне.

Несмотря на общинную раскладку тех и других, «мир» н уравнивал положение каждого в плане выплаты денежного на лога и выполнении натуральных повинностей, а наоборот, по рождал еще больший антагонизм между различными слоями деревни. Рост денежных налогов, увеличение количества по винностей и необходимость денежных средств заставляли «ма ломощных» производить всевозможные операции со своей собственностью. Параллельно с этим наблюдались и про тесты против угнетения, произвола чиновников и борьб за улучшение своего экономического положения. Не послед нюю роль играла здесь и община. Она, как показали изученные документы, во второй половине XVIII в. вела себя весьма неоднозначно. С одной стороны, крестьянска организация выступала в защиту интересов однообщинник в борьбе за землю с частными землевладельцами и с государ ством, за сохранение традиционных представлений о мирско жизни. С другой стороны, она не защищ

он выступал с протестом индивидуально, а наоборот, станови лась на сторону административных огранов.

Таким образом, община на территории Коми края во второй половине XVIII в. представляла из себя многофункциональ ный хозяйственный организм, который обязан был обеспечить нормальные условия жизнедеятельности крестьянского хозяй ства и решать задачи, поставленные государством.

* * *

1. Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблема типологии.— М., 1978.— С. 9.
2. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Се вере в XVII в.— М., 1909.— Т. 1.— С. 198.

О СОСТОЯНИИ ЖИВОТНОВОДСТВА В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в

А. С. Тургаев

В документах ЦГВИА и ЦГИА содержится богатый ма риал, позволяющий оценить уровень сельскохозяйственн производства в округах пахотных солдат, расположенных Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губерни Округа эти явились прямыми преемниками системы военных селений в России и существовали непосредственно в предреф менный период (1831—1857 гг.).

Пахотные солдаты серьезно отличались от основной мас крестьян особенностями правового статуса, военного управ ния, хозяйства и повинностей. Уровень земледелия в окру пахотных солдат был сравнительно высок, посевы и урож здесь превосходили таковые в сопредельных районах. Но конца 1840-х гг. уровень хлебопашества в округах прояв явную тенденцию к снижению, хотя военное начальство д должало обращать особое внимание на развитие земледел усматривая в нем основную гарантию выполнения крестьяна всех повинностей [2].

Подсчеты, произведенные по материалам годовых от тов военного и удельного управления округами, показыва что во второй трети XIX в. у пахотных солдат приходилос среднем на 100 человек более 100 голов скота в переводе крупный (в том числе 30 лошадей и более 70 крупного с та), на 100 дес. сенокосов — около 130 голов скота, на 100 сятин пашни — около 70 дес. сенокосов и около 100 голов с та [3]. Таким образом, обеспеченность пахотных солдат скот особенно продуктивным, была значительно выше, чем в ср нем по губернии. По количеству скота в среднем на душу селения пахотные солдаты сравнимы с зажиточной груп земледельческого помещичьего крестьянства Северо-Зап России [4].

Однако такое количество скота у крестьян нельзя призн

вполне достаточным для успешного ведения хозяйства. Примем во внимание, что одна лошадь может обслужить 4 дес. посева [5]. У пахотных солдат в среднем на лошадь приходилось 3 дес. только зерновых хлебов, причем беднейшие хозяйства находились в худшем положении. Кроме того, рабочий скот в хозяйстве использовался гораздо интенсивнее, чем у других категорий крестьян, что было связано с выполнением многочисленных и крайне обременительных натуральных повинностей по обслуживанию огромного количества войск, сосредоточенных в округах.

Потребность скота для удобрения земли при трехпольном хозяйстве определялась в середине XIX в. в 5—6 голов в расчете на десятину пара [6]. В силу лучшей обеспеченности пахотных солдат кормами этот показатель у них был в два раза выше, чем в среднем по региону, составляя около 3 голов на дес., но не достигал упомянутого оптимального уровня. Не приходится говорить и об одинаково хорошей или даже удовлетворительной кормовой базе во всех округах, особенно старорусских. Общий недостаток сена определялся здесь военным начальством в четверть потребности [7].

Особое внимание обращает на себя тот факт, что скот в хозяйстве пахотных солдат был распределен крайне неравномерно. Имеющиеся данные позволили нам произвести группировку хозяйств пахотных солдат по числу принадлежавшего им скота в 1830-х и 1850-х [8] гг. На примере распределения скота, особенно рабочего, ярко проявляется рост абсолютного и относительного числа беднейших крестьянских хозяйств, доля же принадлежавшего скота в общем поголовье животных неизменно падала. Соответственно этому уменьшались и производственные возможности значительной части крестьянских хозяйств.

Итак, в округах пахотных солдат Новгородской губернии существовала сравнительно высокая обеспеченность крестьян скотом. Однако не приходится говорить о вполне достаточном, даже в среднем, поголовье животных для ведения хозяйства и выполнения всех повинностей. Положение осложнилось к 1850-м гг. в связи со значительным перераспределением рабочего и продуктивного скота, свидетельствующим об углубляющемся процессе имущественного разделения в среде пахотных солдат, росте числа маломощных хозяйств. Это во многом предопределило снижение общего уровня сельскохозяйственного производства в округах пахотных солдат непосредственно в предреформенный период. Попытки военного начальства помешать этому процессу некоторыми частными мерами не привели к желаемому результату.

* * *

1. ЦГВИА, ф. 405: ЦГИА, ф. 515.
2. **Тургаев А. С.** Об урожайности хлебов в округах пахотных солдат

Новгородской губернии (1832—1862 гг.) // Вестник Ленинградского у
верситета, 1984.— № 20.— Вып. 4.— С. 100—103.
3. ЦГВИА, ф. 405, оп. 2, 4; ЦГИА, ф. 515,оп. 15.
4. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в пер
половине XIX в.— М., 1967.— С. 300.
5. Чаянов А. Организация крестьянского хозяйства.— М., 1925.—
116.
6. Иордан К. Руководство к разведению рогатого скота, применен
к хозяйственным условиям северных губерний России, особенно для
тербургской и ближних к ней.— СПб., 1857.— С. 5.
7. ЦГВИА, ф. 397, оп. 6, д. 504, л. 15—46; д. 552, л. 25—34.
8. Там же, д. 100, л. 5—9; оп. 7, д. 237, л. 48, 128; ЦГИА, ф. 515,
15, д. 2236, л. 1197.

№ 112 1989

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КОМИ КРАЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Т. И. Беленкина

Классовая борьба, как двусторонний процесс, пронизывала все стороны жизни и деятельности противоборствующих классов, составляла основной процесс общественной эволюции, была единственным реальным двигателем истории [1]. С точки зрения ленинского определения классов проявлениями классовой борьбы являются все противоречия и конфликты, связанные с борьбой против тех различий, которые указываются в этом определении, во всех сферах и направлениях, в миллионах фактов повседневной жизни [2].

Изучение истории классовой борьбы крестьян Коми края началось лишь после Октябрьской революции. В 20—40 гг. осуществлялись собирание и публикация документов, выявлялись первые факты проявлений классовой борьбы, давалась характеристика наиболее ярких событий [3]. В 50—60-е гг. в научный оборот вводится значительный новый фактический материал, устанавливаются различные направления классовой борьбы, в определенной степени анализируются характер и формы крестьянского движения, однако преобладают работы фактографического характера [4]. С сожалением приходится констатировать, что на этом уровне прекратилось изучение истории классовой борьбы в Коми крае в период позднего феодализма: за последние полтора десятилетия не появилось ни одной работы. Необходимо возобновить ее, продолжать поиск новых фактических данных, представить статистическое описание истории крестьянского движения, но главное — сделать качественный шаг в исследовании темы, заняться методологическим осмыслением, аналитической оценкой накопленного материала, поставив во главу угла такие аспекты, как характер, содержание, направления, формы и средства борьбы, соотношение стихийности и сознательности, субъективных и объективных

5. Заказ № 6909

моментов, роль социального настроения, социальной психоло
и идеологии и т. п.

В данной статье автор предпринимает первую попытку
кого анализа и не претендует на решение всех вопросов.

Характер классовой борьбы крестьянства Коми края в в
це XVIII — первой половине XIX в., как и крестьян Росси
целом, определялся господствующим общественно-экономич
ким строем — строем феодально-крепостническим. По своей
циально-экономической сущности это была борьба антифеода
ная, антикрепостническая, обусловленная системой «госуд
ственного феодализма», господствовавшей на Севере Росс
в том числе и в Коми крае. В чем конкретно проявлялся хар
тер классовой борьбы свидетельствуют многочисленные жало
прошения, приговоры мирских сходов, наказы в Уложенну
комиссию 1767 г., судебные дела. Они дают основание говори
о том, что крестьяне никогда не доходили до понимания необхо
мости борьбы со всей общественно-экономической организаци
не выходили за пределы внутриформационных изменений. Пр
чем под давлением житейской практики направленность борь
«против» оформлялась у крестьян быстрее, значительно ме
ленное складывалась положительная сторона борьбы — «
что». Крестьяне края боролись против тяжелых условий свое
существования, закрепостительных тенденций «государстве
ного феодализма», злоупотреблений чиновников, наступле
на крестьянские права, зафиксированного в законах и т.
Они боролись за освобождение от кабалы, расширение сво
сословных прав в экономической области (землевладение, зе
леделие, промыслы, торговля), смягчение податной системы
бюрократической регламентации государства.

Содержание классовой борьбы определяется взаимоотнош
ниями противоборствующих классов в трех главных сфер
жизни общества: экономике, политике, идеологии, а пото
борьба по содержанию может быть экономической, полит
ческой и идеологической.

В. И. Ленин подчеркивал, что «экономическая борьба кла
сов лежит в фундаменте общества»[5]. И в Коми крае в осно
крестьянского движения лежали экономические факторы, в
текавшие прежде всего из взаимоотношений крестьян с фе
дально-крепостническим государством, а также с заводовл
дельцами-промышленниками и купцами: малоземелье, недост
ток сенокосных и лесных угодий, непосильное бремя податей
повинностей, ограничения хозяйственных возможностей и т.
Экономическая борьба крестьян была повседневной и массово
осуществлялась в разных формах и различными средствам
внешне во многих случаях была не очень заметной, но нанос
ла ощутимые удары по интересам казны и других эксплуат
торов, в первую очередь по земельной собственности.

В. И. Ленин писал: «Мелкий производитель, разбросанный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера угнетения и эксплуатации, от которых он страдает»[6], а значит не может понять классового характера своей борьбы и особенно необходимости борьбы политической. Это было присуще и крестьянам края. Но все же следует отметить, что они, сами того не сознавая, вносили в свою борьбу элементы политического содержания. Эти элементы проявлялись в выступлениях против аппарата государственной власти, против действий представителей этой власти — уездных и губернских, а иногда и столичных чиновников, против их насилий, деспотизма, злоупотреблений, в неповиновении всем категориям властей, невыполнении их предписаний и распоряжений, непризнании назначаемых губернскими и уездными властями представителей местного начальства, смещении их с занимаемых должностей и т. п. Эти элементы политической борьбы, самими крестьянами не осознаваемые, были весьма незначительными и их не приходится переоценивать.

В крестьянском движении в крае в рассматриваемое время наблюдаются и отдельные проявления элементов идеологической борьбы, в частности в сфере крестьянского правосознания, в уходе в раскольники, в наивном монархизме, вере в царя, которому приписываются идеальные качества защитника крестьянских интересов, который объявляется орудием осуществления справедливости и т. п. Наивные надежды на царя были характерны для всех выступлений крестьян края, вера в царя была стимулом действий крестьянских вожаков[7].

Все проявления классовой борьбы крестьян в Коми крае свидетельствуют о невысоком уровне сознательности крестьянства. Их сознание в рассматриваемое время отражало те конкретно-практические идеалы, которые формировались в условиях жизни государственной деревни и сводились к таким социально-экономическим стремлениям и потребностям мелкого производителя, как равенство в землепользовании, справедливость в распределении податей и повинностей, организаций крестьянского самоуправления и т. п. Субъективные моменты борьбы, т. е. их непосредственные требования, с которыми они выступали, их практическая деятельность во имя обеспечения этих требований, были крестьянам совершенно ясны, понятны, но объективный смысл их борьбы был для них темен, скрыт, крестьянское движение было стихийным. Однако рассматривать стихийность движения только как его слабость было бы неверно. В. И. Ленин указывал, что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, «чем больше стихийный подъем масс, тем шире становится движение»[8]. Массы стихийно все шире втягиваются в борьбу;

стихийно стремятся ее расширить, вовлечь в нее новые силы стихийность выступает как своеобразный внутренний регулятор движения и его развития. Это наблюдается во всех более или менее значительных выступлениях крестьян Коми края. Стихийность движения связана с разрозненностью, разобщенностью действий крестьян, но отнюдь не порождает их. Разрозненность движения определяется его социальной средой, и она всегда является его слабой стороной. Следует отметить, что крестьяне в ходе борьбы, прямо не сознавая эту слабую сторону движения, предпринимают попытки ее преодолеть, сорганизоваться; организующим началом в коми деревне в ходе борьбы выступает крестьянский «мир», мирской сход, на котором обсуждаются нужды крестьян, принимаются приговоры, выражающие их недовольство, определяются действия, которые затем осуществляются, сменяются ненавистные сельские и волостные начальники, решаются вопросы об отказе платить подати, выполнять повинности, подчиняться уездным и губернским властям и т. п.

Коллективные действия «мира» составляют основное ядро крестьянских выступлений в Сотчеме и Керчемье, Ижме и Мохче, Усть-Куломе и Керосе и во многих других деревнях. Крестьяне пытаются также преодолеть локальность, изолированность своих выступлений, стремятся вовлечь в борьбу соседние общества и селения, посылают туда своих ходоков, чтобы договориться о совместных действиях, создают свои органы самоуправления, которые и осуществляют попытки преодолеть разобщенность движения [10]. Но все это не выходит за рамки стихийности, так как действия крестьян вытекают не из их осознания, а непосредственно из опыта борьбы.

Определенное организующее начало вносили в крестьянское движение вожаки, которых власти чаще всего называли «зачинщиками». Крестьянские вожаки могли и не быть «зачинщиками» движения, но их авторитет влиял на крестьян сплачивающе, организующе. Можно назвать Д. И. Балина, который хорошо был известен как правдолюбец, бескорыстный ходатай и защитник интересов крестьян, как участник и руководитель целого ряда неповиновений в различных районах края [11]. Это и вожаки сотчемских крестьян С. Огибин и К. Белых, руководитель керчомских крестьян П. Самарин, организаторы борьбы усть-куломских крестьян Г. Попов, Г. Сладкоштиев, С. Морохин и др.[12] Крестьяне ценили своих вожаков, как людей грамотных и знающих законы, всегда защищали их как могли, и вожаки оставались верными крестьянскому делу до конца, на суде вели себя мужественно, старались показать законность выступлений крестьян и своих действий, несправедливость действий крестьянских врагов — чиновников разного ранга, заводчиков, купцов. Однако, отмечая элементы организованности в крестьянском движении, нет необходимости их переоценивать.

Крестьяне Коми края в рассматриваемое время использовали в своей классовой борьбе различные формы и средства. Формы борьбы определяются образом действий крестьян; они бывают индивидуальными, групповыми, мирными, открытыми, скрытыми, массовыми, острыми, легальными, совершаемыми в рамках закона, нелегальными, незаконными, нарушающими рамки действующих законов. Преобладание тех или иных форм борьбы зависит от конкретных условий, от уровня социально-экономического развития, организованности и зрелости крестьянского сознания. Учет форм борьбы дает возможность судить об особенностях поведения крестьян в то или иное время, в том или ином месте. В рамках указанных форм крестьяне используют различные средства: отдельные акты мести и расправы с представителями властей, чиновниками, местными начальниками, повсеместное и повседневное уклонение от выполнения различных повинностей или плохое их выполнение, отказ от уплаты податей и денежных сборов, недоимок по различным платежам, захват казенных земель и угодий, самовольная расчистка леса под новины, самовольная порубка леса для хозяйственных нужд, самовольная отлучка с места жительства и т. п. Широко использовали крестьяне края такое средство, как подача жалоб и прошений в различные местные и центральные административные и судебные учреждения. Они настойчиво стремились довести свои жалобы и прошения до высших инстанций, направляя своих поверенных к самому царю. Жалоб и прошений было так много, что губернские власти неоднократно предписывали местным начальникам принять необходимые меры «для удержания государственных крестьян от подачи на Высочайшее имя пустых просьб» [13].

По содержанию жалобы и прошения были весьма разнообразными, но чаще всего касались земельного вопроса: малоземелье, произвол землемеров, неправильное решение земельных вопросов волостными и уездными властями, присвоение крестьянских земель купцами и мещанами, заводовладельцами, притеснения в пользовании лесом и т. п. Очень большую группу составляли жалобы и прошения, посвященные тяготам податей и повинностей, чрезмерным и излишним денежным сборам, несправедливости при выполнении повинностей, при рекрутских наборах и т. д. Много было также обращений к властям за защитой от произвола злоупотреблений и насилий со стороны местных начальников и уездных чиновников [14]. Использовали крестьяне края и такое законное средство защиты своих интересов и выражения своего недовольства, как судебные тяжбы в судебных учреждениях различного уровня, вплоть до Сената. Уездные же суды буквально завалены крестьянскими тяжебными делами.

Имели место на территории края массовые волнения и восстания. Особенно активно эти средства борьбы использовались

крестьянами в период обострения кризиса феодально-крепос
ического строя и в период складывания революционной ситу
ции (30-е — начало 60-х гг. XIX в.).

Говоря о результатах борьбы крестьянства Коми края, с
дует отметить, что они не могли выйти за пределы внутрифо
мационных сдвигов, но их нельзя недооценивать. Хотя кресть
не в ходе борьбы не добивались решающей и полной побед
удовлетворения всех своих требований, но частичные успех
частичные победы имели место. Крестьяне добивались устр
нения ненавистных им сельских и волостных начальников
предания их суду за злоупотребления (Керчомья, Сотчемск
общество), предания суду уездных чиновников, виновных в л
хоимстве и произволе (Ижемская волость, Сотчемское общес
во), освобождения от выполнения чрезвычайных повинност
(Ижемская волость), списания накопившихся за ряд лет недо
мок по податям (Ношульское общество).

В ходе борьбы росла элементарная локальная сплоченнос
и организованность крестьян — в рамках крестьянского «мира
общества, волости, происходило накопление опыта борьбы, пр
верялись ее формы и средства, усиливалось понимание необ
ходимости перехода к более острым и массовым формам, к б
лее энергичным средствам борьбы, расширялся кругозор кр
стьян, обогащалось их сознание.

Классовая борьба крестьянства Коми края в условиях ра
ложения и кризиса феодализма, как составная часть борьб
всего крестьянства России, расшатывала, подрывала усто
феодально-крепостнического строя, играла роль фактора, сп
собствовавшего крушению феодализма и переходу к капит
лизму. «Крестьянские бунты,— писал В. И. Ленин,— возраста
с каждым десятилетием перед освобождением, заставили пер
вого помещика, Александра II, признать, что лучше освоб
дить сверху, чем ждать ,пока свергнут снизу»[15].

* * *

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 389; Т. 11.— С. 54.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 15
3. Цембер А. Разбойничье дело 1777 г. // Коми му.— 1927.— № 6—
Документы о революционном выступлении усть-куломских крестьян.— Сы
тывкар, 1939; Хонькин Д. И. Волнения ижемских крестьян 1833—1838 гг.
Сыктывкар, 1941 и др.
4. Доронин П. Г. Волнения вымских крестьян в 30—50-е гг. XIX в.
Войвыв кодзув.— 1955.— № 6; Беленкина Т. И. Борьба коми крестьян
землю в конце XVIII первой половине XIX в. // Уч. зап. Коми пединстит
та.— Сыктывкар, 1958.— Вып. 6; Она же. Д. И. Балин. Очерк жизни и де
тельности // Уч. зап. Коми пединститута,— Сыктывкар, 1968.— Вып. 3
Она же. Из истории классовой борьбы коми народа.— Сыктывкар, 1971 и д
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 368.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч..— Т. 1.— С. 266.
7. Беленкина Т. И. Новое о борьбе коми крестьян в середине XIX
// Уч. зап. Коми пединститута.— Сыктывкар, 1968.— Вып. 24.— С. 140—14

Она же. Волнения крестьян Ижемской волости // Календарь памятных дат Коми АССР.— Сыктывкар, 1969.— С. 21—24.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 34— С. 216—217; Т. 5.— С. 367.
9. Беленкина Т. И. Указ. соч.
10. Доронин П. Г. Указ. соч.; Хонькин Д. И. Указ. соч.; Беленкина Т. И.. Указ. соч.
11. ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 283.
12. Там же, ф. 100, оп. 2, д. 61; ф. 99, оп. 6, д. 19.
13. ЦГА Коми АССР, ф. 277, оп. 1, д. 353, л. 65.
14. Доронин П. Г. Указ. соч.; Хонькин Д. И. Указ. соч.; Беленкина Т. И. Указ соч.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 173.

БОРЬБА РАБОЧИХ ПОМЕЩИЧЬИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

К. И. Юрчук

Изучение борьбы крепостных и посессионных рабочих до реформенной России — составная часть решения проблем формирования рабочего класса. Характер предъявлявшихс ими требований дает представление об их социально-эконом ческом положении.

Буржуазная историография не разрабатывала эту тем Лишь в монографии М. Туган-Барановского описан ряд вы ступлений посессионных рабочих [1].

Победа Великой Октябрьской социалистической революци выдвинула исследование исторических судеб рабочего класс России на первый план. В 1920-х гг. появились исследовани К. А. Пажитнова, М. С. Балабанова, раскрывавшие положени и борьбу рабочих крепостной России [2]. Был значительно расши рен круг известных науке сведений о выступлениях посессион ных и крепостных рабочих. Однако ранняя советская исто риография не увязывала изучение данного вопроса с проблемо промышленного переворота и, следовательно, формировани рабочего класса; кроме того, господствовавшая тогда теори крепостной мануфактуры не позволяла говорить о качественны отличиях борьбы рабочих помещичьих мануфактур от крестьян ского движения.

Важным событием в историографии было издание сборник документов «Рабочее движение в России в XIX в.»[3] Вступитель ная статья к сборнику написана акад. А. М. Панкратовой, ко торая подчеркнула большую политическую и научную актуаль ность изучения истории рабочего класса и его борьбы в Рос сии вообще и в первой половине XIX в. в частности. Это фунда ментальное издание включало впервые выявленные документы о многих волнениях рабочих. Составители разработали мето

статистического учета выступлений в виде хроник, приложенных к каждому тому. Изучалась борьба отдельных категорий рабочих или их положение и выступления в отдельных районах страны [4].

Поскольку оценка социально-экономической сущности вотчинно-посессионной мануфактуры неоднозначно у разных историков, различен и их подход к борьбе этих предприятий. Ученые, признающие наличие элементов капитализма на предприятиях с принудительным трудом, отмечают качественное отличие выступлений посессионных рабочих от крестьянских волнений уже в XVIII в.[5] Те авторы, которые рассматривают вотчинно-посессионные предприятия как крепостные, противопоставляют и борьбу их рабочих последующему рабочему движению, находя в ней сходства с крестьянскими выступлениями[6].

Более оправдан подход Г. С. Исаева, утверждающего возможность эволюции вотчинно-посессионных предприятий в капиталистическом направлении [7].

Если Г. С. Исаев анализировал борьбу крепостных рабочих только текстильной промышленности, то нами привлечены также материалы по винокуренной, свеклосахарной, писчебумажной и стекольной промышленности. Всего за 1801—1860 гг. выявлено 134 выступления рабочих помещичьих предприятий. Из них по архивным документам различных фондов 32.

К первой половине XIX в. многие посессионные мануфактуры, основанные в XVIII в. купцами, оказались в руках дворян. В результате в составе их рабочих оказались не только посессионные, но и крепостные на помещичьем праве, т. е. предприятия стали в разной степени вотчинно-посессионными. Поэтому в выделяемых выступлениях посессионных могли участвовать и крепостные. Дворяне-заводовладельцы не делали различия в положении тех и других, не раз объявляя посессионных своими крепостными. Поэтому некоторые советские исследователи вполне резонно не находят принципиальной разницы в положении крепостных и посессионных на дворянских предприятиях.

Из общего числа выступлений в указанных пяти отраслях промышленности посессионным принадлежит 67, крепостным — 63 и вольнонаемным, работавшим на помещичьих предприятиях,— 4. Выступления посессионных преобладали в первой трети XIX в. (40 из всех 65 выступлений), а крепостных — во второй трети (39 из всех 69). Эти данные не позволяют согласиться с мнением С. Б. Окуня, что борьба вотчинных рабочих в годы кризиса крепостничества «стала менее заметной»[8]. В первой трети XIX в. выступления состоялись на 35 помещичьих предприятиях 17 губерний, во второй трети — на 53 в 20 губерниях. Следовательно, говорить об ослаблении борьбы на вотчинных мануфактурах в эпоху кризиса крепостничества нельзя.

Особенно выделяются 1857—1858 гг., когда число выступле
было вдвое больше, чем в другие годы.

Причины борьбы выделяют выступления рабочих из ма
крестьянских волнений. Но формы борьбы посессионные и к
постные рабочие заимствовали еще из арсенала крестьянск
движения: подача коллективных прошений, волнения (отк
тое неповиновение помещику и вотчинной администрации, пр
щение работы), поджоги предприятий и массовые побеги.

Различие между двумя районами, определенными Г. С. Ис
вым, проявляется не в формах, а в целях активности бор
крепостных рабочих. На долю таких рабочих губерний П
мышленного центра и Северо-Запада приходится 90 выступ
ний, а черноземных — только 44, хотя число помещичьих пр
приятий было больше именно в последних. В губерниях П
мышленного центра (на Фряновской шелковой, Красносельск
писчебумажной и других мануфактурах) борьба посессионн
и крепостных рабочих приобретала перманентный характер,
угасая в течение всего полустолетия.

Зависимое положение посессионных и крепостных рабоч
естественно, определяло такой лозунг их борьбы, как обрете
личной свободы, протест против крепостнического режима (ж
токих телесных наказаний и произвола администрации). Пор
этим требования и ограничивались. Но в большинстве выступ
ний предъявлялись и конкретные требования, отражающие эко
мическое положение рабочих. Те из них, кто не утратил пахотн
землю, добивались нормальных условий для ведения своего
зяйства. Они больше всего были заинтересованы в ликвидац
вотчинной мануфактуры. Именно с такими работниками связа
все поджоги помещичьих предприятий, хотя прибегали они и
коллективным прошениям, и к волнениям как формам борьб
Крепостные и посессионные «фабричные», давно утративш
землю и существовавшие за счет получаемой денежной плат
обычно стремились улучшить условия труда, добиться увелич
ния его оплаты и отмены штрафов. За 1801—1860 гг. выступ
ния первой группы (за сохранение своего крестьянского хозя
ства) — 37, второй — 74. Следовательно, выступления с предъя
лением экономических требований составили более 67% вс
выступлений крепостных и посессионных рабочих. Распредел
ние этих двух типов выступлений по районам страны край
неравномерно: в черноземных губерниях 67% составляли вы
тупления крепостных, нацеленные на сохранение крестьянско
хозяйства, а в губерниях Центрально-Промышленных и Сев
ро-Западных — более 80% выступлений связаны с требов
нием увеличения оплаты труда [9].

Помещичье промышленное предпринимательство в северн
губерниях России было не столь интенсивным, как в центре и
на юге страны. Однако и здесь известны вотчинные предпри
тия уже в первой четверти XVIII в. — три винокуренных заво

помещиков в Унженском и Устюжском уездах Архангельской губернии [10]. В 1753 г. в этой же губернии также действовали три помещичьих винокуренных завода [11].

К концу XVIII в. в Вологодской губернии в руках дворян было шесть предприятий (один стекольный, два винокуренных, два суконных и одна писчебумажная мануфактура) с общей численностью рабочих более 585 человек. Кроме того, в Архангельской губернии в 1797 г. действовал хрустально-стекольный завод Щербакова.

К 1850 г. в Вологодской губернии существовало 11 помещичьих предприятий (два писчебумажных, три винокуренных, три сыроваренных, одно кожевенное, одно дегтекурное, одно сигарное) с 371 рабочим.

В 1860 здесь также было 11 помещичьих заводов (шесть винокуренных, четыре сыроваренных, один кирпичный), на которых работало более 700 чел. В 1862 г. в руках дворян находилось уже 19 промышленных предприятий губернии — один кирпичный, один стекольный, один лесопильный, один кожевенный, один дегтекурный, шесть винокуренных, пять сыроваренных, три чугуноплавильных [12]. Как видим, помещичье промышленное предпринимательство на Севере носило постоянный характер в течение XVIII—XIX вв. Следовательно, была и почва для выступления рабочих, занятых на этих предприятиях.

Известны четыре случая неповиновения людей, занятых на Широгорской писчебумажной мануфактуре. В 1795 г. по решению Сената 33 «приписных» этого предприятия были взяты в казну после рассмотрения дела об отыскивающих свободу [13]. В числе упоминавшихся ранее 134 выступлений это не учтено, как выходящее за принятые хронологические рамки.

В 1812 г. происходило волнение «фабричных» этой мануфактуры, принадлежавшей помещицам Кафтыревой и Ивановой. На предприятии в это время было занято около 200 «вечноотданных» и покупных. За участие в волнениях они были наказаны, но вторично взбунтовались при попытке их переселения [14]. В 1825 г. на этой же мануфактуре снова состоялось выступление рабочих в связи с невыдачей заработной платы [15].

В 1830 г. посессионные рабочие Широгорской мануфактуры жаловались на арендатора Эгансона, обременявшего их работой. А он, в свою очередь, обвинял их в неповиновении. При этом рабочие (51 чел.) соглашались повиноваться помещицам, но отказывались слушаться Эгансона, виновного в жестоких истязаниях рабочих. Восемь «зачинщиков» были преданы суду, один сослан в Сибирь. 15 человек наказаны плетьми. Дело об истязаниях арендатором людей было передано в Сенат. Предводителю дворян велено было следить за положением на этом предприятии [16].

Широко известно исследователям убийство крепостными помещика Межакова в 1809 г. Он был владельцем винокуренных

и других вотчинных предприятий. Эксплуатация крепостны
промышленности, вероятно, сыграла свою роль в возникн
нии общего недовольства, но прямой связи этого акта мес
работой на заводах исследователи пока не установили[17].
конец, известно волнение крестьян-коми, работавших по
му на золотых приисках Всеволжского в Пермской губерни
1837 г.[18] Однако это выступление связано с горнодобываю
а не легкой промышленностью.

Итак, борьба крепостных и посессионных рабочих по
щичьих мануфактур объединялась с крестьянским движен
общим лозунгом получения свободы, формами борьбы, цел
той части выступлений, которые стремились к сохранению
стьянского хозяйства работников мануфактур. Однако больш
ство выступлений рабочих помещичьих предприятий уже было
целено на улучшение их положения в рамках промышленного
изводства. Эта группа выступлений ближе к рабочему движен
чем к крестьянскому, хотя здесь и нет еще специфически про
тарских форм борьбы.

Освобождение посессионных и крепостных рабочих в 186
превратило их в вольнонаемных, составивших основной кос
постоянных кадров русской промышленности. Традиции упор
борьбы за освобождение, за улучшение условий и оплаты т
да, накопленные крепостными и посессионными рабочи
вошли в копилку опыта классовой борьбы русских рабочих.

* * *

1. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и наст
щем.— М., 1938.— Т. 1.— С. 94, 104, 111—119.

2. Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих
1824 по 1860 г.) // Архив истории труда в России.— М., 1921.— Кн. I—II
С. 89; Он же. Рабочие волнения в царствование Александра I // Там же
1922.— Кн. У.— С. 4; Он же. Положение рабочего класса в России.—
1923.— Т. I.— С. 42—46, 177—180; Балабанов М. С. Очерки по истории ра
чего класса в России.— М., 1926.— Ч. 1.—С. 160.

3. Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. док. 1-е изд.—
1951.— Т. 1; 2-е изд. доп.— М., 1955.— Т. 1.— Ч. I—II.

4. Історія робітничого класу Українськоі РСР.— Киев, 1976.— Т. I
С. 81, 95—97; Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в пер
четверти XIX века.— М., 1963.— С. 54—64, 216—226, 259—264; Рутман Р.
Рабочее движение перед отменой крепостного права // Революционная сит
ция в России в 1859—1861 гг.— М., 1962.— С. 207—208; Дружинина Е.
Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825—1860.— М., 1981.—
114. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.— М., 1983.—
130, 144—149, 486—488.

5. Заозерская Е. И. К вопросу о сущности и основных этапах «
вого периода» в истории России // Вопросы истории.— 1951 — № 12.—
114—115; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР.— М., 1954.
Т. I.— С. 125. Вагина П. А. О характере волнений мастеровых уральских з
водов в последней четверти XVIII в. // История СССР.— 1965.— № 1
С. 75.

6. Волобуев П. В., Володарская А. М., Дерешковский Г.
и др. О периодизации рабочего движения в России // Рабочий класс и р

бочее движение в России: 1861—1917.—М., 1966.— С. 13—15; Цыпин Б. Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России.— Свердловск, 1968.— С. 88—111.

7. Исаев Г. С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России: 1760—1860.— Л., 1970.— С. 253.

8. Окунь С. Б. Очерки истории СССР: вторая четверть XIX в.— М., 1957.— С. 50.

9. Государственный архив Владимирской области, ф. 40, оп. 1, д. 10700, л. 1., об., 88; д. 11079. 1—4.

10. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII— первая половина XVIII в. Винокуренное производство.— М., 1979.— С. 328, 334.

11. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы.— М., 1962.— С. 438.

12. ЦГИА СССР. ф. 18, оп. 2, д. 1770, л. 168 об.— 169, 222, об.— 226 об.

13. Там же, д. 1441, л. 1.

14. Бабкин В. И. Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г. // История СССР.— 1972. № 2.— С. 119.

15. Рабочее движение в России в XIX в.— М., 1955.— Т. 1.— Ч. 1.— С. 816.

16. Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.).— С. 89.

17. Андреевский Л. Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере.— Вологда, 1922.— С. 9, 16—17; История северного крестьянства.— Архангельск, 1984.— С. 335.

18. Рабочее движение в России в XIX в.— М., 1955.— Т. 1.— Ч. II.— С. 197—200.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ 1863 г. НА СЕВЕРЕ

П. П. Котов

Наша историография целиком поддерживает тезис досове
ких исследователей о значительном увеличении в ходе реф
мы 1863 г. наделов удельных крестьян северной полосы (
хангельской, Вологодской, Новгородской и Костромской губ
ний)[1]. В таком случае непонятно, почему удел сделал бол
прирезки только этим крестьянам, почему именно эти кресть
в массовом порядке не подписали уставные грамоты и наибо
активно выступили сразу и выступали позже против резуль
тов реформы и др.[2] Ответы попытаемся найти на матери
Вельской удельной конторы, в подчинении которой находил
удельные крестьяне Архангельской и Вологодской губерний.

Разберем конкретную уставную грамоту (и сопутствую
ей документы), например, на Шеренское сельское общество
хангельской губернии. В ней указывается, что крестьяне (
ревизских д. м. п.) имели 1 069 дес. тяглой земли, из них
реформе отрезается 326 дес. (30%), прирезается — 1 034
(97 %)[3]. Если этим ограничиваться, что и делается в лите
туре, тогда полностью подтверждается общепринятый вывод
огромных прирезках в удельной деревне Севера. Рассмот
структуру крестьянского дореформенного землепользования
структуру прирезки, на что ранее не обращалось внимания.

До реформы удельные крестьяне Севера пользовались
сом, тяглыми, билетными и оброчными землями. Тяглые зе
включали в себя разработанные усадебные, пашенные и се
косные угодья, которыми крестьяне пользовались «от ве
издавна. К 1863 г. они составляли в удельной деревне Ар
гельской губернии 62 721 дес. на 24 685 ревизских д. м. п.
по 2,5 дес. на душу, в Вологодской — 124 430 дес. на 37 624
или по 3,3 дес. на душу (табл. 1). Эти земли на Севере не об
печивали не только выплату денежных податей, но и прожит
ного минимума, что всегда понимала администрация. Поэт

Таблица 1

Изменение землепользования удельных крестьян Севера по реформе 1863 г. (в дес. абс. и на душу)

Губерния, уезд	Земли до реформы 1863 г.						Земли после реформы 1863 г.					
	Усадьбы, пашни и сенокосы		Леса		Всего удобной земли		Усадьбы, пашни и сенокосы		Дровяных и кустарных зарослей		Всего удобной земли	
	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу	абс.	на душу
Архангельская												
Шенкурский	67 523*	2,7	1 507 125	61,1	1 574 648	63,8	60 907	2,5	41 572	1,7	102 479	4,2
Вологодская												
Вельский	66 086	3,8	760 733	44,3	826 819	48,1	57 770	3,4	60 705	3,5	118 475	6,9
Тотемский	15 842	2,5	121 184	19,7	137 026	22,3	14 768	2,4	37 609**	6,1	52 377	8,5
Устюжский	14 834	2,8	43 114	8,2	57 948	11,0	14 570	2,7	40 536***	7,7	55 106	10,4
Сольвычегодский	20 611	2,9	250 978	35,2	271 589	38,1	19 567	2,8	8 245	1,1	27 812	3,9
Вологодский	1 761	2,7	11 156	1,8	2 917	4,5	1 717	2,7	158	0,2	1 875	2,9
Кадниковский	3 599	4,6	11 863	15,1	15 462	19,7	3 257	4,1	402	0,5	3 659	4,6
Грязовецкий	1 697	3,7	1 887	4,1	3 584	7,8	1 529	3,3	481	1,1	2 010	4,4
Итого	124 430	3,3	1 190 915	31,7	1 315 345	35,0	113 178	3,0	148 136	3,9	261 314	6,9
Всего	191 953	3,1	2 698 040	43,3	2 889 993	46,4	174 085	2,8	189 708	3,0	363 793	5,8

* Включая 4 802 дес. билетной земли.
** Включая 3 241 дес. леса под перелог за дополнительную плату по 33 коп. за дес. в год.
*** Включая 13 679 дес. леса под перелог за дополнительную плату по 22 коп. за дес. в год.

традиционно крестьяне региона, включая дворцовых — удел ных, довольно свободно пользовались лесом, где пасли ск охотились, заготовляли дрова, грибы и ягоды, занимал смолокурением и другими промыслами. Смолокурение, напр мер, в удельной деревне было главной статьей денежных дох дов для уплаты податей [4]. Лес был неотъемлемой и органич частью хозяйственного, экономического цикла жизни кресть

Долгое время лес считался собственностью казны (государ ва). В начале XIX в. удел, используя указ от 11 ноября 179 о наделении казенных крестьян «законной пропорцией земл (8 дес. на ревизскую д. м. п. в «малоземельных» губерниях 15 дес.— в «многоземельных), потребовал подобного же на ления для своих крестьян. После многочисленных споров так решение было принято и в отношении удельных крестьян сев ной полосы. При этом удельное ведомство требовало не про земельные угодья, а пашню, каковой незанятой у казны было. Тогда удел «соглашается» на лес, засчитывая за 1 д пашни 3 дес. леса для смолокурения или 2 дес. смешанного стр вого леса и т. п. В Шенкурском уезде он настоял на передаче у льным крестьянам почти всех лесов, за исключением 200 т дес.[5] Накануне реформы удельные крестьяне Севера получи около 2,7 млн. дес. леса (табл. 1), а порядок лесопользован почти не изменился. Важнейшим моментом является то, ч казна выделяла лесные угодья *для крестьян,* т. е. право *польз вания* отныне было подкреплено *правом закона.*

По указам 1820—1821 гг. крестьянам Севера разрешили р работку леса под пашню и сенокос (в строго отведенных д этого местах). Угодьями крестьяне пользовались 40 лет б платно, затем они включались в общий передел. Таких биле ных земель, как правило, еще не вошедших в общий переде к 1863 г. в удельной деревне Архангельской губернии имело 4 802 дес., в Вологодской — не было (табл. 1).

В собственности удела находились лишь так называем оброчные статьи, которые сдавались крестьянам в аренду плату. С 1862 г. в эту категорию вошли земли «общественно запашки, бывшие до 1828 г. тяглыми пашенными угодьями кр стьян [6]. Это фактически была отрезка накануне реформы. Вельской конторе оброчные угодья увеличились на 4 428 д и составили 8 638 дес. пашни, 4 707 дес. сенокоса и 3 921 д прочих земель [7].

Теперь посмотрим, из каких же угодий складывалась пр резка. В приведенной нами уставной грамоте на Шеренск общество она распадалась на 47 дес. билетных земель, 36 д оброчных угодий и 998 дес. «дровяных и кустарных заросле (леса). В этой уставной грамоте и во всех остальных удел в д реформенный надел крестян включил только надельные угод а билетные земли и лес считал своей собственностью, вопре как мы уже показали, праву пользования и закону. Поэто

предоставление крестьянам билетных и лесных угодий нужно считать не *прирезкой,* а *оставлением* части таковых. Так, крестьяне Шеренского общества до реформы имели 94 дес. билетных земель, после — 47 дес., леса здесь приходилось по 58,6 дес. на душу, после реформы — по 2,1 дес. Фактическая прирезка была мизерной — 36 дес. оброчных угодий. Вероятно, еще более правильно было бы вычесть из них 10 дес. «общественной» запашки, что отошли к уделу в 1862 г.

В целом удельные крестьяне Архангельской губернии получили после реформы из оброчных статей, т. е. им реально прирезали, всего 889 дес. пашни и 379 дес. сенокоса, в Вологодской — соответственно 379 и 104 дес.

Землепользование удельных крестьян Вологодской губернии в ходе реформы 1863 г. сократилось с 35,0 дес. земли на ревизскую д. м. п. до 6,9 дес. или на 80% (по уездам — с 48,1—4,5 до 10,4—2,9 дес. или на 36—86%), Архангельской — с 63,8 до 4,2 дес. или примерно на 93% (табл. 1)[8]. Удельные крестьяне Севера потеряли около 2,5 млн. дес. леса (93%), 1 742 дес. билетной земли (36%) и 17 877 дес. тяглых угодий (9%). Следует учитывать, что крестьяне Тотемского уезда получили 3 241 дес. леса под перелог или по 1,5 дес. на душу сверх высшего размера надела за дополнительную плату 33 коп. за дес. в год, Устюжского — 13 679 дес. или по 3,4 дес. на душу — 22 коп. за дес. в год [9]. Это была не прирезка, а своеобразная бессрочная аренда.

Реформа 1863 г. резко изменила структуру крестьянского землепользования, нарушила привычный вековой хозяйственный и экономический уклад. Уменьшилась доля леса в наделах крестьян: в Архангельской губернии с 95,7 до 40,5%, в Вологодской — с 91,9 до 59,9% (табл. 2). Еще более значительное сокращение леса наблюдается в абсолютных цифрах: по Архангельской губернии с 61,1 до 1,7 дес. на душу или в 36 раз, по Вологодской — с 31,7 до 3,9 дес. или в 8 раз (табл. 1). Важно учесть, что предоставляемые крестьянам «дровяные и кустарные заросли» почти не имели практического значения для промыслов, так как выделялись «вне смолокуренных дач» и там, где на одну десятину приходилось не более 15 строевых деревьев. Как правило, эти угодья были не пригодны и для пашни, сенокоса и пастбищ, т. е. недостаток последних отныне крестьяне не всегда могли пополнить в нужном количестве.

Удел старался отделять крестьянские наделы единым массивом и все угодья за его пределами подлежали отрезке (свои оброчные статьи внутри наделов он сохранил). Поэтому площадь покосов, чаще разбросанных по лесам, чем пашни, также заметно сократилась: в Архангельской губернии с 1,49 до 1,24 дес. на душу или на 17%, в Вологодской — с 1,51 до 1,25 дес. или тоже на 17% (табл. 2).

6. Заказ № 6909

Изменение структуры наделов удельных крестьян Севера по реформе 1863 г. (в дес. на ревизскую д. м. п. и %)

Табли

Категория земли	Архангельская губерния				Вологодская губерния [10]			
	До реформы		После реформы		До реформы		После реформы	
	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
Усадьба	0,04	0,1	0,04	1,0	0,05	0,1	0,05	
Пашня	1,21	1,9	1,19	28.7	1,58	4,1	1,59	2
Сенокос	1,49	2,3	1,24	29,9	1,51	4,0	1,25	1
Лес	61,05	95,7	1,68	40,5	35,00	91,9	4,30	5
Всего	63,79	100	4,15	100	38,14	100	7,19	10

Суть реформы 1863 г. четко выразил удельный крестья
П. В. Невежин, который на сходе Терминского первого сель
го общества Вельского уезда сказал: «Бывший министр уде
удельные имения (крестьян — К. П.) грабил, а нынешний хо
окончательно разорить»[11].

Имеет смысл пересмотреть результаты реформы 1863 г
отношении наделения землей удельных крестьян всех губер
России. Ведь на момент создания удела (в 1797 г.) в пользо
нии удела и удельных крестьян было 4,2 млн. дес. земли, то
как накануне реформы — 12 млн. дес. Из них удел купил у ча
ных лиц всего около 1 млн. дес.[12], откуда и чьи остальные
Северу мы показали) — требует специального исследования.

В заключение отметим, что надел удельным крестьянам в
делялся один раз и навсегда, т. е крестьянское малоземе
в течение времени обострялось за счет «прибылых» душ.
Архангельской и Вологодской губерниям это показывают да
ные табл. 3.

Распределение земли в удельной деревне Севера в 1870—1895 гг.[13]

Таблиц

Количество дес. на 1 д. м. п.	Архангельская губерния				Вологодская губерния			
	1870 г.		1895 г.		1870 г.		1895 г.	
	душ.	%	душ.	%	душ.	%	душ.	%
0—1								
1—2	0	0						
2—3	0	0	0	0	0	0	0	7
3—4	4 254	17,2	2 685	7,9	0	0	3 711	12
4—5	7 420	30,1	13 040	38,3	2 504	7,0	6 147	4
5—6	8 562	34,7	16 431	48,3	2 492	7,0	2 267	25
6—7	3 442	13,9	1 717	5,0	2 206	6,2	12 608	27
7—8	565	2,3	0	0	994	2,8	13 567	6
8—9	442	1,8	161	0,5	11 447	32,0	3 369	7
9—10	0	0	0	0	7 536	21,1	3 513	4
Свыше 10	0	0	0	0	1 846	5,2	2 178	5
Всего	24 685	100	34 034	100	1 237	3,5	2 684	
82					5 467	15,3	0	
					35 729	100	50 044	100

* * *

1. Богатикова Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки.— М., 1958.— Т. 63.— С. 82—123; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России.— М., 1968.

2. Данная проблема уже затрагивалась автором (Котов П. П. Хозяйство удельных крестьян Севера в середине XIX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVII начале XX веков.— Сыктывкар, 1987.— С. 21—29.). Считаю нужным еще раз обратиться к ней, так как часть материала по Северу и сомнения в правильности оценки реформы 1863 г. в целом по России не вошли в указанную статью.

3. ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 74, д. 90, л. 43—55.

4. Котов П. П. Лесные промыслы удельных крестьян Севера // Тезисы 10 Коми республиканской молодежной научной конференции.— Сыктывкар, 1987.— С. 28.

5. ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 15, д. 1237; оп. 34, д. 80, 81; оп. 71, д. 2182; ф. 387, оп. 2, д. 20010.

6. Котов П. П. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828—1861 гг.) // История и культура Архангельского Севера. (Досоветский период).— Вологда, 1986.— С. 86—95.

7. ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 71, д. 2218, л. 1—2.

8. Таблицы 1, 2 и 3 составлены по: ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 34, д. 1849—1856, 1958, 2265; оп. 71, д. 2182, 2218; оп. 74, д. 86—99; оп. 78, д. 219, 220.

9. По данным Г. И. Богатиковой (Указ. соч. С. 102) и П. А. Зайончковского (Указ соч. С. 270) удельным крестьянам Севера предоставлено за дополнительную плату 26 542 дес. земли. Вероятно, они включили сюда 9 тыс. дес., отрезанных от крестьян, а затем отданных им во временное пользование (без платы или с ней). Но эти угодья не входили в надел и арендная плата не включалась в выкупные платежи (ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 34, д. 795. л. 18—20).

10. Сведения на 28401 ревизскую д. м. п. или на 85% крестьян.

11. ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 34, л. 1849, л. 140 об.

12. Там же, оп. 1, д. 1—74.

13. В 1870 г.— число душ, получивших надел, в 1895 г.— число душ, получивших землю по очередному переделу. Исключены крестьяне Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов, которых в 1870 г. было 1 895 душ, но нет данных о них на 1895 г.

№ 112

ЭКСПЕДИЦИЯ А. БРЕМА И Ж. БАЯ 1870—1890-х ГОДОВ К ФИННО-УГОРСКИМ НАРОДАМ РОССИИ

Л. П. Рощевская, В. Я. Чернышева

Развитие капитализма в России вглубь и вширь, поис рынков сбыта, политика царизма по отношению к многочисл ным народам, населявшим ее и, не в последнюю очередь, эк тика северо-восточных областей — все это становится предмет пристального внимания европейских государств. Усиливают научные контакты, создаются различные (в основном геогр фические) общества, способствовавшие и частично субсиди вавшие научные экспедиции в Россию.

С самого начала в исследовании окраин России выявили две противоположные тенденции изучения: в интересах госпо ствующего класса и в научных, просветительских целях.

Налаживание торговых отношений России с другими стра ми было одной из целей, возникших во второй половине XIX «Общества содействия развитию русской промышленности торговли» и «Общества содействия развитию морской торгов России». Они изучены недостаточно. Малоизвестное направ ние их деятельности заключалось в обследовании бассейна р ки Обь для строительства канала на Печору в торговых целя Деятельностью этих компаний заинтересовалось Бременск «Общество германских северо-полярных экспедиций» (с 1877 «Географическое общество»).

В область исследований зарубежных ученых попадают и фи но-угорские народы России, населявшие Европейский Севе Среди этих ученых всемирно известный зоолог Альфред Брем его друг этнограф Отто Финш.

Материалы Отто Финша[1] и семь очерков А. Брема о Сибир не переиздавались с конца прошлого века и были обнародован повторно в наши дни[3].

Организатором экспедиции был О. Финш. Кроме А. Брем его помощником был пожелавший участвовать в работе на сво

средства ботаник Карл фон Вальдбург. Бременское «Общество германских северо-полярных экспедиций» субсидировало 5 тыс. марок, чего было явно недостаточно. Был брошен клич ко всем интересующимися естественными науками — материально поддержать экспедицию. Было собрано около 18 тыс. марок. Активно помогали экспедиции промышленник М. К. Сидоров, жившие в столице потомки усть-сысольского купца Латкина, 23 тыс. марок предоставил иркутский предприниматель А. М. Сибиряков, заинтересованный в налаживании торговых отношений России с другими странами. Впоследствии А. Брем и О. Финш даже досадовали, что за эту помощь он отвлекал их от научной работы.

Германское правительство снабдило О. Финша и А. Брема только рекомендательными письмами к Александру II. Это ничего не стоило, но облегчало установление контактов с местной администрацией, которая, хотя и содействовала экспедиции, но тщательно скрывала социальные проблемы и беспорядки России.

В задачу экспедиции Финша—Брема входило изучение растительного и животного мира, хозяйства, истории и культуры местного населения, вопросов торгового судоходства в Западной Сибири и поиски путей сообщения между Обью и Печорой. Хотя А. Брем и О. Финш не имели специального образования и были мало сведущи в этих вопросах, но они дали в отчетах описания Оби, ее бассейна, обратили внимание на то, что устье Оби и зимой может быть исходным пунктом связи между Европой и Сибирью.

Другую экспедицию в этот же район через 20 лет в 1869 г. провел французский этнограф барон Жозеф Бай[4]. Он преследовал археолого-этнографические цели, но не упускал из вида и развитие экономических контактов двух стран. Это было время, когда Франция стремилась разместить в России денежные займы. Поэтому, не случайно, Бай обратил внимание на подготовку Нижегородской ярмарки, которая, по его мнению, должна была показать, на какой точке развития находится Россия к концу XIX в.

Маршруты Финша—Брема и Бая были одни: Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Нижняя Обь. Совпадали изучаемые ими народы (ханты и ненцы), хотя Ж. Бай больше внимания уделял удмуртам и мари, а Финш — манси. Ученые обеих экспедиций отмечали доброжелательное отношение коренного населения, его безукоризненную честность, миролюбие и гостеприимство.

Несмотря на попытки царского правительства отвлечь зарубежных ученых от социальных сложностей, колонизаторская политика царизма, тяжелый быт нерусского населения и ссыльных отражены в их дневниковых записях. Они писали об антисанитарных условиях жизни, о работе на промыслах, отсутствии

мероприятий по борьбе с эпизоотиями, о безграмотности ко
ного населения и т. д. Оценки этих явлений различны.

Особый интерес для ученых (для Брема — в социаль
плане, для Бая — больше в этнографическом) представ
сосуществование у финно-угорских народов христианства с
чеством. Брему были чужды насильственная политика цер
он видел, что строгие правила православной церкви наход
в вопиющих противоречиях с образом жизни языческого
ления.

Бай посетил Ананьинский могильник под Елабугой («
классическое место русской археологии»), но сделал вы
что это цивилизация сибирская, более древняя и северна
Перми он видел посох Стефана Пермского — первого мисси
ра, как он называет, финских племен в России. Часть обн
женных «доисторических вещей» Бай предполагал выстави
Парижском музее Гиме (искусство стран Востока).

Экспедиция Финша и Брема проходила в благоприят
для них обстановке общественного подъема 1870-х гг. в Рос
Бай же стремился накануне первой мировой войны соз
благоприятное впечатление о Франции среди русских дело
и ученых кругов. Поэтому мы и находим у него похвалу в а
русского царя, восхищение его «терпимостью» по отношени
многочисленным народам, заселявшим страну. Тем не менее
этнографические наблюдения были созвучны определен
кругам русских ученых.

Живое участие и поддержку зарубежные исследовател
ходили у русских ученых и промышленников. Наибольший
терес к экспедициям проявило «Уральское общество любите
естествознания», о котором упоминают путешественники.

Материалы обеих экспедиций являются вкладом в дальн
шее изучение истории и культуры финно-угорских и других
родов России.

* * *

1. Finsch O. Reise nash Westsibirien.— Leipzig, 1879 (русский пер
M., 1882).
2. Brehm A. Vom Nordpol bis zum Äguator.— Leipzig, 1890. (рус
перевод: Жизнь на севере и юге. От полюса до экватора.— М., 1891).
3. Genschorek Wolfgang. Fremde Länder—Wilde Tiere. Das L
des «Tirvaters» Brehm. VEB. F. A. Brockhaus Verlag.— Leipzig, 1984.
4. Baye J. Du Volga à l' Irtisch.— P., 1896; (русский перевод: Бай
От Волги до Иртыша (археологическо-этнографическая экскурсия по Г
уралью и Западной Сибири в 1896 г.) пер. с фр. Е. Н. Маджи.— Тобо
1898); Baye J. De Moscau a Krasnoiarsk. Souvenirs d' une Miss
Institut Géographigue de Paris.— Paris, 1897.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ XIX в.

Н. И. Голикова

Аграрные реформы 60-х годов в результате отмены крепостного права и введения системы выкупа открыли возможности превращения крестьян в мелких товаропроизводителей. Растянувшись на десятилетия, эти преобразования, охватившие фактически все категории крестьянского населения, наложили, однако, печать крепостничества на весь общественный и экономический строй деревни. Сохранялась сословная обособленность крестьянства. В неприкосновенности оставались общинная форма земельной собственности и система круговой поруки. Главное и самое важное ограничение, лежавшее на общинных землях, было запрещение общинникам отчуждать землю до окончания выкупной операции. Повсеместно наблюдалось измельчание наделов. Малоземелье крестьян с ростом населения все более усиливалось.

«... Вся сущность капиталистической эволюции мелкого землевладения состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения»[1],— указывал В. И. Ленин.

Крестьянское землевладение претерпевало заметные изменения, а потому необходимо дать характеристику фактически сложившегося крестьянского землепользования в северных губерниях в конце XIX — начале XX в., выявить направленность в его эволюции.

В северных губерниях общинное землепользование было далеко не однородным. В наличии были две исторически сложившиеся формы территориальной структуры поземельной общины: однодеревенская и сложная многодеревенская. В Олонецкой губернии встречались общины, состоявшие из 15—30,

а иногда и более деревень[2]. По данным П. А. Колесникова, в конце XIX в. на территории северо-восточных уездов Вологодской губернии существовало 147 сложных общин, или 40%, включавших 89,7% селений, остальные были однодеревенскими[3]. Переделы в северных общинах носили далеко не упорядоченный характер. Иногда уравнивались только пашни, в других случаях в передел шли и сенокосы, а пастбища и выгоны — в общем владении всей деревни. Это особенно было характерно для Олонецкой губернии и северо-восточных уездов Вологодской[4]. Кроме общинной был распространен подворный способ владения землей, сложившийся на расчищенных крестьянами землях. На основе данных советских историков и имеющихся в нашем распоряжении сведений можно судить о достаточно значительном распространении земель подворного пользования в северных губерниях.

В середине 80-х гг. XIX в. преобладание подворного землепользования наблюдалось в Сиземской волости Вологодского, Большемургинской и Кокошиловской волостях Кадниковского уезда. Участки, образовавшиеся после расчистки леса, «оставляли здесь достояние отдельного домохозяина, который пользовался ими как собственностью с правом продажи, дарения и завещания»[5].

В конце XIX в. в целом ряде общин северовосточных уездов Вологодской губернии был установлен «вечный срок владения новинами» (расчищенными льготными участками)[6]. По данным 1901—1902 гг. в трех верхневычегодских волостях Усть-Сысольского уезда подворной пашни было больше общинной на 16%, в Шиловской волости площадь подворной пашни в два раза превышала площадь общинной пашни[7]. Земли такого типа в 1903 г. составляли в двух волостях Печорского уезда (Красноборской и Усть-Кожвинской) 36% под пашней, 62% под сенокосом[8]. В Тотемском уезде в подворном владении находилось около 15% пашни и 60% сенокосов[9]. Большей частью сенокосные участки олонецких крестьян, хотя и числились общинными, но в сущности были в фактическом пользовании крестьян, разработавших подсеки. Современник отмечал, что «нормы, установившиеся с незапамятных времен, незыблемо существовали до сих пор»[10]. Несмотря на то, что юридическое право распоряжения земельным наделом оставалось за государством, а право пользования и владения — за крестьянской общиной, крестьяне считали подворные пашни и сенокосы своими и передавали их по наследству, сдавали в аренду и даже продавали. Это давало возможность зажиточной верхушке крестьянства не только закрепить за собой свои обработанные участки, но и захватить расчистки разоряющихся крестьян. Расчистки, с одной стороны, представляли старую традиционную форму землепользования, с другой — в новых исторических условиях они выступали в качестве частного начала противоположных и насаждаемых правительством форм общинного землепользования.

Поскольку мобилизация общинной надельной земли была затруднена, главным средством перераспределения земли между различными группами крестьянства являлась аренда, тесно связанная с процессом разложения крестьянства. Острая нехватка сенокосных угодий у крестьян Европейского Севера вынуждала их арендовать сенокосные участки в казенных дачах в виде лесных оброчных статей. В северо-восточных уездах Вологодской губернии в аренде у крестьян находилось около 12 тыс. дес. казенных земель[11].

Характерными для северного края были высокие арендные цены. Так, при срочной аренде казенных земель одна десятина пашни в Никольском уезде Вологодской губернии обходилась в 2 руб. 50 коп., в Яренском — 4 руб. 65 коп.[12] Крестьяне не только арендовали землю, но и сдавали в аренду. В. И. Ленин писал: «Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства за счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли — это явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью»[13]. Такое положение наглядно прослеживается на примере Тотемского уезда Вологодской губернии, где в 1904 г. сдавало в аренду землю 28% бедняцких дворов, имеющих посев менее одной десятины, в высшей группе хозяйств, по местным условиям, с посевом свыше 6 дес. этот процент равнялся 4, тогда как арендовало землю в низшей группе 15%, а в высшей 77% дворов. На каждое из зажиточных хозяйств приходилось 4,7 дес. арендованной земли против 2,5 дес. в среднем по уезду[14].

К началу XX в. уравнительность в общине превратилась в юридическую фикцию. Чтобы полнее представить картину земельной обеспеченности северного крестьянства необходимо рассмотреть данные о купчей земле в сравнении с надельной. Для этого воспользуемся статистическими данными губернских переписей конца XIX в. в Вологодской и Олонецкой губерниях. Анализ сведенных нами в таблицу статистических данных показывает, что покупка земли крестьянами наиболее широко была распространена в Вологодской губернии, где купленные земли составляли 10,6%. В Олонецкой — удельный вес купчей земли в сравнении с надельной был незначителен, составлял 2,3%. В Вологодской губернии выделяются по количеству купчей земли три юго-западных уезда (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский). Здесь, во-первых, была возможность приобретения земли у помещиков, во-вторых, большей частью землю приобретали в указанных уездах бывшие помещичьи крестьяне, обладавшие крайне незначительными наделами (см. табл.).

Покупные земли не подвергались обложению, на них распространялись ни передел, ни принудительный севообор На этой земле велось более интенсивное хозяйство, произво тельность труда была выше, покупная земля тщательно воз лывалась и, следовательно, давала большой доход, чем рав ей по величине надельная. Возможность свободно распоря ться своей собственной землей являлась одним из стимуло ее приобретению.

Соотношение надельной и купленной земли в Вологодской и Олонецкой губерниях в конце XIX века*

Уезд	Земля крестьянская, дес.		% купленной зем от суммы
	надельная	купленная	
	Вологодская губерния		
Вологодский	232 371	94 996	29,0
Грязовецкий	244 482	55 510	18,5
Кадниковский	406 994	249 256	37,9
Тотемский	643 641	10 418	1,6
Вельский	405 491	1 218	0,3
Устюгский	253 201	14 335	5,4
Никольский	693 897	9 378	1,3
Сольвычегодский	304 748	9 678	3,1
Яренский	173 714	1 266	0,7
Устьсысольский	408 502	98	0,0
Итого	3 767 021	446 153	10,6
	Олонецкая губерния		
Петрозаводский	827 078	42 017	5,1
Вытегорский	423 284	7 448	1,8
Каргопольский	944 413	96	0
Лодейнопольский	328 376	36 907	11,2
Олонецкий	313 736	1 281	0,4
Повенецкий	583 215	—	—
Пудожский	439 820	113	0
Итого	3 859 922	87 862	2,3

Наиболее активным покупщиком была зажиточная час деревни, имеющая в своем распоряжении необходимый для п купки капитал. Так, судя по данным окладных листов, на 1 крестьянских владений Кожуховской волости Тотемского уезд приходится 16 540 дес., причем 10 единоличных владельц

* Памятная книжка Вологодской губернии на 1896/97 г.— Вологда, 1896.— Ч. 1.— С. 172—197. Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края.— СПб., 1910.— С. 285.

имели в своем распоряжении 1630,5 дес., а в пяти совместных — 23,5 дес., составляя соответственно 98,6% и 1,4%. Обращает на себя внимание наличие владения площадью в 1 594,2 дес., которое показано в документах как единоличное, но принадлежит «нескольким наследникам крестьянина с. Ивалицы Александра Федорова Сивкова»[15]. В Мосеевской волости совместных владений документы не отражают, а в Погореловской волости сведения вновь подтверждают преобладание размера купленной земли единоличных владельцев над совместным владением, составляя 81,7% по сравнению с 18,3%. Разумеется, можно предполагать в других волостях обратную картину: за счет большого числа совместных владельцев, приобретавших землю даже в незначительных размерах, она могла превысить размеры участков единоличных владельцев. В итоге, с одной стороны, мы видим выделение слоя зажиточных хозяев в деревне, которые способны приобрести довольно значительные площади земли, но, с другой стороны, в большинстве участки купленной земли не могли быть крупными: в северных губерниях объем земельного рынка был невелик. В Вологодской губернии, например, он составлял в начале XX в. чуть более 3 млн. дес.[16] В условиях конкуренции это предопределяло более высокие темпы процесса разорения крестьянских хозяйств, нежели накопления капитала.

Итак, в государственной деревне пореформенного времени наделы составляли основу крестьянского землепользования. Пореформенная капиталистическая перестройка крестьянского землевладения была диалектически противоречивой: с одной стороны, падало значение надельной земли, с другой — надел оставался основой крестьянского землевладения. В условиях недостаточного объема фонда земельного рынка малоземелье крестьян в северных губерниях все более усиливалось. Реализация реформы 1866 г. в отношении северных государственных крестьян привела к относительному сокращению крестьянского землепользования и закреплению неравномерности в земельном обеспечении.

Наличие общинного землевладения тормозило развитие аграрного капитализма, делало его более мучительным и разорительным для крестьянства, но в то же время не могло остановить его развития. Капитализм преобразовывал надельное землевладение, он видоизменял, искажал уравнительный принцип распределения наделов. В. И. Ленин отмечал: «... действительное землепользование крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства»[17]. В результате реформы 1866 г. положение государственных крестьян сблизилось в экономическом отношении с другими категориями крестьян, что способствовало сплочению класса в дальнейшей борьбе за решение аграрного вопроса.

* * *

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 82.
2. Нефедова Г. А. Сельская община Карелии в пореформенный период // Уч. зап. Карельск. пед. ин-та.— Петрозаводск, 1960.— Т. 10.— С.
3. Колесников П. А. Основные этапы развития северной общины Ежегодник по аграрной истории.— Вологда, 1976.— Вып. VI.— С. 31.
4. Там же.
5. ГАВО, ф. 743, оп. 1, д. 75, л. 115.
6. Цивунина В. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве ми края во второй половине XIX века // Уч. зап. Коми пед. ин-та.— С тывкар, 1951.— Вып. 3.— С. 9.
7. Сурина Л. И. Некоторые черты эволюции крестьянского над ного землепользования в Коми деревне в начале XX в. // Тез. докл. и сооб XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Вост ной Европы. (г. Вологда).— М., 1974.— С. 233.
8. Цой Ун-Ен. Землепользование крестьян Печорского края в по форменный период (60-е гг. XIX—начало XX вв.) // Аграрные отношен и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.)— С тывкар, 1981.— С. 131.
9. Материалы для оценки земель Вологодской губернии.— Волог 1909.— Т. 3.— Вып. 2.— Ч. 2.— С. 146.
10. Коренной П. Общинное и подворное землепользование в З пежье // Вестник Олонецкого губернского земства.— 1907.— № 7.— С. 4-
11. Сурина Л. И. Некоторые черты эволюции.— С. 235.
12. Балуева Д. Д. Землепользование Коми крестьян в пореформ ные годы // Вопросы аграрной истории.— Вологда, 1968.— С. 315.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 92.
14. Материалы для оценки земель Вологодской губернии.— Вол да, 1908.— Т. 3.— Вып. 2.— С. 320, 335.
15. ГАВО, ф. 366, оп. 1. д. 417, л. 61.
16. Просвирина Г. И. Крестьянское хозяйство Европейского Сев в конце XIX — начале XX века. (По материалам Вологодской губерни Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1982.— С. 10.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 94.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ПОКУПКА ЗЕМЛИ В ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНАМИ ПОРЕФОРМЕННОГО КОМИ КРАЯ (60—90-е годы XIX в.)

В. В. Шаньгина

Основой крестьянского хозяйства в Коми крае в 60—90-е гг. XIX в. оставались общинные наделы. Из-за их мизерности крестьяне старались расширять земельные угодья разными способами, в том числе путем покупки земель в частную собственность. Появлению крестьян, покупавших землю на правах частной собственности, способствовало усиливавшееся в пореформенные годы расслоение деревни, в результате которого ее немногочисленные представители, наживаясь на торговых и ростовщических операциях, стали располагать определенными денежными средствами. Зажиточные крестьяне покупали землю у казны и у представителей других сословий. В Коми крае казна была главным владельцем земли. По поземельной переписи 1877—1878 гг. в Усть-Сысольском и Яренском уездах казне принадлежало 19 281 439 дес. (или 97,65% земли этих уездов). Согласно этой же переписи, в обоих уездах числилось 216 частных землевладельцев, у которых имелось 132 810 дес. земельных угодий (их удельный вес в общем количестве земли равнялся 0,67%)[1]. В шести волостях будущего Печорского уезда, относившихся к территории края, частновладельческих земель не было.

Распределение частной земельной собственности между разными категориями владельцев в Усть-Сысольском и Яренском уездах показано в табл. 1. Как видно, крестьяне составляли 68,52% частных землевладельцев, но их доля в землевладении равнялась всего 5,35%. Пашня занимала только 0,49% частновладельческих земель, половина ее находилась в руках крестьян.

В табл. 2. даются сведения из переписи 1877—1878 гг. о размерах крестьянских купленных земель, отдельно по двум уездам, с выделением пашни. Судя по ним, 98,65% крестьян —

частных землевладельцев проживали в Яренском уезде. О
ко у них сосредоточивалось лишь 29,65% земли, купле
крестьянами обоих уездов. Крестьяне Яренского уезда б
очень мелкими землевладельцами. Но здесь концентри
лась почти вся купленная крестьянами пашня. В Усть-Сыс
ском уезде в 1877—1878 гг. купленную землю имели только
домохозяина, но их владения были весьма значительными.

Таблиц

Частное землевладение в Усть-Сысольском и Яренском уездах (вместе взятых) в 1877—1878 гг.*

Категория частных землевладельцев	Частные землевладельцы		У них земли				
			Вся земля		В том числе пашня		
	количество	в % к итогу	дес.	в % к итогу	дес.	в % к итогу	в % всей земли данной категории
Крестьяне	148	68,52	7 103	5,35	325	50,31	4,58
Дворяне	8	3,70	124 114	93,45	157	24,30	0,13
Купцы	7	3,24	123	0,09	2	0,31	1,63
Мещане	44	20,37	1 365	1,03	145	22,45	10,62
Прочие	9	4,17	105	0,08	17	2,63	16,19
Итого	216	100,00	132 810	100,00	646	100,00	0,49

Представители состоятельной крестьянской буржуа
приобретали в частную собственность: довольно крупные
ные участки с целью заготовок древесины, предназначавше
для вывоза за границу через Архангельский порт. Крестья
А. К. Кузьбожев в 1883 г. купил у казны участок леса в 55
В 1888 г. у него в частной собственности находилось
155 дес. земли, а в 1889 г. в Вислянской даче А. К. Кузьбо
купил еще две лесосеки площадью в 7032 дес [2].

Мелкая сельская буржуазия покупала главным обра
пожни, поскольку готовых пахотных угодий было мало и у к
ны, и у частных лиц. Дополнительные сенокосы давали возмо
ность производить на рынок продукты скотоводства. Не и
значительных денежных средств, некоторые домохозяева по
пали земельные участки в совместное владение. Покупка зем
крестьянами в частную собственность широкого распростра
ния в пореформенном Коми крае не получила. По количес
купленных крестьянских земель два его уезда среди прочих у
дов Вологодской губернии занимали последние места. Больше
го купленной земли в губернии имели крестьяне юго-запад
земледельческих уездов (Вологодского, Грязовецкого, Кад
ковского), где наделы удобных угодий были намного меньше,

* Статистика поземельной собственности и населенных мест Евро
ской России.— СПб., 1884.— Вып. 6.— С. 18—19.

в северо-восточных уездах. На 1 января 1892 г. на наличную душу крестьянского населения мужского пола приходилось надельной удобной земли в Вологодском уезде 4,2 дес., в Грязовецком — 5,8, в Кадниковском — 5,2, в Усть-Сысольском — 9,0, в Яренском — 7,1 дес.; купленной земли в Вологодском уезде — 1,5 дес., в Грязовецком — 1,2, в Кадниковском — 1,3, в Усть-Сысольском и Яренском уездах — всего по 0,1 дес.[3]

В 1895 г. в Яренском уезде числилось 1 266 дес. купленной земли, которой владели крестьяне трех волостей (Ленской, Айкинской, Усть-Вымской). 91% этой земли приходился на Ленскую волость. Современники называли ее житницей Яренского уезда. В Усть-Сысольском уезде в 1895 г. было учтено лишь 98 дес. крестьянских частновладельческих земель. Это были сенокосы, расположенные в Корткеросской волости [4]. По сравнению с 1877—1878 гг. количество купленной земли в обоих уездах в 1895 г. уменьшилось. Сокращение можно объяснить, во-первых, переходом более крупных землевладельцев из торгующих крестьян в купеческое сословие; во-вторых, разорением землевладельцев, продажей их земельных угодий.

В целом по Европейской России площади купленных крестьянских земель росли: с 1880 г. по 1900 г. они увеличились в 3 раза. Больше всего землю в частную собственность покупали крестьяне черноземных земледельческих губерний со специализацией хозяйства на торговых отраслях [5].

Таблица 2

Крестьянские купленные земли, 1877—1878 гг.*

Размер владения, дес.	Яренский уезд			Усть-Сысольский уезд		
	кол-во владельцев	вся земля, дес.	в том числе пашня, дес.	кол-во владельцев	вся земля, дес.	в том числе пашня, дес.
до 10	95	426	65	—	—	—
от 11 до 100	49	1 403	244	—	—	—
от 101 до 200	2	277	15	—	—	—
от 1 001 до 2 000	—	—	—	1	1 500	1
от 3 001 до 4 000	—	—	—	1	3 497	—
Итого	146	2 106	324	2	4 997	1

Малые размеры покупного крестьянского землевладения в Коми крае обусловливались совокупностью социально-экономических и природных факторов. Формировавшаяся здесь, в основной массе мелкая, крестьянская буржуазия не имела значительных капиталов и предпочитала заниматься торговлей и ростовщичеством. Попытки организации заготовок древесины в купленных дачах обычно не имели успеха, поскольку лесозаготовки находились в руках крупных архангельских и других

* Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России.— С. 18—19.

российских предпринимателей, с которыми было трудно
курировать. Покупка земли для производства на продажу
на или овощей в малоблагоприятных природных усл
большинства районов края была делом невыгодным, тем б
что землю под пашню надо было разрабатывать. Высокие
дажные цены делали покупку земельных участков дост
для немногих. Стремление к приобретению земли сдержив
и сохранявшейся в пореформенные годы возможно
(несмотря на официальные запреты) незаконного пользов
казенными угодьями в виде тайных расчисток и безбил
подсек в казенных дачах, подальше от селений. Слабо п
кавший процесс формирования буржуазной собственност
землю являлся одним из показателей относительно низкой
пени развития капитализма в крестьянском хозяйстве
края.

* * *

1. Статистика поземельной собственности и населенных мест
пейской России.— СПб., 1884.— Вып. 6.— С. 4—5.
2. ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, д. 2, л. 95, 104; ф. 120, оп. 1,
л. 8 об.
3. Свод статистических материалов, касающихся экономического
ложения сельского населения Европейской России.— СПб., 1894.— С. 9
4. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896—1897 гг.
логда, 1896.— С. 194—197.
5. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской Р
1881—1904.— М., 1980.— С. 55—56.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА СЕВЕРЕ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (1895 — февраль 1917 гг.)

В. И. Чупров

Крестьянское движение на Севере в период империализма являлось составной частью общероссийского и определялось закономерностями, едиными для всей страны. Протекало оно под живительным влиянием борьбы российского пролетариата и крестьянства, а также деятельности революционеров, находившихся в политической ссылке на Севере.

Классовая борьба в северной деревне развивалась, как и в центре страны, по линии двух социальных войн: первая война была главной, имела определяющее значение, по своему характеру являлась антифеодальной, по составу участников — общекрестьянской; вторая война носила антикапиталистическую направленность, участвовали в ней пролетарско-бедняцкие массы, а в борьбе против кулаков, торговцев и ростовщиков и середняки. По классовой сути и направленности в крестьянском движении на Севере, как впрочем и в целом по стране, в рассматриваемый период наблюдаются четыре основных направления борьбы: 1) борьба за землю и лес; 2) против податного и налогового гнета; 3) против административных и полицейских органов власти; 4) против усиливающейся капиталистической эксплуатации и внутри крестьянства. Каждое из этих направлений отмечено разнообразием мотивов и форм крестьянских выступлений. Закономерным являлось преобладание на территории Севера экономических форм борьбы. В. И. Ленин указывал, что «иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу»[1].

Говоря об общем и особенном в экономической борьбе крестьян Севера, необходимо указать, что ее основой являлась борьба за землю, получившая отличительную окраску. Здесь больше преобладали выступления против земельно-лесной монополии казны и удела. Движение за землю и лес протекало

в условиях лесистой местности, что диктовало свои способы в дения борьбы. На Севере широко были распространены лесны порубки, подсеки, сенокошение в казенных лесных дачах.

Борьба против тяжелого податного гнета выражалась в о новном в форме отказа от уплаты и выполнения натуральны повинностей, которые нередко сопровождались столкновени с местным волостным и уездным начальством и полицией. Вы тупления против властей характеризовались также оскорбл ниями различных представителей администрации и царя, сн тием неугодных волостных старшин и сельских старост с з нимаемых должностей и заменой их другими людьми.

В связи с развитием капитализма «вширь», втягиванием на селения в отхожие промыслы ,начинает складываться новая форма протеста— борьба против капиталистов, капиталисти ческой эксплуатации, которая выражалась в отказе работать на лесопромышленников или уходить на работу на заводы, с представителями которых ранее был заключен контракт, уходом с работы и в стачках.

Основные показатели крестьянского движения на Севере в различные годы пролетарского этапа освободительного движения были не одинаковы. Данные подсчетов, произведенных по материалам «Хроники крестьянских выступлений», составленной автором, показывают следующую картину. В 1895–1904 гг. на Севере произошло 36 выступлений, в 1905 г.—май 1907 г.— 249, июнь 1907 г.— 1909 г.— 94, 1910 г.— июнь 1914 г.– 79, июль 1914 г.— февраль 1917 г.— 23. Среднегодичные показатели крестьянских выступлений за указанные периоды составили соответственно: 3,6; 103,7; 36,1; 17,5; 8,5 выступлений.

Эти цифровые показатели свидетельствуют, что до 1905 г. крестьянское движение в регионе протекало, в основном, в законных рамках подачи многочисленных прошений и приговоров. Северное крестьянство не имело ясного политического сознания, находилось под воздействием «царистской» идеологии. Решение многих вопросов связывалось с именем царя и представителями административной власти. Классовая борьба существовала в зачаточных формах. Выступления крестьян были разрозненными, спорадическими, носили пассивный характер и, естественно, не могли принести ощутимых результатов. Но вместе с тем здесь создавалась и крепла основа для будущей революционной борьбы, шел процесс складывания ее основных форм.

Первая российская буржуазно-демократическая революция положила начало открытой революционной борьбе против царского самодержавия за демократические преобразования в стране. Это была «первая народная революция эпохи империализма» и она явилась новым периодом всемирной истории, «периодом политических потрясений и революционных битв».

Крестьянское движение на Севере в годы революции было

частью революционного взрыва народов Российской империи. Основу борьбы составило движение против экономического гнета самодержавия, за улучшение своего материального положения, за ликвидацию крепостнических пережитков. Однако в содержании экономических требований появляются более революционные нотки. В некоторые приговоры включаются требования: передачи всей земли народу, отмены косвенных налогов и введения подоходного налога, бесплатного образования. В годы революции в северной деревне наблюдаются новые активные формы борьбы: решительное снятие неугодных народу волостных старшин и сельских старост с занимаемых должностей; принятие революционно-демократических приговоров; участие в демонстрациях под лозунгами: «Да здравствует революция!», «Долой самодержавие!». Появление политических моментов в борьбе — новое значительное достижение в классовой борьбе передового отряда северного крестьянства.

Дальнейшее развитие получает забастовочная борьба крестьян, выполнявших вспомогательные работы на заводах и работавших в лесу.

Крестьянские выступления на Севере после революции значительно снизились, но реакции и здесь не удалось заставить замолчать народные массы. Наряду с традиционными формами борьбы в годы реакции и нового революционного подъема появляются новые, вызванные столыпинской аграрной реформой. Создание землеустроительных комиссий и работы по землеустройству встретили достаточно сильный отпор со стороны северных крестьян. При сопротивлении землеустройству наблюдалось переплетение двух социальных войн, которое нашло отражение в выступлениях старожилов против переселенцев. Кроме того, часть неплатежей податей, коллективных порубок и самовольных захватов земли также была вызвана недовольством порядками землеустройства, сопротивление которое мы рассматриваем как ключевую форму крестьянского движения в этот период. Столыпинская аграрная реформа привела к усилению классовой борьбы внутри крестьянства и появлению новой формы движения — сопротивлению крестьян выделению из общины и выступлению против выделенцев. Как и в годы революции между беднотой и кулачеством продолжалась острая борьба за землю, выражавшаяся в форме самовольных захватов земли.

Важной особенностью развития борьбы в северной деревне в годы нового революционного подъема явилось усиление противоречий между северным крестьянством и многочисленными лесопромышленными компаниями. Основной формой борьбы становится стачка. Крестьяне выступают за улучшение своего материального положения и условий работы в лесу. Выступления крестьян-сезонников носят упорный целенаправленный и

более организованный характер, что позволяет одержать ряд побед.

Таким образом, удельный вес второй социальной войны на Севере с учетом смешанных форм, по нашим подсчетам, составил не менее 15%. Сравнивать эту величину с европейской частью России несколько затруднительно из-за противоречивости сведений, которыми мы располагаем. С. М. Дубровский оценивал ее в 10,2%, Н. А. Мальцева — в 26%. По другим регионам страны этот процент различен: по Белоруссии — он определен от 7 до 10%[3], в Сибири — не менее 11%[4], по Литве — 53,5%[5]. Исходя из этих данных, можно говорить, что уровень второй социальной войны на Севере был примерно одинаков с европейской частью России и с Сибирью, но уступал Литве, отличающейся довольно высокой степенью развития капитализма.

В годы первой мировой войны военные поражения царизма и прогрессирующий развал народного хозяйства, усиление нужды и бедствий трудящихся масс ускорили назревание революционного кризиса в стране. На Севере зреет недовольство политикой царского правительства, ростом цен на товары первой необходимости и спекулянтами, появляются выступления против реквизиций скота, военных займов. Вместо ушедших в армию, в борьбу вовлекаются новые слои населения. В 1917 г. обстановка складывается так, что трудящиеся Севера готовы были поддержать революционные выступления рабочего класса и крестьянства в центре России.

Изучение крестьянского движения на Севере на большом отрезке времени позволяет сделать некоторые выводы об изменении в умонастроении северного крестьянства, говорить о соотношении стихийного и сознательного в этом движении. Крестьяне постепенно просыпаются «от векового сна», теряют веру в верховные органы власти, в Государственную думу, в царя. Огромное воздействие на развитие политического сознания северного крестьянства оказала первая российская революция. Наибольшим достижением крестьянского движения на Севере, на наш взгляд, является принятие революционно-демократических приговоров, содержащих требования политического характера: национализации земли, созыва учредительного собрания на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов, выборности всех должностных лиц, уничтожения сословий, упразднения полиции и земских начальников. Вопрос о содержании требований крестьянства является одним из кардинальных вопросов крестьянского движения в годы первой российской революции. И не случайно, буржуазные историки уделяют ему большое внимание. Д. Кип, Р. Пайпс, Кочен, М. Герри и другие не признают наличия политических требований в крестьянском движении в России. Они искусственно ограничивают требования крестьянства рамками местных хозяйственных нужд, стремятся изолировать крестьянское движение от пролетарского, доказать «беспочвенность» большевистской аграрной программы, отсутствие субъективной основы для союза рабочего класса и крестьянства. Анализ требований, выдвинутых северным крестьянством в годы революции, опровергает выводы буржуазных ученых.

Показателем роста политического сознания передовой группы северного крестьянства является создание в Шенкурском уезде отделения Всероссийского крестьянского союза и его деятельность. В. И. Ленин неоднократно оценивал Всероссийский крестьянский союз как революционно-демократическую организацию, хотя и допускавшую в своей деятельности определенную непоследовательность. «Это была действительно народная,— писал В. И. Ленин,— массовая организация..., способная применять действительно революционные методы борьбы, не сужившая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам[7].

Ленинская концепция трех лагерей, трех политических сил в революции: черносотенного, либерально-буржуазного и революционно-демократического во главе с пролетариатом позволяет определить место крестьянского движения на Севере, которое по своему содержанию, несомненно, составляло часть революционно-демократического движения[8].

Таким образом, классовая борьба в северной деревне, являясь составной частью общей борьбы крестьян всей Российской империи, помогала расшатывать ее основы. Но вместе с тем мы должны отметить и ее слабые стороны. Размах крестьянского движения был неодинаковым в различных губерниях. Наибольшим количеством выступлений отмечено крестьянское движение в Вологодской губернии (271 выступление), наименьшим — в Олонецкой (60). В Архангельской губернии произошло 146 выступлений. Имеющиеся источники содержат отрывочные сведения о количестве участников, что не дает исчерпывающего представления о массовости крестьянского движения. Но тем не менее самые приблизительные подсчеты показывают, что в движении участвовал небольшой отряд взрослого крестьянского населения. На рубеже двух веков в борьбе участвовало около 0,3% населения, в годы первой российской революции массовость крестьянских выступлений возросла до 3%, между двумя буржуазно-демократическими революциями участники выступлений составили от 1 до 1,5% взрослого мужского населения. В числе выступлений преобладали одноформные. Хотя количество сложных форм увеличивалось, что свидетельствовало об углублении крестьянского движения, но оно было незначительным.

Одним из важных показателей классовой борьбы является ее результативность. Отдельные выступления северных кре-

стьян достигали успехов. Например, бывшие удельные крестьяне Шенкурского уезда получили ряд уступок от удела. Однако многие выступления заканчивались безрезультатно, что отрицательно сказывалось на дальнейшем ходе классовой борьбы. Повторных выступлений, длительных по сроку крестьянских волнений наблюдалось совсем немного, что говорило об отсутствии должного упорства, уверенности, организованности, стойкости и сплоченности среди выступавших. Локальность, стихийность, распыленность, неорганизованность, отсутствие четких политических лозунгов со всей очевидностью свидетельствовали о настоятельной необходимости руководства крестьянством со стороны пролетариата и его авангарда — партии большевиков. «Крестьяне,— указывал В. И. Ленин,— могут добиться земли и свободы, только идя рука об руку с сознательными рабочими»[9]. И без помощи рабочего класса России и большевиков население региона еще долго находилось бы в тисках экономического, политического и национального угнетения.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция разрешила коренные социальные проблемы. Была свергнута власть эксплуататоров и установлена диктатура пролетариата, ликвидирована частная буржуазно-помещичья собственность, разрешен вопрос в пользу крестьян.

* * *

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 19.— С. 401.

2. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа.— М., 1963.— С. 536; Мальцева Н. А. О количестве крестьянских выступлений в период столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г.— 1 августа 1914 г. // История СССР.— 1956.— № 1.— С. 126—132.

3. Солодков Т. Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907—1917 гг).— Минск, 1967.— С. 145; Василевский А. А. Рабочее и крестьянское движение в Белоруссии в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук.— Минск, 1973.

4. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907—1914 гг. Хроника и историография.— Новосибирск, 1986.— С. 68.

5. Тила А. А. Крестьянское движение в Литве в 1907—1914 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968.— Л., 1972.— С. 309.

6. Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций.— М., 1983.— С. 49—52.

7. Ленин В. И. Полн. собр .соч.— Т. 12.— С. 333—334.

8. Ленин В. И. Пол. собр. соч.— Т. 11.— С. 87; Т. 12.— С. 9; Т. 21.— С. 38.

9. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 14.— С. 213.

ПРАВОСОЗНАНИЕ КРЕСТЬЯН КОМИ КРАЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

О. Е. Бондаренко

Одной из наименее исследованных проблем советской исторической науки является правосознание и правотворчество крестьянства. На необходимость ее изучения обращалось внимание на научной конференции в г. Вологде[1], на XVIII и XIX сессиях Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории[2]. Правосознание и правотворчество коми крестьянства в решении земельного вопроса достаточно подробно рассмотрены в статье В. И. Чупрова[3], что позволяет нам не останавливаться на этом сюжете. В данной статье мы остановимся на таких проблемах, как знание крестьянами Коми края правительственного законодательства, формы знакомства крестьян с существовавшими законами.

Основными источниками по данной теме явились документы, вышедшие из крестьянской среды. Это жалобы, прошения крестьян в различные инстанции, наказы в Государственную Думу. Особый интерес, на наш взгляд, представляют приговоры сельских и волостных сходов, которые и положены в основу исследования. Они сохранились в достаточном количестве в Центральном государственном архиве Коми АССР.

Процесс развития капиталистических отношений влиял на психологию крестьянства, на его общественно-политическую активность, отношение к существующим порядкам, законам, правовым нормам. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крестьянину вырастало новое поколение, представители которого бывали в отхожих промыслах, в городах, обращались с рабочими. В. И. Ленин писал, что внеземледельческий отход крестьян, особенно в промышленные губернии, имел прогрессивное значение, так как «он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает гра-

мотность населения и сознательность его, прививает ему куль-
турные привычки и потребности»[4].

Огромное воздействие на крестьян Коми края оказала пер-
вая русская революция 1905—1907 гг., она помогла им понять
свои права, почувствовать силу, пробудила их активность в бор-
бе за свои интересы, воздействовала на их правосознание. (
росте классового самосознания коми крестьянства в годы пер-
вой русской революции, расширении их кругозора свидетельст-
вовало составление и принятие крестьянскими сходами рево-
люционно-демократических приговоров, в которых они поднима-
ли вопросы демократизации органов управления, передачи всей
земли крестьянам, создания крестьянских комитетов[5].

В рассматриваемый период меняется отношение коми кре-
стьянства к уплате налогов и выполнению повинностей. Они не
только выступают за уменьшение размеров, но в ряде случаев
в годы первой русской революции требуют их отмены, мотиви-
руя это тем, «что подати идут не на пользу народу, а лишь на
содержание своры царских чиновников»[6]. В годы первой миро-
вой войны среди населения происходил рост протеста против
мобилизации в армию, хотя до этого оно относилось к воинской
повинности довольно спокойно «вследствие ее общеобязатель-
ности и кратковременности срока военной службы»[7]. Изменение
этого отношения было связано с боязнью для крестьянской
семьи лишиться навсегда кормильца или работника.

Крестьяне Коми края в конце XIX— начале XX в. достаточ-
но хорошо были знакомы с правительственным законодательст-
вом по крестьянскому вопросу. В приговорах сельских и волост-
ных сходов, принимавшихся по самым различным вопросам
крестьянской жизни, часто встречаются ссылки крестьян на
«Положение 19 февраля 1861 г.», «Положение о земских учреж-
дениях», «Устав о воинской повинности» и т. д.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что крестьяне
Коми края в определенной степени были знакомы с законода-
тельством, касавшимся крестьян других регионов, и стремились
использовать знание этих законов в своих интересах для аргу-
ментации своих ходатайств, просьб, адресованных различным
представителям власти. Так, крестьяне Подъельской волости,
отказываясь покупать порох у купцов г. Усть-Сысольска, так как
«таковой ими продается весьма дорогою ценою против казен-
ного и добротою гораздо хуже», обратились к правительству с
ходатайством о продаже им казенного пороха. При этом они
отмечали, что «жителям губерний и областей Восточной Сиби-
ри порох от казны продается на основании Высочайшего пове-
ления, утвержденного Государем императором 31 декабря
1877 г.»[8]. Поднимая вопрос о бесплатном отпуске лесных мате-
риалов, крестьяне Важгортской волости Яренского уезда ссыла-
лись на то, что в Мезенском и Пинежском уездах население
пользуется бесплатным отпуском лесных материалов[9]. В ка-

честве основных причин, вынуждавших их обращаться с просьбами, ходатайствами, крестьяне называли: малоземелье, незначительность заработков, а также необходимость уплаты многочисленных платежей.

Формы знакомства крестьян края с правительственным законодательством в конце XIX — начале XX в. были разнообразными. Законодательные документы публиковались в правительственных изданиях, на страницах газет «Архангельские губернские ведомости» и «Вологодские губернские ведомости», в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». В частности, в этом журнале публиковались почти все правительственные распоряжения и законы, касавшиеся крестьян Европейского Севера России. Распространению правовых знаний среди крестьянства способствовало вывешивание на «видном месте» законоположений, отпечатанных специально для этой цели на отдельных листах[10]. Но в рассматриваемый период основная масса крестьянства была неграмотной.

На наш взгляд, более значительную роль играло оглашение правительственных узаконений и распоряжений на сельских и волостных сходах.

Причем все постановления подобного рода не только «объявлялись», т. е. зачитывались, но и разъяснялись на «зырянском диалекте», что делало доступным содержание законов для каждого сельского жителя[11].

В обоих случаях функцию доведения до крестьянства правовой информации осуществляло государство: через печать или через органы крестьянского управления.

Знакомство крестьян края с правительственным законодательством обусловливалось потребностями крестьянской деятельности, в рамках действующих законов они обращались в соответствующие учреждения за получением свидетельств на право заниматься торговлей и промыслами, за получением паспортов и билетов для ухода на заработки и т. п.

Таким образом, формирование правосознания крестьян Коми края в конце XIX — начале XX в. происходило в условиях развивающегося капитализма, особое влияние оказали революция 1905—1907 гг. и первая мировая война. Практические потребности крестьянской деятельности обусловливали необходимость знания законов по крестьянскому вопросу, правительство в свою очередь предпринимало определенные усилия по ознакомлению крестьян с законодательством по этому вопросу через публикацию законов в газетах и журналах, оглашению их на сельских и волостных сходах.

* * *

1. Индова Е. И., Колесников П. А. Историографические и источниковедческие проблемы истории крестьянства Европейского Севера СССР // Археография и источниковедение.— Сыктывкар, 1977.— С. 59.

2. Социально-политический и культурный облик деревни в ее историческом развитии / XVIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории.— М., 1980.— Вып. 2; XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни) XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории.— М., 1982.

3. Чупров В. И. Правосознание и правотворчество коми крестьян в решении земельного вопроса в пореформенные годы // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры.— Вологда, 1980.— С. 47.

4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 3.— С. 576—577.

5. Чупров В. И. Коми край в трех русских революциях.— Сыктывкар, 1985.— С. 42, 47.

6. Подоров В. М. Революция 1905—1907 гг. на Севере // Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России.— М., 1949.— С. 802.

7. Чарушин А. А. Отбывание народом повинностей // Известия Архангельского общества изучения русского Севера.— Архангельск, 1917.— С. 147.

8. ЦГА Коми АССР, ф. 70, оп. 1, д. 50, л. 75.

9. ЦГИА СССР, ф. 1278 оп. 1 (11 созыв), д. 748, л. 53.

10. ЦГА Коми АССР, ф. 64, оп. 1, д. 186, л. 1 об.

11. ЦГА Коми АССР, ф. 279, оп. 1, д. 282, л. 44.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

«МУРМАН» — ПЕРВАЯ РУССКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЗАПОЛЯРЬЯ

А. В. Нурпейсова

С 1902 по 1917 гг. северным путем через Варде и Архангельск в центр России направлялись нелегальные марксистские издания, среди которых была и ленинская «Искра». Функционирование этого пути обеспечивала группа русских социал-демократов, расположенная в Варде и руководимая делегатом III съезда РСДРП, большевиком Н. А. Шевелкиным.

Группа не только организовала транспортировку литературы, но и издавала ее. Для этого в Варде, на базе типографии «Финмаркен» было создано русское издательство «Помор», которое в 1907 г. приступило к изданию социал-демократической газеты «Мурман». Создание издательства, выпуск газеты стали возможными благодаря помощи норвежских социалистов: Ниссена, Гордена, Нюгорда. Редактировал «Мурман» и писал большую часть статей Н. А. Шевелкин. Среди его активных помощников в деле транспортировки и издания был А. С. Кучин. Революционная деятельность его мало изучена, но последние публикации Д. А. Шпаро, А. В. Шумилова позволяют судить о его участии в издании и транспортировке социал-демократической литературы. Первые упоминания о газете «Мурман» у советских историков относятся к 1970-м годам (работы А. Г. Веселова, И. Ф. Ушакова). В настоящее время значительно оживился интерес к этой теме со стороны норвежских ученых (М. Наг, П. Сааринеми).

«Мурман»— политическая промысловая газета Мурманского берега и Поморья издавалась в Варде (Норвегия) с 1907 по 1909 гг. В данном исследовании применен метод количественного анализа материалов газеты (см. таблицу). За единицу счета взято процентное соотношение публикаций по той или иной теме к общему объему одного номера газеты, принимаемого за 100%. Все материалы классифицированы по тематике

Газета «Мурман» (Опыт количественного анализа материалов)

Тема публикаций	1907 г.							
	июнь	июль	июль	август	август	в среднем за год	июнь	июль
О России, кроме Мурмана	44,5	75,2	84,7	30,6	34,1	53,7	90,3	83,1
О Мурмане (Россия)	11,6	1,8		8,3		4,3		9,7
О русско-норвежских отношениях	3,1	2,7	11,5	36,1	19,4	14,5	2,7	0,3
О Финмаркене (Норвегия)		7,3		4,1	25,0	7,2		15,2
Об остальных странах, кроме Норвегии и России	22,1	8,3		6,9	7,4			

1908 г.				1909 г.						В среднем за годы издания
август	август	август	с среднем за год	апрель	май	июнь	август	октябрь	в среднем за год	
36,1	6,4	9,5	45,1	58,8	60,0	18,0	19,0	8,3	31,6	46,7
9,7	26,4	4,9	10,1	20,8			18,5	8,3	9,5	9,3
2,8	10,2	5,6	4,4	16,7	19,5	51,4	19,3	46,3	30,7	18,0
36,1	14,8	44,2	22,06			9,7	1,8	24,0	7,2	13,6
	16,7	30,7	9,4	27,8		11,1	20,2	9,2	13,6	11,6

ческому и географическому принципам, что позволяет выдели
не только типические черты, свойственные «Мурману», как со
циал-демократической газете, но и ее особенности, вытекающ
из специфики круга читателей, к которым она адресовалась,
также условий ее издания.

Данные таблицы позволяют заключить ,что главное внима
ние газета уделяла ознакомлению поморов с событиями
своей стране. Будучи газетой сезонной, «Мурман» выходи
только в месяцы навигации и не мог систематически разъясня
своим читателям смысл происходящих в стране событий. По
тому газета давала в первых номерах года подробное полит
ческое обозрение и отдельные большие статьи о события
межнавигационного периода. Вследствие спада революционно
го движения в России, разгула реакции, а также с укреплени
связей редакции с читателями, постепенно уменьшался объе
общероссийских материалов и ежегодно возрастало количест
статей, посвященных жизни и промыслу жителей Финмаркена
их взаимодействию с русскими поморами. Этот факт говорит
растущей потребности в информации о Норвегии и норвежца
со стороны поморов. Уделяя много внимания жизни соседне
Финмаркена, «Мурман» не идеализировал общественный стро
Норвегии. Газета постоянно освещала события в мире, дос
тупно раскрывая их исторические причины. Количество публи
каций о рабочем движении за рубежом увеличивалось с каж
дым годом, что отражало спад революционного движения
России.

К таким выводам приводит количественный анализ матери
лов «Мурмана». В перспективе значительный интерес представ
ляет установление имен тех людей, кто непосредственно участ
вовал в издании и транспортировке «Мурмана», кто присыла
свои письма, корреспонденции ,предстоит выяснить как распрост
ранялась газета среди поморов и каким образом влияла на и
жизнь.

№ 112 1989

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНЦЕ XIX— НАЧАЛЕ XX в.

М. Н. Супрун

Архангельская губерния издавна являлась местом ссылки неугодных правительству лиц. С конца XIX в., т. е. с началом пролетарского этапа освободительного движения, ссылка на Север приобрела массовый характер, отразив как масштабы классовой борьбы, так и социальный состав одного из противоборствующих лагерей. Количество ссыльных в губернии в 1895—1917 гг. резко возросло, превысив 10 тыс. чел. Причем около 20% среди них составляли лица привилегированных сословий, главным образом представители передовой российской интеллигенции: врачи, юристы, экономисты, учителя, инженеры.

Законодательство запрещало ссыльным заниматься какой-либо деятельностью. Однако из-за недостатка квалифицированных специалистов, с одной стороны, и активной позиции поднадзорных — с другой, губернская администрация была вынуждена разрешать части ссыльных работать по специальности, в том числе вести научные изыскания. Данные обстоятельства во многом определили как участие политссыльных в организации и деятельности научных учреждений, так и ведение ссыльными научных разработок в различных областях развития Севера.

Ни одно из учреждений губернии, имевших отношение к научным изысканиям, прямо или косвенно не обходилось без услуг политссыльных. В создании и работе крупнейшего из них — городского публичного музея — ссыльные приняли самое непосредственное участие. Благодаря ссыльным А. П. Черному, С. В. Мартынову, А. Л. Пивовару, А. С. Воробьеву архангельский музей был фактически реорганизован в публичный.

Они описали и систематизировали его коллекции, составили каталог. Ссыльным профессором М. Ю. Гольдштейном при музее была организована химическая лаборатория [2]. Важную роль сыграли политссыльные и в работе других учреждений и организаций, занимавшихся научными разработками: органов губернского правления (казенной палаты, статкомитета, управлений, комиссий, присутствий), Архангельского общества изучения Русского Севера, Комитета для помощи поморам. Часть ссыльных работала непосредственно в органах и организациях, другие периодически выезжали в экспедиции, организуемые в губернии. Большую ценность имели результаты экспедиций по изучению судоходства и судостроения в уездах Архангельской губернии с участием А. Р. Бриллинга, И. К. Гудзя, Б. Н. Смирнова, Н. И. Ильинского, В. Н. Фофанова, С. В. Мартынова[3], комплексных экспедиций на Новую Землю (М. Ю. Гольдштейн, С. С. Иванов, А. Л. Пивовар, Г. И. Ломов)[4], экономико-статистических (А. С. Воробьев, Н. Н. Мамадышский)[5], санитарных (В. А. Радус-Зенькович)[6]. Примечательно, что большинство экспедиций использовалось для налаживания связей центральной колонии с уездными, на что, в частности, указывает состав участников — большая часть из них входила в руководящие органы колониального центра и Архангельского комитета РСДРП.

Наряду с участием в организации и деятельности научных учреждений губернии, многие ссыльные на местном материале вели самостоятельные изыскания в самых различных областях знаний: экономике и социологии (Ю. Г. Кок, Н. В. Романов, Н. Н. Гиммер)[7], химии, биологии и медицине (А. Н. Воронцын, А. П. Черный, А. К. Гвоздецкий) [8], геологии и метеорологии (М. Ю. Гольдштейн, А. Н. Алешковский)[9], археологии, истории, этнографии (А. А. Дивильковский, В. Н. Трапезников, А. А. Экк)[10]. Часть изысканий ссыльных вылилась в серьезные научные работы, представляющие немалый интерес и поныне. К ним, несомненно, следует отнести книги С. В. Мартынова «Печорский край», Н. Н. Мамадышского «Усинский край...», М. В. Ильинского «Политическая ссылка...»; серии публикаций А. А. Дивильковского по этнографии, В. Н. Трапезникова по истории, Н. Н. Гиммера-Суханова по экономике Севера. Вместе с тем результаты отдельных научных исследований ссыльных были напечатаны либо под псевдонимами, либо анонимно. Иные же вследствие их чисто прикладного назначения (как, например, проект освещения Архангельска Х. Ф. Шапиро) или по другим причинам так и не были опубликованы. Но само наличие таких работ, вышедших из-под пера ссыльных, позволяет говорить о существенном вкладе, который внесли революционеры в изучение Севера, о позиции ссыльных, отражающей их стремление даже в экстремальных условиях быть максимально полезными своему народу.

* * *

1. Былое.— 1907.— № 4/16.— С. 226, 275; Архангельские губернские ведомости, 1904, № 95; 1905, № 229; ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 418, л. 26; д. 736, л. 19, 26; д. 478; 1060; ф. 1323, оп. 1, д. 1025, л. 25, 28; оп. 2, д. 35, л. 281, 347.

2. ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 499, л. 56; ф. 1323, оп. 2, д. 35, л. 259, 280.

3. Правда Севера, 1973, 29 июля; ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 984, л. 22, 51; д. 987, л. 26; д. 1041, л. 29, 35; ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 769, л. 32; д. 776, л. 6.

4. ГААО, ф. 1323, оп. 2, д. 35, л. 279—281; Нарьяна вындер, 1980, 22 августа.

5. ИАОИРС.— 1910.— № 24.— С. 5; 1913.— № 18; ГААО, ф. 39, оп. 2, д. 138, л. 21.

6. ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 402, л. 19.

7. Каторга и ссылка, 1929.— № 2.— С. 116; ИАОИРС.— 1916.— № 7—8, ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 402, л. 9, 14; ф. 1323, оп. 2, д. 7, л. 45—47.

8. ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 490, л. 30; д. 736, л. 13, 19, 26; д. 494 «а», л. 18; ф. 1323, оп. 1, д. 1025, л. 25, 28.

9. Северный комсомолец, 1973, 17 июня; Ильинский М. В. Архангельская ссылка.— СПб, 1906.— С. 124; ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 1235; оп. 2, д. 7, л. 192.

10. ИАОИРС.— 1911.— № 13, 15, 17, 20—24; Известия Вологодского общества изучения Северного края.— Вологда, 1913; Северный край.— Вологда, 1922.— Кн. 2; Правда Севера, 1965, 29 мая; ГААО, ф. 1323, оп. 1, д. 967, л. 14.

11. ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1177, л. 30.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ УСТЬ-СЫСОЛЬСКА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Л. П. Рощевская

Составной частью культурно-просветительной работы является библиотечное дело. Какие знания, ценности, моральные нормы заложены в информировании населения — проблема прежде всего политическая, отмечалось на XXVII съезде КПСС.

Все внимание специалистов уделялось истории первой усть-сысольской общественной библиотеки. Современное состояние источников (архивные материалы, свидетельства современников, списки книг, штампы и читательские пометы на книгах, печатные каталоги) позволяют восстановить, хотя и не в полной мере, динамику развития книжного фонда города в XIX—начале XX в. Подобный анализ обогащает знание об уровне духовной культуры населения.

Открытие в 1837 г. в Усть-Сысольске первой публичной библиотеки было крупным событием культурной и общественной жизни. В общесоюзной литературе утвердилось мнение, что это была первая уездная библиотека империи и она положила начало библиотечному делу и библиотечным традициям в Коми крае.

Немаловажное значение для создания библиотеки имела достаточно высокая библиофильская культура горожан в конце XVIII — начале XIX в.

В первой половине XIX в. в истории библиотеки было несколько этапов: хлопоты по созданию ее в 1831—1837 гг., становление (1837 — конец 1840-х гг.), ухудшение положения (конец 1840 — конец 1850-х гг.).

В библиотеке была представлена продукция почти всех столичных типографских компаний первой половины XIX в., прежде всего крупнейшего издателя А. Ф. Смирдина. Из московских изданий сохранилось больше всего книг частного книгопроизводства. Наиболее широкие и прочные связи с вологодским северо-

ром были у московского книгоиздателя С. И. Селивановского. Явно чувствуется посредничество Н. И. Надеждина, так как в Усть-Сысольск поступали книги из типографии Московского университета и от издателей, лично знакомых с Надеждиным.

Обнаруженные в Сыктывкаре книги со штампами, надписями, наклейками и инвентарными номерами библиотек (от 10 до 5170) позволяют определить наличие нескольких разделов в библиотеке: художественная литература, учебники, справочники, исторические произведения, краеведческие работы. Интересная публицистика и историческая художественная литература свидетельствуют, что создатели библиотеки участвовали в литературной полемике 1830—1840-х гг. Наличие этих отделов в библиотеке было редкостью по тем временам. Анализ книжного фонда позволяет утверждать, что состав библиотеки был достаточно хорошо продуман и определялся художественными вкусами и эстетической программой Надеждина.

На наш взгляд, совершенно не случайно в книгохранилищах Сыктывкара сохранилось большое количество справочников и литературы по географии, изданных в конце XVIII — начале XX в. Н. И. Надеждин одним из первых в России стал заниматься исторической географией, разработал методологические принципы этой науки. Он нуждался в специальной литературе и, вполне возможно, справочники привез с собой.

В разделе исторических произведений наибольший интерес представляли книги о военных подвигах А. В. Суворова и посвященные войне 1812 г.

Покнижный просмотр изданий XVIII — первой половины XIX в., сохранившихся в фондах республиканского краеведческого музея, позволил выявить некоторые фамилии владельцев книг: это купцы, мелкие чиновники, крестьяне, несколько женщин.

Запустение библиотеки в конце 1840-х гг. объясняется общим наступлением реакции в стране: сократился приток новых книг, в основном это была посредственная литература.

В период капитализма в истории библиотеки по тем же критериям выделяется три этапа: 1860-е гг., конец 1860-х — 1870-е гг. и 1880—1890-е гг.

1860-е годы характеризуются наличием журналов передового направления («Современник», «Отечественные записки», «Русское слово»). Здесь были полные собрания сочинений Н. А. Добролюбова (подготовлено Н. Г. Чернышевским), Н. В. Гоголя и других писателей. В 1865 г. в библиотеку поступило всего 30 новых книг, но среди них лучшие русские и зарубежные произведения. В годы первой революционной ситуации в России возникали книжные магазины и издательства, владельцы которых были активными революционерами-демократами и использовали книжную торговлю для пропаганды освободитель-

ных идей. Книги этих издателей имелись в усть-сысольской библиотеке.

В работе библиотеки в середине 1860-х гг. участвовало несколько наиболее интеллигентных горожан. По сведениям, собранным П. Г. Дорониным, среди членов-учредителей библиотеки были исследователи, опубликовавшие статьи по истории края. Эта группа интеллигентов создавала в городе своеобразный культурный климат, который поддерживался политическими ссыльными, в том числе участниками восстания в Польше, Литве и Белоруссии 1863 г.

К концу 1860-х гг. ситуация в городке изменилась: политические ссыльные покинули город, распался кружок интеллигенции, меньше уделялось внимания библиотеке, книжный фонд пополнялся случайными или устаревшими книгами второстепенных авторов. Идейные позиции изданий, поступавших в библиотеку, стали иными. Преобладали книги либерального направления, появились описания церквей, в том числе Вологодской епархии. Состав периодики складывался довольно пестрым. Прогрессивные журналы, скорее всего, были подарены отъезжающими из города. Увеличивалась группа реакционной периодики.

Но появились и новые интересы читателей. Об этом говорят издания Вольного Экономического и Всероссийского Географического обществ, сборники этнографических статей из разных журналов, составленные самими читателями.

С середины 1880-х гг. в истории библиотеки наступил новый этап. Фактически прекратилось ее пополнение или поступала только религиозная литература (описания монастырей, жития святых) и официозная периодика; сократилось число читателей. Причины упадка заключались в резком усилении реакционного курса правительства и церкви. Среди местного населения не выделяется крупных деятелей культуры, так как они выезжали в другие города и столицы. Политические ссыльные из-за жесткого надзора не могли оказать влияние на развитие библиотеки. Первая общественная библиотека города перестала выполнять роль передового культурного центра.

Во второй половине XIX в. появились библиотеки общественного собрания (затем она слилась с публичной), уездного училища, при духовном правлении. Подбор книг там был односторонним, а круг читателей — ограниченным.

Развитию библиотечного дела в начале XX в. способствовали капиталистические отношения и рост капиталистической миграции населения, отходничество в столичные губернии, служба в армии и участие в русско-японской войне, обучение в школах и учебных заведениях крупных культурных центров, политические ссыльные, прежде всего, большевики. На рубеже столетий, помимо названных выше, в городе действовала библиотека-читальня мещанского общест[illegible] бес-

платная народная библиотека-читальня уездного попечительства о народной трезвости (с сентября 1901 г.) уездной земской управы (с июля 1899 г.), библиотека-читальня (1901 г.), публичная земская (с августа 1901 г.).

Основным типом библиотек в начале XX в. в крае стали народные. Была такая и в Усть-Сысольске. Местные власти, чтобы отвлечь читателей из народа от чтения общественно-политической литературы и лучших художественных произведений, прививавших свободолюбивые идеи, при поддержке правительства всячески старались воспитывать религиозность верноподданных. Проводниками этой политики и были народные библиотеки. По подсчетам вологодского земства, для народных библиотек было доступно только 3—3,5% всех издаваемых книг, да и то они комплектовались главным образом из стилизованных для народа пересказов классической литературы.

Но книгами усть-сысольской народной библиотеки-читальни могли пользоваться «все жители Усть-Сысольска, пригородных деревень и слободок на расстоянии 5 верст от города». В 1905 г. в библиотеке было 325, в 1906 г. — 157 читателей. До конца 1915 г. заведовал библиотекой А. А. Цембер.

Наиболее крупной и посещаемой стала в городе земская публичная библиотека. Уже первая партия книг для нее насчитывала 420 экз. Как и в начале XIX в., во вновь созданную библиотеку были пожертвованы книги из личных библиотек, иногда довольно большими партиями.

В изданном в 1904 г. в Устюге каталоге библиотеки отдел изящной словесности был самым большим (407 авторов). В большинстве это многотомные собрания сочинений, а также «Макар Чудра», «Песня о буревестнике», «Фома Гордеев», «Мещане», «На дне» М. Горького. В отделе научной литературы указана работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Обширным был отдел земской статистики.

Выпуск первого печатного каталога был существенным фактором привлечения читателей и развития культурно-просветительной жизни отдаленного города.

В 1906 г. опубликовано «Первое дополнительное прибавление к каталогу Усть-Сысольской земской публичной библиотеки». Из него видно, что преимущественно пополнялся отдел общественно-политической литературы.

В 1909 г. каталог переиздается уже в Усть-Сысольске. В нем учтено более 4 200 книг. Разделы сохранились прежние. Насчитывалось почти тысяча произведений русских писателей классиков. Внушительным был отдел истории и биографии выдающихся людей. Читатели могли получить сочинения В. О. Ключевского, С. М. Соловьева и других известных историков, книги по истории Великой французской революции, декабристов, биографии Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, К. И. Ушинско-

КРЕСТЬЯНСТВО В ПОЛИТИКЕ СЕВЕРНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

(Крах земельного курса архангельской белогвардейщины. 1918—1920 гг.)

В. А. Саблин

Последовательный анализ аграрно-крестьянского курса белогвардейских режимов представляет собой не просто теоретический, но, в первую очередь, практический интерес как с точки зрения раскрытия причин их поражения в гражданской войне, так и социально-экономических последствий этого курса для дальнейшего развития деревни. К сожалению, эта проблема, при достаточно устойчивом внимании к внутренней политике Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля в современной советской историографии [1], остается наименее освещенной. В статье, главным образом на основе законодательства архангельского «правительства», ставится задача рассмотреть общие черты и особенности эволюции земельной политики контрреволюционных правлений.

Режим, установленный 2 августа 1918 г. в Архангельской губернии, опирался на большинство эсеров в «правительстве» (из девяти членов шесть эсеров), созданного бывшими «учредиловцами», и отличался большей, чем, к примеру, «Комуч», зависимостью от иностранных интервентов [2]. Именно это определило на первых порах основное содержание земельной политики Верховного управления Северной области: стремление «северной керенщины» привлечь на свою сторону крестьянство, при этом максимально нейтрализовав политические последствия советского «Декрета о земле».

Отменив все земельные законы Советской власти, Верховное управление выступило с декларацией «по действительному обеспечению прав трудящихся на землю» и обещанием незамедлительно «опубликовать постановления, вытекающие из вышеизложенной программы» [3], которые должны были составить альтернативу аграрной политике Советов. В основу избранного курса были положены принципы «социализации земли», составляющие сущность земельного закона, «принятого» в январе 1918 г. Учредительным собранием [4]. В соответствии с этими принципами все категории земель, после неудачной попытки реанимации земельных комитетов [5], передавались в управление земских органов [6]. С этой же целью 21 сентября 1918 г. Управление земледелия и государственных имуществ преобразовалось в Управление государственных имуществ, из ведения которого изымались и передавались земствам все «казенные» земли [7]. Общее руководство земельными преобразованиями возлагалось на земельный отдел «правительства».

Передавая земельные дела земству, Верховное управление пошло дальше всех контрреволюционных «правительств», к примеру того же «Комуча», где, как известно, были восстановлены и сохранены земельные комитеты [8], но сам этот шаг не являлся чем-то новым в аграрном курсе партии эсеров. Еще в середине сентября 1917 г. товарищ министра земледелия Временного правительства Вихляев в своем проекте Положения о регулировании земельных отношений предлагал ликвидировать земельные комитеты, а их функции передать земским управам [9].

До того момента, когда эсеров вообще лишили права писать законы, «правительство» не издало ни одного земельного акта в подтверждение своей декларации — явление характерное для всей «демократической» контрреволюции, питавшей надежду на скорое свержение власти Советов во всей стране и созыв Всероссийского учредительного собрания, которое должно было стать единственным правомочным органом при решении аграрного вопроса [10]. «Земельное дело во всей необходимости» предлагалось наладить лишь к весне 1919 г., а «впредь до издания по земельному вопросу соответствующих постановляющих положений временно руководствоваться «Положением о землепользовании», принятом эсерами на IV сессии Архангельского губернского земельного комитета еще зимой 1918 г. и С августа 1918 г. «Положение» послужило основой для рассмотрения жалоб на «неправильное» отобрание земельных угодий и возвращение участков прежним владельцам.

Решения IV сессии губернского земельного комитета предусматривали следующий порядок проведения земельной реформы: впредь до уравнительного передела (последний ставился в зависимость от завершения землеустроительных работ) все частно-владельческие земли временно передавались в распоряжение волостных земельных комитетов «на предмет их распределения между наиболее нуждающимся населением», надельные земли оставлялись «в руках трудового народа» равно как и общественные выгоны, хутора, участки отрубников и колонистов, арендованные надельные земли, усадьбы, земли причтов, церквей и монастырей, удельные и казенные оброчные статьи поступали в подчинение земельных комитетов, но оставались за прежними владельцами. Устанавливалась трудовая норма землепользо-

вания. Излишки всех категорий земель поступали в особый фонд. Комитеты наделялись правом сдавать дальние участки в аренду сроком на один год. Арендные права на земли, потерявшие сельскохозяйственное значение, также передавались комитетам. Предусматривалось вознаграждение лицам для возмещения убытков при отрезке земли [12].

«Положение», таким образом, выражало интересы зажиточной части деревни. Введение трудовой нормы это лишний раз подтверждало. Не случайно, особая комиссия губернского земского собрания сочла решения IV сессии полностью соответствующими земельному «закону» Учредительного собрания. Необходимо подчеркнуть, что «Положение» не имело четкости и ясности, отличалось весьма туманными формулировками по основополагающим вопросам аграрной политики. Следование ему на практике неизбежно влекло за собой недовольство мелкого и среднего крестьянства политикой «правительства», которое поддерживало его вначале, но на определенных условиях «для достижения им тех программ, кои намечены в его воззвании 16 августа» [13].

Колебания и «нерешительность» эсеров в земельном вопросе вызывали противодействие и со стороны кадетской части «правительства», а также всех сторонников «твердого» курса. Как писал некий В. Бартенев: «Особенные трения происходили относительно деятельности земельного комитета. Туда поступало много жалоб хозяев расчисток и других, у кого земли были отобраны, но земельный комитет придерживался Черновских принципов, и захваты не отменялись вопреки настояниям губернского комиссара Н. А. Старцева [14]». В этом, очевидно, заключалась одна из причин попытки военно-монархического переворота в ночь с 5 на 6-е сентября и последующего создания новой власти — Временного правительства Северной области. Определенное значение имела и наметившаяся политическая переориентация союзников на поддержку кадетско-монархических сил, и надежды свалить большевиков путем установления буржуазно-помещичьей диктатуры. Крестьяне, по понятным причинам, отнеслись к смене «правительственного» курса с полнейшим равнодушием [15].

«Правительство», созданное 29 сентября 1918 г., целиком состояло из кадетов и откровенных монархистов, а все эсеровские, учредиловские элементы, говоря словами В. И. Ленина, оказались оттесненными на задний план [16] в околоправительственные круги. Безраздельной вотчиной эсеров оставалось земство, кооперация, городское и посадское самоуправление. Последнее обстоятельство позволяло социалистам в какой-то мере влиять на внутренний курс «правительства», в частности, на решение земельной проблемы. Учитывая это, власти, по крайней мере на словах, обязались проводить провозглашенный ранее курс и привлечь социалистов к разработке земельных законов.

С этой целью была возобновлена деятельность «земельной комиссии», созданной при губернской земской управе еще в сентябре 1918 г. 15 октября 1918 г. она собиралась на свое первое заседание [17]. 22 ноября при отделе земледелия Временного правительства созывается особое «Совещание по вопросам землевладения и землепользования» [18], в состав которого вскоре вошла и земельная комиссия. Все проекты земельных законов разрабатывались в комиссии, затем поступали на рассмотрение Совещания, после чего утверждались правительством и становились законом [19]. Таким образом, вывод Ю. В. Журова, сделанный им относительно сибирской контрреволюции, о том, что «будучи в основном кадетскими, предлагаемые аграрные реформы включали в себя и некоторые элементы эсеровской аграрной программы» [20], с полным основанием применим и к северной контрреволюции.

В комиссию поступило довольно обширное количество земельных проектов, но большинство их, таких как «Законопроект по водопользованию и водно-промысловому делу», «Основные положения по заведованию тундрами», «О силе арендных договоров на надельные земли, заключенных до 3-го августа 1918 г.», «Положение о земельных советах», «Инструкция о землеотводах» и другие увязли в многочисленных согласованиях и не получили законодательного оформления [21]. Только три проекта получили статус закона.

Первым и, по словам начальника губернии В. И. Игнатьева, «в области земледелия основным законом» [22], был «Закон о расчистках в Архангельской губернии», принятый 13 января 1919 г.; 19 февраля 1919 г. издано «Положение о казенных и бывших удельных земельных оброчных статьях», 4 апреля того же года — «Постановление о передаче монастырских, архиерейских, церковно-причтовых земель в ведение земства» [23]. Указанные категории частного землевладения временно, «впредь до разрешения земельного вопроса в полном объеме» будущим Всероссийским учредительным собранием, или правительством, изымались из ведения Управления государственных имуществ, уравнивались в правовом положении и должны были составить единый арендный фонд, распоряжаться которым должно было земство, в соответствии с Законом Верховного Управления от 14 сентября 1918 г. [24] Следовательно, окончательное решение аграрных проблем откладывалось. Это давало северной контрреволюции остро необходимый для нее выигрыш во времени, позволяло в какой-то мере успокоить деревню.

Своеобразный симбиоз кадетской и эсеровской аграрных программ, нашедший воплощение в принятых земельных актах, при условии их претворения в жизнь, преследовал цель насадить в деревне «крепкое» крестьянское хозяйство, основанное на применении для обработки земли рабочих рук владельца участка и членов его семьи, свободное от принудитель-

ной опеки общины. По сути дела законы о расчистках и оброчных статьях развивали несколько дальше решения IV сессии губернского земельного комитета и базировались на концепции Столыпинской аграрной реформы, правда, с известными поправками, которые диктовались изменившейся после революции обстановкой в деревне.

Не случайно, поэтому законодатель пошел на установление «трудовой» нормы, определив ее в размере 11 дес. на двор, с выплатой в пользу волостного земства «особого поземельного сбора» в сумме: для расчисток — не выше средних арендных цен за последние три года «на все земли, сдаваемые в аренду в пределах данной волости»[25], для оброчных статей — в пределах существовавших цен на оброчные статьи [26].

Существенной стороной указанных выше законов являлось то, что закреплялся наследственный принцип пользования данными категориями земель «прежними владельцами и их законными правопреемниками», что предполагало изъятие земли у крестьян, получивших ее по Декрету о земле, и возвращение прежним хозяевам. Помимо того, разрешалась передача права пользования расчистками и оброчными статьями другим лицам при согласии на то волостного земства [27]. Срок пользования земельными участками не ограничивался. Вместе с тем частные сделки (купля-продажа) на землю запрещались.

Таким образом, законы фактически восстанавливали, пусть с некоторыми ограничениями, частную собственность на землю. Эсеровские земельные эксперименты с целью перерешить аграрный вопрос, уже решенный Октябрем, равно как и стремление буржуазно-монархической диктатуры удержать за собой крестьянские массы и в то же время возродить частнособственнические поземельные отношения, приводили в тупик, явились одной из причин крушения белогвардейских режимов, изоляции контрреволюции. Естественным ответом крестьянства на полосу реакций явилось массовое партизанское движение, бойкот военных повинностей, провал попыток создания массовой «добровольческой армии», волна выступлений в Северной армии и окончательный переход трудящихся деревни, включая середняков, на сторону Советской власти.

* * *

1. Карпенко С. В. Проблема экономического и политического краха белогвардейских режимов в советской историографии // Вопросы становления и развития Советского общества в отечественной историографии.— М., 1986.— С. 184—197.
2. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств,— М., 1970.— С. 128—131.
3. Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция.— М.— Л., 1931.— С. 67.
4. Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления Временного правительства Северной области, издаваемое Консультацией при Управляющем отделом Юстиции (в дальнейшем СУ).— Архангельск, 1919.— № 1.— С. 117.
5. См. подробнее: Саблин В. А. Создание низового советского земельного аппарата на Европейском Севере в 1918 году // Советы и творчество масс.— М., 1986.— С. 85.
6. СУ.— № 1.— С. 83.
7. СУ.— № 1.— С. 121.
8. Гармиза В. В. Указ. соч.— С. 179. Омское правительство, допустив участие земств в разрешении земельных дел, резко ограничило их права. В частности волостные земства за малым исключением не могли влиять на ход земельных реформ на местах.— Собрание Узаконений Временного Сибирского правительства.— Омск, 1918.— № 4.— Ст. 42, § 3—23; № 21.— Ст. 188.
9. Кострикин В. И. Маневры эсеров в аграрном вопросе накануне Октября // История СССР.— 1969.— № 1.— С. 103.
10. Басманов М. И. и др. Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями.— М., 1988.— С. 200—201.
11. Положения, принятые IV сессией Архангельского губернского земельного комитета.— Архангельск, 1918.— С. 1—17.
12. Там же.— С. 1—23.
13. Минц И. И. Указ. соч. —С. 78.
14. Бартенев В. Новая власть. Переворот 5—6 сентября. Конец 1918 г. // ИАОИРС.— 1919.— № 1—2.— С. 27.
15. Левберг М. Е. На белом Севере (Воспоминания 1918 г.).— М., 1933.— С. 75; Марушевский В. В. Белые в Архангельске.— Л., 1933.— С. 21, 71.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 302.
17. ГААО, ф. 1865, оп. 1, д. 219, л. 128; д. 629, л. 23—24.
18. Минц И. И. Указ соч.— С. 205.
19. ГААО, ф. 1865, оп. 1, д. 219, л. 128 об.
20. Журов Ю. В. Крестьянство Сибири в годы гражданской войны (1918—1920): Автореф. дис. докт.-ист. наук.— Томск, 1975.— С. 45—46.
21. ГААО, ф. 1865, оп. 1, д. 300, л. 41; д. 630, л. 98; д. 751, л. 77; д. 600, л. 189 об., 192.
22. Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921). Ч. 1. (Октябрь 1917 — август 1919 г.). Петроград. Вологда, Архангельск. (Личные воспоминания).— ГИЗ, 1922.— С. 41.
23. СУ.— 1919.— № 6.— С. 2—4; № 9.— С. 4—7; № 12.—С. 3—5.
24. СУ.— 1919.— № 6.— С. 2; № 1.— С. 83.
25. Там же. № 6.— Ст. 279, § 5. Примечание; № 9.— Ст. 361, § 4.
26. Там же. № 9.— Ст. 361, § 4.
27. Там же. № 6.— Ст. 279, § 9; № 9.— Ст. 361, § 8.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В КОМИ ДЕРЕВНЕ (1921—1927 гг.)

О. В. Золотарев

Проведение культурно-просветительной работы было особенно важно в первые годы Советской власти в деревне, где жило большинство населения России: культурная революция, отмечал В. И. Ленин, была необходимым условием построения социализма в нашей стране[1].

На усиление просветительной работы были направлены решения VIII (1919 г.), XII (1923 г.) и XIII (1924 г.) съездов партии[2], а также III съезда Политпросветов (1922 г.) и Всесоюзной конференции политпросветов по деревенской работе (1925 г.), где развернут план деятельности по культурному просвещению деревни и подчеркнута необходимость усиления просветительной работы в национальных районах нашей страны.

Одной из таких национальных окраин был Коми край. С самого начала установления Советской власти на территории края перед большевистскими организациями встала задача культурного преобразования коми деревни.

К сожалению, эта сторона деятельности Коми партийной организации не получила исчерпывающего отражения в исторической науке, хотя специальная статья появилась в начале 1950-х гг.[3–4] В монографии Я. Н. Безносикова культурно-просветительной работе, ликвидации неграмотности, работе избчитален, библиотек на селе посвящены целые разделы, однако основная часть работы освещает события конца 20-х начала 30-х гг., а не первых лет Советской власти[3–4].

Между тем, в местных архивах имеется значительный материал о данном этапе культурной революции.

Самой важной проблемой в проведении культурно-просветительной деятельности в деревне была неграмотность сельского населения. Это было характерно для всей страны, а в Коми области свыше 3/4 населения было неграмотным. Планомерная культурно-просветительная работа в

лась проходившей на территории края гражданской войной. Развернуться в полную силу культпросветработа смогла только с 1921 г. Инициатором ликбеза в Коми крае были коммунисты. Они создавали на местах ликвидационные пункты, обучали неграмотных товарищей. Большую помощь коми коммунистам оказала местная организация РЛКСМ. Комсомольцы были прикреплены к ликпунктам, к отдельным учащимся, проводили занятия по ликбезу. Но не все комсомольцы и не сразу осознали важность этой задачи. В 1921 г. Удорский съезд РЛКСМ отмечал, что «РЛКСМ не принимал участия в достаточной степени в ликвидации безграмотности»[5].

Большие надежды возлагались и на профсоюзные организации. К 1926 г. они должны были обучить 4/5 своих членов, при этом огромная нагрузка ложилась на членов Всерайпроса[6].

Таким образом, даже в начальный период ликвидации неграмотности в Коми крае были привлечены весьма значительные силы.

Однако встретились и громадные трудности. Прежде всего — нехватка средств. В результате начала проведения НЭПа отмечался «недостаточный отпуск средств как из центра, так и по местному бюджету». Сеть политпросветучреждений пришлось сократить на 70%, ибо средств хватало только на зарплату, социальное страхование и частично на хозяйственные расходы[7]. Поэтому ощущался «недостаток в письменных принадлежностях, недостаток в учебниках»[8]. Один букварь приходился на 5—7 человек, на одного ученика — 3 листа бумаги. В некоторых ликпунктах не было столов, скамеек, ламп[9].

Областные органы пытались решить эту проблему. К 1925 г. было выпущено местным издательством три букваря для ликпунктов общим тиражом 35 тыс. экземпляров и три книги для чтения тиражом 25 тыс.[10]

К концу двадцатых годов несколько улучшилось положение дел и с канцелярскими принадлежностями. Другая трудность — весьма равнодушное, а в некоторых случаях прямо враждебное отношение населения к работе по ликвидации неграмотности[11]. В декабре 1923 г. Усть-Куломский отдел народного образования сообщал: «В ликвидационных пунктах массовое дезертирство. Из 144 неграмотных в Усть-Куломском районе обучается только 56 человек»[12]. Кроме того, обучение необходимо было вести на родном языке, а коми письменность только создавалась.

В мае 1923 г. в области была создана чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Она развернула массовую агитационную работу. Сеть ликпунктов расширилась до 132. Обучалось в них более 5 тыс. человек.

Самое пристальное внимание уделялось ликвидации неграмотности среди допризывников. На активизацию этой работы был направлен приказ облвоенкомата в апреле 1924 г., област-

ное грамчека признало работу по ликвидации неграмотности среди допризывников ударной [13]. В контрольной книжке допризывника указывалось «Кто против грамоты, тот враг народа» [14]. Целенаправленная деятельность дала результаты. В 1924 г. призывники Коми области были на 82% грамотными, а в 1925 г. процент грамотности увеличился до 95 (в целом по СССР соответственно — 80,5 и 88%) [15].

Существовало еще много других проблем в этом важном деле, но в целом к концу 20-х гг. ликвидация неграмотности в Коми автономной области была налажена. Грамотность возросла до 39,5%. Это произошло благодаря усиленной работе Общества «Долой неграмотность», партийных и комсомольских ячеек.

Ликвидация неграмотности способствовала преобразованию коми деревни, явилась важнейшей частью культурно-просветительной работы.

* * *

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 377.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК .—М., 1983.— Изд. 9.— Т. 2.— С. 112—114; М., 1984.— Т. 3.—С. 123—125, 251—254.
3—4. Давыдов В. Н. Культурное строительство в Коми автономной области в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.) // Историко-филологический сборник.— Сыктывкар, 1953.— Вып. 4; Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР.— М., 1968; Безносиков Я. Н. Рассвет над Коми.— Сыктывкар, 1986.
5. ЦГА Коми АССР, ф. 183, оп. 1. 2, л. 71.
6. Там же ,ф. 148, оп. 1, д. 121, л. 15.
7. ЦГА Коми АССР, ф. 148, оп. 1,д. 323, л. 2.
8. ЦГА Коми АССР, ф. 148, оп. 1, д. 121, л. 328.
9. Там же, ф. 185, оп. 1, д. 224, л. 227 об.; ф. 148, оп. 1, д. 28, л. 59; д. 100, л. 31.
10. Там же, ф. 148, оп. 1, д. 43, л. 99.
11. Редки были случаи, когда жители сел на общем собрании принимали решение о ликвидации неграмотности в своей деревне, как это сделали, например, крестьяне с. Помоздино в апреле 1920 г.— ЦГА Коми АССР, ф. 185, оп. 1, 224, л. 179—180.
12. ЦГА Коми АССР, ф. 148 ,оп. 1, д. 231, л. 1.
13. ЦГА Коми АССР, ф. 148, оп. 1, д. 231, л. 117; д. 12, л. 65; д. 121, л. 96.
14. Там же, ф. 613 оп, д. 23, л. 73.
15. Всеобщее начальное обучение.— М.—Л., 1926.— С. 56.

КООПЕРАЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ (К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ)

С. И. Шубин

«О кооперации»,— так называлась небольшая статья В. И. Ленина, увидевшая свет на страницах газеты «Правда» 26—27 мая 1923 г. Шестьдесят пять лет спустя на IV Всесоюзном съезде колхозников М. С. Горбачев назвал эту статью знаменитой, а выводы, сделанные в ней, одними «из самых блестящих ленинских открытий»[1]. В. И. Ленин раскрыл социалистический характер кооперативного движения, как наиболее приемлемого для нашей страны продолжения социалистической революции.

Отвечая на вопрос, почему по сравнению с передовыми странами русским легче начать пролетарскую революцию, В. И. Ленин в статье «Третий Интернационал и его место в истории» отмечал, что «отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в октябре 1917 года, и мы не победили бы тогда так легко, если бы не начали с этого»[2].

Это преимущество, проявившееся в ходе революции и особенно гражданской войны, когда крестьянство встало на сторону советской власти, давшей ему землю, нужно было сохранить. Ибо единственным гарантом социализма в крестьянской стране (116 из 138 млн. человек в 1917 г. проживало в деревне) могло быть сохранение и укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Об этом В. И. Ленин особенно проникновенно говорил на VIII съезде РКП (б) 23 марта 1919 г.: «Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат. Отсюда, однако, ни в коем случае не следует,— это было бы глубочайшей ошибкой,— что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата,— будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов»[3].

«... Здесь задача сводится,— подчеркивал В. И. Ленин,— не

к экспроприации среднего крестьянства..., а к тому, чтобы учесть особенности условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать!»[4]. В заключение своего доклада Ленин при-знал: «Как регулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие, этому мы еще не научились,— это надо сказать открыто. Но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы себе говорим со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся и тогда социализм будет абсолютно непобедим»[5].

О том, какое значение В. И. Ленин придавал этому вопро-су, свидетельствует недавно обнаруженное интервью, взятое у Ленина английской газетой «Манчестер гардиан» в первой по-ловине 1920 г. и перепечатанное в переводе впервые в журна-ле «За рубежом» № 17 за 1988 г.: «Крестьяне индивидуалис-ты,— говорит Владимир Ильич,— но они поддерживают нас. В известной мере мы должны благодарить за это Колчака и Де-никина.Крестьяне за Советскую власть, но мечтают о свобод-ной торговле, не понимая, *что эти две вещи противоречат друг другу*». В ответ на вопрос: думаете ли Вы, что Вам удастся в достаточной мере выправить экономическое положение, чтобы удовлетворить потребности крестьянства прежде чем в нем сформируется реальная политическая оппозиция, которая одер-жит над вами верх? Ленин — по словам английского журналис-та — рассмеялся: «Если бы я мог ответить на этот вопрос, я мог бы ответить на все другие, ибо все зависит от ответа на этот вопрос. Я думаю мы сможем. Да, думаю, что сможем. Но я не знаю, сможем ли»[6].

Теория социализма тех лет считала торговлю и социализм несовместимыми, а крестьяне мечтали о ней. Как быть? В. И. Ле-нин в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) отвечает на этот воп-рос: «Если мы достаточно трезвые политики», то «давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать... Мы должны *экономически* удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариа-та в России при замедлении международной революции нель-зя, *экономически нельзя*»[7].

Самые большие трудности у делегатов X съезда возникли в вопросе об отношении к кооперации[8]. По предложению В. И. Ле-нина съезд принял резолюцию, отменяющую резолюцию IX съезда РКП (б), так как последняя была принята на призна-нии принципа разверстки. Съезд поручил ЦК «выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом»[9].

Для того, чтобы глубже понять деятельность партии и госу-дарства в последующий период до момента написания ленин-ской статьи «О кооперации», надо иметь в виду ленинскую ха-рактеристику только что процитированной резолюции: «Вы скажете, что это неопределенно. Да, и надо, чтобы это было до из-вестной степени неопределенно. Почему это надо? Потому что, чтобы вполне определенно надо до конца знать, что мы сде-лаем за весь год. Кто это знает? Никто не знает и знать не мо-жет... Мы должны поручить вновь избранному ЦК разработать и установить известные меры и изменения, проверить шаги впе-ред и назад, которые мы проделаем,— в какой мере это надо делать, как соблюсти политические интересы..., как проверить результаты опыта. Мы в этом отношении стоим, говоря теоре-тически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех... Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически, на опы-те, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось... Это вопрос очень важный. Чтобы идти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить и принять меры»[10]. Только та-кой подход позволял В. И. Ленину удивительно глубоко и все-сторонне оценивать обстановку, не бояться и смело идти на пере-смотр, казалось бы, азбучных истин марксизма. Так было и с кооперацией.

Вспомним, с чего В. И. Ленин начинает свою работу. «У нас, мне кажется, недостаточно обращают внимание на коопе-рацию. Едва ли все понимают, что теперь со времени Октябрь-ской революции и независимо от НЭПа (напротив, в этом от-ношении приходится сказать: именно благодаря НЭПу), коопе-рация получает у нас исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны, часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения полити-ческой борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и те-перь многое из того, что было фантастического, даже романти-ческого, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, ста-новится самой неподкрашенной действительностью».

Ведь, по сути, здесь В. И. Ленин говорит о социалистичес-ком плюрализме мнений и действий при соблюдении одной важнейшей заповеди — сохранении союза рабочего класса и крестьянства. Лучше всего из современников и последователей Ленина понимал это Н. И. Бухарин. Анализируя ленинскую концепцию построения социализма Н. И. Бухарин писал, что за основу кооперации берется положение о необходимости «исхо-дить из простых и доступных крестьянину методов: «зацепить наше дело» за частные интересы крестьянина... Зацепить кре-стьянина за его собственные выгоды и на этой базе через коопе-ративный оборот, через кооперацию вести его к социализму»[11].

А с точки зрения классовых отношений, подчеркивает автор,— «перед рабочим классом стоит задача постоянно переделывать крестьянство, переделывать по образу и подобию своему, не открещиваясь от него, а слившись со всей массой, вести его за собой... Главная задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы смотреть из чего может проистечь раскол, и, вовремя заметив опасность, ликвидировать ее»[12].

В дальнейшем ленинские выводы о кооперации были выхолощены, что отразилось в практике аграрной политикой. В 20-е гг., как известно, ленинский кооперативный план последовательно воплощался в жизнь как в масштабах страны, так и в Архангельской губернии. На Севере кооперативное движение получило особенно широкий размах, потому что оно давало возможность развиваться крестьянству естественно,вбирая все лучшее, что накопил северянин за сотни лет относительно свободной жизни в суровых природных условиях. Его предприимчивость стимулировалась кооперацией. «Отмеченный сейчас необычайно быстрый рост всевозможных кооперативных объединений,—писал современник тех событий, автор историко-географического описания губернии И. Перфильев,— дает твердую надежду ожидать в недалеком будущем быстрого экономического возрождения губернии и дальнейшего прогресса всей нашей хозяйственной жизни». И далее очень важно: «... необходимо отметить ту огромную роль, какую сыграла Октябрьская революция, пробудив сознание нашего крестьянства в искании новых способов, более целесообразных в развитии своего сельского и промыслового хозяйства, стремление к знанию, объединив его с трудом»[13].

Земледелие и животноводство сочетались с различными промыслами, богатые профессиональные навыки находили самое различное применение. Об этом убедительно говорят результаты Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промысловой выставки, открывшейся в Москве 19 августа 1923 г. «Архангельская губерния,— отмечается в документах тех дней,—по сравнению с другими северными губерниями наиболее полно была представлена на этой выставке. Она выставила 630 наименований экспонатов и получила 27 наград»[14]. Причем дипломы выставки получили губернские кооперативные союзы сельскохозяйственной, лесной и смолокуренной, потребительской кооперации, союз охотников. Кроме того, получил Почетный диплом I степени и натурпремию III степени художник (известный потом писатель) С. Писахов — за собрание ценной коллекции архангельских пряников («козуль») и бытовых экспонатов. Выставку посетило 380 крестьян губернии[15].

На 1 октября 1925 г., по далеко не полным данным, в губернии насчитывалось 810 кооперативов[16] всех видов, в которых состояло более 100 тысяч членов.

К сожалению, к концу 20-х годов в партии и государстве возобладало упрощенное

это явилось, на наш взгляд, одной из главных причин тех ошибок, которые были допущены в период коллективизации, массовых нарушений социалистической законности в 30-е гг. и застоя в развитии советского общества в 70-е — начале 80-х годов. Кооперация в ленинском понимании так и не была воплощена в жизнь. Тот факт, что сельский труженик потерял интерес к работе, говорит со всей очевидностью о том, что не было выполнено главное ленинское требование — строить социализм в деревне на основе экономического интереса. «Разъяснительная и организационная работа в массах,— пишет один из знатоков деревни В. Данилов,— подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Раскулачивать стали не только кулаков, но и середняков,— тех, кто еще не хотел вхотить в колхозы. Грубые извращения допускались при обобществлении производства»[17].

Эти ошибки были характерны и для Севера страны. Коллективизация и дальнейшая практика колхозного строительства в значительной степени оставила за бортом богатейшие, традиционные для северного края промыслы. Они имели для северян не прикладное, а большое экономическое значение. Во все времена Архангельская земля не могла прокормить ее хозяев, и примерно половина необходимых продуктов питания завозилась в губернию из других регионов страны[18]. Понятно, чтобы купить эти продукты питания, нужно было произвести что-то равноценное. В этом прежде всего надо видеть необычайно развитую склонность к ремеслам и предприимчивость северян. Качества эти, несомненно, надо возрождать на Севере.

Развитие кооперации требует от нас раскрепощения от догматизма, более глубокого проникновения в суть ленинских выводов о кооперации, в практику кооперативного движения 20-х годов. «Уроки этого периода мы должны хорошо усвоить,— было подчеркнуто на февральском 1988 года Пленуме ЦК КПСС.— Это нам сейчас жизненно необходимо»[19].

* * *

1. Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки.— М., 1988.— С. 8.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 306.
3. Там же.— С. 189.
4. Там же.— С. 201.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 205.
6. «За рубежом», 1988, № 17, с. 3.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 43.— С. 59, 70.
8. Там же.— Т. 43.— С. 73.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1983.— С. 372.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 369.
11. Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина // Коммунист, 1988.— № 2.— С. 98.
12. Там же.— С. 95, 99.

13. Перфильев И. Архангельская губерния (краткая экономическая география).— Архангельск, 1925.— С. 111.
14. ПААО, ф. 1, оп. 1, д. 1044, с. 88.
15. Там же.
16. Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921—1925 гг. (Сб. док.)— Архангельск, 1981.— С. 156—157.
17. Данилов В. У колхозного начала // Советская Россия, 1987, 11 октября.
18. Перфильев И. Архангельская губерния (краткая экономическая география губернии).— Архангельск, 1925.— С. 77.
19. Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления // Правда, 1988, 19 февраля.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

1989

№ 112

ЗАВЕРШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И БОРЬБА ЗА ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ В КОМИ АССР

Л. Г. Борозинец

Вопросы истории коллективизации сельского хозяйства страны требуют дальнейшего изучения и осмысления. Как отмечается в Программе КПСС, коллективизация привела к глубокому перевороту в экономических отношениях, во всем укладе крестьянства. Историческая литература предыдущих десятилетий, посвященная коллективизации, в основном уделяла внимание позитивным процессам, происходившим в сельском хозяйстве, оставляя в стороне анализ трудностей в задачах кооперирования крестьянства. И, если еще негативные тенденции и ошибки, связанные с нарушением ленинских принципов кооперирования в годы первой пятилетки в 1930—1931 гг. нашли отклик в исследованиях историков, то вопрос, связанный с негативными последствиями воздействия административно-командной системы периода 1933—1937 гг., совсем остался вне рамок изучения. В связи с этим представляет определенный интерес рассмотрение роли руководства ходом коллективизации со стороны краевых и областных организаций на примере Коми автономной области.

За годы первой пятилетки Коми областная партийная организация добилась существенных успехов в руководстве развитием сельского хозяйства. Значительно расширились посевные площади автономной области, которые достигли 62,4 тыс. га вместо 47 тыс. в 1929 г. Товарная продукция сельского хозяйства составила 4,5 млн. руб. вместо 0,8 млн. руб. в 1913 г. К началу второй пятилетки 45,8% всех крестьянских хозяйств области вступили в колхозы. Всего было создано 540 колхозов. Удельный вес социалистического сектора составил по посевам 52,8% и по поголовью скота 51,0%.В области действовала одна

машинно-тракторная станция с 24 тракторами и четыре крупных совхоза.[1].

Вновь созданные колхозы требовали организационно-хозяйственного укрепления. Слаба была в них трудовая дисциплина, во многих колхозах сохранялась обезличка и уравниловка. Новые бригадные формы организации труда внедрялись с большими трудностями. Не хватало хороших организаторов колхозного производства. Остро встал вопрос о подготовке квалифицированных кадров полеводов, животноводов, внедрении агротехники, расширении и укреплении материально-технической базы сельского хозяйства. Тревожным было положение в животноводстве. Форсирование темпов коллективизации привело к падению поголовья скота. Особенно напряженная обстановка сложилась в оленеводстве. 15 февраля 1933 г. бюро ОК ВКП(б) рассмотрело письмо ЦК ВКП(б) «О перегибах в коллективизации в районах Крайнего Севера» и приняло меры по развитию оленеводства и преодолению допущенных ошибок. Однако вместо того, чтобы обеспечить организационно-хозяйственное укрепление колхозов, Крайком и Обком ВКП(б) взяли курс на повышение темпов коллективизации с учетом обострения классовой борьбы в деревне. С целью форсирования темпов коллективизации в августе—сентябре 1933 г. в Коми автономную область направляется специальная бригада во главе с секретарем Крайкома ВКП(б) тов. Д. А. Конториным, признавшая главным недостатком лишь слабую борьбу с кулачеством, примиренчество к саботажу кулака.

Эти выводы и последовавшие за ними решения в значительной степени осложнили проведение коллективизации, что особенно резко сказалось на состоянии животноводства в области. Только в конце 1934 г. удалось приостановить в колхозах падение поголовья скота, кроме лошадей. Было обращено особое внимание укреплению и развитию животноводства. Этот вопрос рассматривался на втором Пленуме обкома ВКП(б), где 13 августа 1934 г. был заслушан доклад секретаря ОК ВКП(б) Ф. И. Булышева «О ходе реализации решений Пленума ЦК ВКП(б) об улучшении развития животноводства». Пленум постановил: «Обеспечить к началу 1935 г. перевод всего обобществленного стада колхозов на положение молочно-товарных ферм, увязав это с проведением широкой разъяснительной работы среди колхозников». Во исполнение решений июньского (1934 г.) Пленума ВКП(б) в области развернулась работа по организации МТФ в колхозах ведущего звена животноводства.

К концу 1934 г. в колхозах и совхозах области действовало 334 молочно-товарных фермы. Колхозное стадо в 1936 г. насчитывало 52 160 голов крупного рогатого скота, что было на 15,7 тыс. голов больше, чем в 1934 г. Удалось поднять средний годовой удой до 988 кг на одну, вместо

740 кг в 1933 г. Но полностью преодолеть отставание животноводства до конца пятилетки так и не удалось.

В то же время принятые партийными и государственными органами меры, широкая массово-разъяснительная работа, расширение подготовки кадров для сельскохозяйственного производства, кампании по обсуждению и принятию Устава сельхозартели обеспечили в 1935—1936 гг. решительный перелом в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. На конец 1935 г. сельское хозяйство области достигло значительных успехов: посевная площадь увеличилась на 8 тыс. га в сравнении с 1934 г. и достигла 78 890 га, а по колхозам выросла на 12%, средняя урожайность ржи составила 15,9 центнера с га. План заготовок сельхозпродуктов был выполнен. В колхозы на 1 января 1936 г. было объединено 90% крестьянских хозяйств области. Состоявшийся в марте—апреле 1936 г. Пленум обкома ВКП(б) отметил, что «за последние два года в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов Коми автономная область достигла значительных результатов. Десятки колхозов области выросли в передовые, выросли сотни новых людей — стахановцев колхозного труда»[2]. Определенную роль сыграло и дальнейшее укрепление технической базы сельского хозяйства Коми автономной области. Было вновь создано 13 машинно-тракторных станций, и количество тракторов достигло 344 единиц.

Развернувшаяся в 1936—1937 гг. массовая кампания по ликвидации последствий вредительства в сельском хозяйстве значительно осложнила дальнейшее повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Было сменено все руководство области, занятое в сельском хозяйстве, включая секретарей ОК ВКП(б). В то же время в 1936—1937 гг. в партийном руководстве колхозным строительством происходят определенные изменения. На первый план выступают новые проблемы. В августе 1937 г. Пленум обкома ВКП(б) рассматривает вопрос о преодолении запущенности семенного дела в республике и намечает меры по его совершенствованию в колхозах и совхозах. Всестороннего улучшения требовала и работа МТС. На 14 МТС, разбросанных на расстояния до тысячи километров друг от друга, имелась только одна ремонтная мастерская, способная проводить капитальный ремонт. Недостаток техников, механиков, квалифицированных трактористов являлся главной причиной неудовлетворительной работы тракторного парка. На пленуме были приняты меры по преодолению указанных недостатков. Продолжало отставать и животноводство, нуждающееся прежде всего в укреплении материальной базы: ремонте и строительстве молочно-товарных ферм.

Следует отметить одну характерную особенность, ярко проявившуюся в условиях командно-административной системы партийно-государственного руководства страной — это исчезновение инициативы снизу. Все выше перечисленные назревшие вопросы

развития сельского хозяйства республики обсуждаются и решаются только после указания сверху, т. е. либо после Пленума ЦК ВКП(б), либо Постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Однако, несмотря на отмеченные выше трудности, произошел коренной переворот в жизни деревни. Коми крестьянство стало колхозным, навсегда была ликвидирована эксплуатация человека человеком. «Коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах. Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства. Все это имело исторические последствия»[3].

* * *

1. За новый Север, 1933, № 3, 16 января.
2. ПАКО, оп. 1, ф. 1, д. 275, л. 35.
3. Горбачев М. С. — Октябрь и перестройка: революция продолжается.— М., 1987.— С. 20.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В СЕРЕДИНЕ 20-х ГОДОВ

Г. Ф. Доброноженко

Научная значимость исследования крестьянского хозяйства в середине 20-х гг., т. е. в условиях, наиболее благоприятных для его развития — в условиях НЭПа — в наше время не требует доказательств. Несмотря на бесспорные успехи историков-аграрников в изучении северной доколхозной деревни[1], к настоящему времени вопросы развития сельскохозяйственного производства не приходится считать исследованными. На наш взгляд, анализ данной проблемы позволяет перейти к решению вопроса о производственных возможностях крестьянского хозяйства и перспективах его дальнейшего развития.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства северной деревни являлось земледелие. В середине 20-х годов отчетливо прослеживается тенденция роста посевных площадей. К 1924 г. был восстановлен довоенный уровень посевов; в 1927 г. он составил по отношению к 1916 г. 116,5%[2]. По мере введения в оборот ранее заброшенных земель темпы прироста посевов стали постепенно сокращаться (1924 г.— годовой прирост составил 11,7%, 1925 г.—20,6%, 1926—5,9%; в 1927 г. в целом по региону посевные площади не изменились, в 1928 г. — 0,6%). Наименьшее изменение посевных площадей в 1926—1927 гг., как и следовало ожидать, имело место в районах, где их восстановление к 1927 г. наиболее превзошло довоенный уровень.

Средняя обеспеченность крестьянского двора посевами сохранилась примерно на довоенном уровне: в 1917 г. — 1,9 га, в 1928 г. — 2,1 га, что значительно ниже средних показателей по стране (4,2 га)[3]. Количество приходившейся на одно хозяйство

* Географическими рамками исследования являются территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области, вошедшие в 1929 г. в новую территориально-административную единицу — Северный край.

посевной площади было недостаточно, чтобы прокормить крестьянское население собственным хлебом.

Сокращение ежегодного прироста посевных площадей вскоре после восстановления довоенного уровня, незначительный рост обеспеченности ими крестьянского хозяйства являлось, на наш взгляд, закономерным явлением при том уровне развития производительных сил. Объяснение этого явления необходимо искать в высокой доле затрат ручного труда в издержках земледельческого производства, сдерживающих прямой экстенсивный рост обрабатываемых площадей. О «насыщении» крестьянского хозяйства посевами свидетельствует и переход к исследуемому периоду подавляющего большинства крестьянских хозяйств от подсеки, являвшейся основным средством расширения сельскохозяйственных угодий, к более полному использованию пахотных земель и к трехпольным севооборотам. В 1926 г. трехпольным севооборотом было занято 83% пашни северного региона, в том числе под улучшенные — 25,4%, многопольным — 11,1%[4]. Изживание подсеки свидетельствовало о возможности дальнейшего прогресса земледельческого производства в основном за счет расширения использования удобрения и улучшения обработки почвы.

Что касается первого, то, не располагая данными об изменении использования удобрения, мы лишь отметим, что в 1927 г. навозные удобрения применяли 66% хозяйств (одно из первых мест по стране), озимое поле удобрялось на 75%, яровое — 41% (самый высокий показатель по стране!) [5].

Для характеристики материальной базы земледелия первостепенное значение имеет вопрос об обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом. Число хозяйств с рабочим скотом в северной деревне несколько превышало средние данные по стране (соответственно 73,6% и 66,6%) [6]. При незначительных размерах земельных участков это определило и меньшую нагрузку посевной площади на одну лошадь — в северной деревне около 1 га, по стране — 4—6 га[7]. Аналогичным было положение с пахотным инвентарем: обеспеченность им составила 75,6% всех хозяйств, по СССР — 62,6%; нагрузка посевной площади на пахотное орудие соответственно 2,4 и 5,4 га[8].

Важнейшее значение для определения уровня развития производительных сил крестьянского хозяйства имеет вопрос об использовании ими сложной техники. Количество орудий и машин возросло к середине 20-х годов по сравнению с дореволюционным периодом по меньшей мере в 10—13 раз (значительные расхождения в данных разных источников не позволяют нам привести абсолютные цифры). В 1927 г. в северной деревне было около 80 тыс. единиц усовершенствованного инвентаря и машин. Примечательно, что крестьяне проявили больший интерес к машинной молотьбе (56,8 тыс. молотилок) и к очистке зерна (21 тыс. веялок). Подавляющее (88% молотилок и 92% веялок) было сконцентрировано в Вологодской и Северо-Двинской губерниях, что было связано с большим удельным весом данных районов в посевных площадях региона (около 80%). Стремление северного крестьянина к совершенствованию зернового производства обрисовывается этими данными вполне определенно. Другое дело, что внедрение совершенных орудий сдерживалось, с одной стороны — нерентабельностью и сложностью их использования для среднего крестьянского хозяйства ввиду естественного малоземелья, с другой — их дороговизной и отсутствием достаточного кредита для их приобретения.

Итоговой характеристикой материально-производственной базы крестьянского земледелия могут служить данные о структуре затрат на производство основных зерновых культур. По материалам обследования бюджетов крестьянского хозяйства за 1925/26 г. удельный вес стоимости труда на 1 га посевной площади (в типичных для региона размерах крестьянского посева) составлял по ржи — 71% (СССР — 65,5%), по овсу соответственно 67,5% и 61,3%[9]. Как видим, зерновое производство в северном регионе характеризовалось преобладанием живого человеческого труда, причем трудовые затраты в хозяйстве северного крестьянина были выше средних данных по стране. Наиболее ярким свидетельством низкой технической вооруженности крестьянского хозяйства является мизерность удельного веса затрат на инвентарь (2—3%) в структуре материальных издержек[10].

Не имея возможности дать развернутую характеристику второй по значению после полеводства отрасли крестьянского производства — животноводства, остановимся лишь на самых общих данных. Животноводство региона значительно меньше пострадало в годы гражданской войны по сравнению с другими районами страны. Численность лошадей составляла в 1923 г. 98,4% от уровня 1916 г. (по СССР — 63,8%), крупного рогатого скота — соответственно 96,5 и 66,4%. К 1927 г. дореволюционный уровень поголовья лошадей был превзойден на 15,2%, крупного рогатого скота — 8,2%. Но при этом следует отметить, что после восстановления общего поголовья скота темпы прироста резко падают (1924 г. — прирост на 15,6%, 1925 г. — прирост на 22,5%, 1926 г. — сокращение на 0,6%, 1927 г. — сокращение на 1,2%)[11]. Средняя обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим и крупным рогатым скотом (2,6 голов) превышала показатели по стране (2,35 голов)[12].

Дальнейшее увеличение поголовья скота в крестьянских хозяйствах являлось, на наш взгляд, целесообразным лишь в пределах удовлетворения личных потребностей. В пользу этого предположения говорят данные о доходности животноводства Вологодской губернии (район с наиболее высокой товарностью молочного животноводства). Хотя себестоимость производства

молока и снижается при увеличении поголовья, но крайне незначительно (с 1 руб. 18 коп. на пуд в однокоровном хозяйстве до 1 руб. 11 коп. в хозяйстве с тремя коровами). В то же время в хозяйствах, имевших свыше двух коров, резко падает удойность на корову (с 1 219 кг в хозяйстве с двумя коровами до 879 кг — тремя)[13]. К тому же содержание коровы чистого дохода крестьянину не приносило: по данным Вологодского губстатбюро, расходы превышали доход на 18 руб. 76 коп. (89 руб. 50 коп. и 70 руб. 74 коп. соответственно).[14]

Оценивая в целом состояние сельскохозяйственного производства охарактеризуем валовую продукцию и товарность основных отраслей сельского хозяйства. Прирост посевных площадей к середине 20-х годов, как уже отмечалось выше, замедлился, не произошло и значительного роста урожайности, что привело к стабилизации валового сбора зерновых: 773 тыс. т в 1925/26 г., 790 тыс. т в 1926/27 г., 772 тыс. т в 1927/28 г. Аналогичное положение наблюдается и в производстве валовой продукции животноводства[15].

Товарность зернового производства в северной деревне была значительно ниже (4,9% в 1925/26 г. и 6,8% в 1927/28 г.) в сравнении со средними данными по стране (21—22%)[16]. Для объяснения этого обратимся к данным об издержках производства и себестоимости зерновых. Затраты на 1 га зерновых площадей в типичных посевных группах в 1925/26 г. составляли в северном регионе 154 руб. 80 коп., в то время как по стране — 71 руб. 70 коп.[17] Средняя стоимость по основным культурам составляла на Севере 9 руб. 80 коп., а среднерыночная цена — 8 руб. 50 коп. (по СССР соответственно 6 руб. и 7 руб.). При таких условиях товарное производство зерновых не было и не могло быть выгодно северному крестьянину и, естественно, не развивалось. Уровень товарности животноводства был значительно выше, на внедеревенском рынке сбывалось около 20% продукции животноводства (по СССР — 23—24%).

Суммарный удельный вес реализуемой на рынке продукции всех отраслей сельскохозяйственного производства (8,9—9,2%) свидетельствует, что в северном районе сохранилось в основном натурально-потребительское крестьянское хозяйство, слабо связанное с рынком. Оно само нуждалось в покупке последних, добывая средства на внеземледельческих заработках. По материалам бюджетов крестьянских хозяйств 1925/26 г. чистый заработок от промысловой деятельности к условно-чистому доходу от сельского хозяйства составлял, %: в Архангельской губернии — 158; Вологодской — 65,4; Северо-Двинской — 55; Коми автономной области — 129[18].

Обобщая сказанное, отметим следующее: к середине 20-х гг. с восстановлением довоенного уровня сельскохозяйственного производства темпы его прироста резко снизились, что позволяет говорить об определенной «насыщ[енности] крестьянского хозяйства элементами производства (посевы, скот). При сложившемся низком уровне материальной базы сельского хозяйства дальнейшее значительное увеличение сельскохозяйственной продукции представляется невозможным в связи с высокими издержками производства (а в них — значительной доли живого труда) и низкой рентабельностью. Все это определило потребительскую направленность сельскохозяйственного производства в северной деревне. А поскольку большинство крестьянских хозяйств не могли существовать за счет земледелия и животноводства, то значительную (а в некоторых районах и большую) часть доходов составляли заработки на внеземледельческих промыслах.

Таким образом, в середине 20-х годов в развитии сельского хозяйства сложилось явное противоречие, проявившееся, с одной стороны, в необходимости, а с другой — в невозможности резкого увеличения производства. Разрешить данное противоречие, совершить качественный скачок в развитии производительных сил северной деревни в рамках индивидуального крестьянского хозяйства не представлялось возможным.

* * *

1. Давыдов В. Н. Восстановление сельского хозяйства автономной области Коми в 1921—1925 гг. // Историко-филологический сборник.— Сыктывкар, 1960.— Вып. 5; Дмитриева В. А. Деятельность КПСС по развитию кооперации Севера СССР до начала массовой коллективизации.— Вологда, 1974; Рапопорт Ю. М. Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР (1917—1925 гг.).— Ленинград, 1984.
2. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923—1927 гг.— М., 1930.— С. 15, 62—64.
3. Северный край в цифрах: Стат. сб.— Архангельск, 1929.
4. Статистика и народное хозяйство.— 1929.— Вып. 7.— С. 78.
5. Статистическое обозрение.— 1928.— № 12.— С. 6, 8.
6. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1928.— М., 1927.— С. 159.
7. Вестник статистики.— 1928.— № 1.— С. 52.
8. Там же.— С. 10.
9. Плановое хозяйство.—1929.—№ 5.—С. 154—155.
10. Там же.
11. Основные элементы сельскохозяйственного производства...— С. 118—119. 126—127.
12. Плановое хозяйство.— 1928.— № 3.— С. 61.
13. Статистическое обозрение.— 1928— № 12.— С. 24, 29.
14. Сельскохозяйственная жизнь.— 1927.— № 2.— С. 7.
15. ЦСУ СССР. Сельское хозяйство СССР.— 1925—1928 гг.— М., 1929.— С. 294—295, 324—327.
16. Там же.— С. 428—429.
17. Плановое хозяйство.— 1929.— № 6.— С. 65.
18. Плановое хозяйство.— 1929.— № 5.— С. 44.

РОЛЬ СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В РАЗВИТИИ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 1917—1940 гг.

В. Г. Макуров

На всех этапах социалистического строительства Европейский Север занимал исключительно важное место в обеспечении страны древесиной, что во многом определяло социально-экономический облик данного региона. Существенную роль в становлении и развитии здесь лесной промышленности играло местное крестьянство, которое в массовых масштабах участвовало в лесозаготовках в качестве сезонных рабочих и одновременно являлось одним из основных источников формирования постоянных кадров лесозаготовителей. Специальных исследований, посвященных названной выше теме, не проводилось, (некоторый материал об участии северного крестьянства в развитии лесной промышленности 1917—1940 гг. содержится в ряде специальных и обобщающих работ по истории Севера)[1] и данная публикация представляет собой попытку в какой-то мере восполнить этот пробел.

Лесозаготовки на Европейском Севере России имеют многолетнюю историю. Накануне первой мировой войны в трех северных губерниях (Архангельской, Вологодской, Олонецкой) было всего 428,2 тыс. крестьянских хозяйств, из них 362,6 тыс. занимались разными промыслами, в том числе более 100 тыс. крестьян нанимались к лесопромышленникам сезонными рабочими на лесозаготовки и сплав, на выкатку и штабелевку леса на лесозаводах[2]. По ленинскому определению, лесные рабочие представляли из себя «одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях»[3].

Начало коренным преобразованиям в лесной промышленности положила социалистическая революция. Основы их закладывались принятым 26 октября 1917 г. II Всероссийским

съездом Советов Декретом о земле[4] и Декретом о лесах, утвержденном ВЦИК 27 мая 1918 г.[5] Деятельное участие в разработке и проведении советской лесной политики принимал В. И. Ленин, который неоднократно обращал внимание на необходимость скорейшего освоения и вовлечения в хозяйственный оборот северных лесных богатств, занимался вопросами, связанными с организацией и увеличением лесозаготовок на местах, обеспечения их инструментом и рабочей силой и т. д.[6]

В первые годы Советской власти все имевшиеся трудовые и материальные ресурсы пришлось мобилизовать для нужд обороны, и одной из главных военно-хозяйственных задач являлось обеспечение «самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества топлива..., в первую очередь дров, дров и дров»[7]. На Севере в 1917—1918 гг. появились лесные трудовые артели из крестьян, которые действовали на кооперативных началах, а затем к заготовке дров стало привлекаться все трудоспособное население в порядке трудовой повинности и мобилизации. О прилагавшихся усилиях говорит тот факт, что только в Олонецкой губернии на лесозаготовках в сезон 1918/19 г. работали свыше 68 650 чел.[8]

После окончания гражданской войны для скорейшей ликвидации разрухи и подъема экономики требовалось не только обеспечить внутренние потребности страны в лесоматериалах, но и создать валютный фонд за счет лесоэкспорта, и здесь не было «объекта более удобного для нас экономически, чем леса на дальнем Севере...»[9]. В условиях перехода к новой экономической политике происходили существенные изменения форм и методов управления отраслями производства на основе принципов демократического централизма и планомерного использования товарно-денежных отношений. Постановлением СТО от 17 августа 1921 г., подписанным В. И. Лениным, «для управления лесной промышленностью Северо-Беломорского района и эксплуатации его лесных богатств» был создан первый в стране лесной трест «Северолес»[10]. Позднее на Севере возникли тресты «Кареллес» (1922 г.), «Печорлес» и «Коми-Северолес» (1925 г.).

Советские и хозяйственные организации северных районов проводили большую работу по привлечению на лесозаготовки в качестве сезонных рабочих десятков тысяч местных крестьян. Районные конторы трестов заключали с ними индивидуальные и коллективные договоры, вновь возродилась лесная кооперация, создавались трудовые артели. В Архангельской губернии трудоспособное население «особенно в районах развернутых лесозаготовок (было) использовано до конца», поднимались «на ноги широкие массы крестьянства», в лесу работали от 30 838 чел. в 1925/26 г. до 50—60 тыс. чел. в 1928/29 г., в том числе ежегодно в среднем около 35—40 тыс. местных крестьян[11]. На лесозаготовках Вологодской губернии насчитывалось более

20 тыс. чел.[12] Заготовка древесины в Коми крае производилась полностью силами крестьян-сезонников: в сезон 1924/25 г.— 18 400 чел., а в 1928/29 г. — 29 540 чел.[13] В лесозаготовках и сплаве участвовали 87,6% крестьянских хозяйств Карелии, из которых ежегодно состояли свыше 2/3 всех лесозаготовителей республики. Если в 1926/27 г. по основному здесь тресту «Кареллес» были заняты 9 200, то в 1927/28 г. — 15 400 местных крестьян[14].

Итогом напряженных усилий северян стало значительное увеличение объема заготовки древесины. В Карелии в сезон 1924/25 г. он достиг 2 900 тыс. м³, в 1,7 раза превысив дореволюционный уровень и втрое — уровень 1921 г., а в сезон 1928/29 г. — уже 4 721 тыс. м³[15]. Коми край в 1924/25 г. дал 1174,7 тыс. м³ леса, превзойдя дореволюционный уровень на 63%[16]. Трест «Северолес» довел объем лесозаготовок в 1928/29 г. до 7 192 тыс. плотных кубометров. Большая часть северной древесины шла на внешний рынок: только на долю «Северолеса» приходилось 60% лесоэкспорта государственных трестов, который приносил миллионы рублей прибыли валютой, использовавшиеся для закупки промышленного оборудования за границей и экономического возрождения страны[17].

Существенные изменения в лесной промышленности происходили в годы первых пятилеток. В соответствии с постановлениями СТО от 12 июля 1929 г. «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности»[18] и от 27 августа 1929 г. «О перспективном плане развития лесного хозяйства и лесной промышленности СССР за пятилетие 1928/29—1932/33 г.»[19] вместо районных контор по набору рабочей силы создавались предприятия нового типа — лесопромышленные хозяйства (леспромхозы), подведомственные трестам на правах самостоятельных хозяйственных единиц. Так, на Севере возникли десятки леспромхозов, в том числе 17 в тресте «Кареллес» и 8 — «Комилес»[20]. Это имело большое значение для преобразования лесозаготовок из сезонного промысла в постоянно действующее индустриальное производство.

С образованием леспромхозов, наряду с привлечением сезонной рабочей силы, на лесозаготовках стали создаваться постоянные кадры, источником пополнения которых являлось, прежде всего, местное крестьянство, а также население из других районов страны в порядке переселения и оргнабора. На 1 января 1933 г. в лесной промышленности Карелии насчитывалось до 5 780 кадровых рабочих. Если учесть, что 1 760 чел. прибыли в это время из-за границы (Канады и Финляндии), то из оставшихся 4 020 чел. более половины являлись коренными жителями (крестьянами)[21]. На 1 марта 1932 г. в Коми крае число кадровых лесозаготовителей составляло 2 254 чел. (8,2% к общему числу работавших) в основном из местного крестьянства[22]. Примерно такое же положение наблюдалось и в других районах Севера.

Принятые в дальнейшем дополнительные меры способствовали решению кадровой проблемы в северных леспромхозах, что убедительно подтверждают имеющиеся данные по Коми АССР. За годы второй пятилетки в крупнейшем тресте «Комилес» число постоянных рабочих увеличилось в 4 раза и в 1937 г. составляло 5 100 чел., но преобладали еще сезонные рабочие — 6 200 чел. За 1938—1940 гг. среднегодовое число занятых на лесозаготовках республики возросло с 16 200 до 27 540 чел., т. е. примерно в 1,7 раза, а число постоянных кадров — более чем вдвое и достигло 63% ко всем лесозаготовителям[23]. Преобладающую часть как постоянных, так и сезонных кадров составляли выходцы из крестьян: в 1933 г. — 87,6%, в том числе из колхозников — 28,3%, в 1934 г. — соответственно — 90,3 и 44,8%, в 1935 г. — 93,3 и 64,8%. Прибывшие в порядке оргнабора из других районов страны составляли в 1937 г. менее 22% постоянных кадров, а например, по тресту «Вычегдасплав» в 1940 г. всего лишь 7%[24].

Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Севера. По системе Наркомлеса[25] на лесозаготовительных предприятиях Карелии число постоянных кадров возросло за второ пятилетку с 5 780 чел. до 12 424 чел. и до 18 150 чел. на 1 января 1941 г. (Следует заметить, что здесь стало привлекаться больше рабочей силы извне республики: так, в первом квартале 1937 г. среди сезонных рабочих имелось 6 411 чел. из местного и 11 842 чел. из приезжего населения[26]). По основным лесосырьевым трестам Архангельской области к концу 1940 г. насчитывалось 35 624 рабочих, из них постоянных кадров — 25 264 чел., или 68%[27]. Постоянные кадры лесной промышленности Вологодской области в 1938 г. составили 11 113 чел., или 44% ко всем рабочим[28]. В 1940 г. только по одному тресту «Вологдалес», из трех имевшихся, насчитывалось 7 120 постоянных рабочих (52% ко всем рабочим), и кроме того, тысячи колхозников направлялись на сезонные работы[29].

Северные крестьяне, издавна занимавшиеся лесозаготовками, являлись наиболее опытными и квалифицированными в составе постоянных и сезонных рабочих лесной промышленности. В первых рядах развернувшегося на лесозаготовках с 1935/36 г. стахановского движения шел С. А. Первышин — бывший колхозник из Верхне-Тоемского района Архангельской области, награжденный орденом Трудового Красного Знамени[30]. На всю Вологодскую область были известны ударным трудом А. Ф. Шорохова — колхозница, работавшая в Лежском леспромхозе, и В. И. Ратников — лесоруб Кадуйского леспромхоза, выполнявший нормы на 600%[31]. Школой передового опыта стала делянка лесоруба П. П. Готчиева в Медвежьегорском леспромхозе Карельской АССР[32]. По-стахановски работали тыся-

чи других лесозаготовителей — выходцев из северных деревень и колхозов.

Таким образом, в 1917—1940 гг. основные задачи развития лесной промышленности северных районов решались благодаря местному крестьянству. Объем вывозки древесины на Европейском Севере достиг в 1940 г. 42,8 млн. м³, увеличившись по сравнению с дореволюционным периодом в 5—6 раз по Карелии, Архангельской и Вологодской областях и почти в 10 раз по Коми АССР. На регион приходилась шестая часть производства лесоматериалов и до половины лесного экспорта в СССР[33]. Дав стране сотни миллионов кубометров древесины на внутренние нужды и экспорт, северяне внесли существенный вклад в общее дело строительства социализма.

Говоря о важной роли северного крестьянства в развитии лесной промышленности, уместно привести следующую выдержку из материалов IX сессии Верховного Совета СССР II созыва (май 1988 г.), рассматривавшей вопрос о проекте Закона о кооперации в СССР: «Мы все в долгу у сельского труженика. Если быть объективным, то вся наша индустриализация, наука и культура — исторически на плечах деревни...»[34].

* * *

1. Киселев А. А. Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926—1940 гг.): Дис. докт. ист. наук.— Л., 1975; Пятовский В. П. Преображенный Север.— Мурманск, 1974; Промышленные рабочие Коми АССР. 1918—1970.— М., 1974; Очерки истории Карелии.— Петрозаводск, 1964.— Т. 2. и др.
2. История северного крестьянства.— Архангельск, 1985.— Т. 2.— С. 241.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 528.
4. Декреты Советской власти.— М., 1957.— Т. 1.— С. 17—20.
5. Декреты Советской власти.— М., 1959.— Т. 2.— С. 312—329.
6. Ленин и Север (Сб. документов и материалов).— Архангельск, 1969.— С. 55, 108, 143, 147, 151; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.— Т. 11. Июль—ноябрь 1921.— М., 1980.— С. 150, 212, 253, 333, 368.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 306.
8. Борьба за укрепление и упрочение Советской власти в Карелии. Сб. док. и мат.— Петрозаводск, 1957.— С. 338—340, 342.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 42.— С. 111.
10. Архангельская область в период восстановления народного хозяйства . 1921—1925 гг. (Сб документов).— Архангельск, 1980.— С. 62—64.
11. История индустриализации Северного района.— Архангельск, 1970.— С. 108, 165, 166; Киселев А. А. Формирование рабочего класса на Европейском Севере СССР в годы социалистической индустриализации // Вопросы истории Европейского Севера.— Петрозаводск, 1974.— С. 55.
12. Очерки истории Вологодской организации КПСС.— Вологда, 1969.— С. 323.
13. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней.— Сыктывкар, 1978.— С. 260; Промышленные рабочие Коми АССР.— С. 50.
14. Рыбак Е. Д. Обеспечение лесозаготовительной промышленности Карелии рабочей силой в начальные годы индустриализации // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии.— Петрозаводск, 1976.— С. 125, 131, 132; ЦГА КАССР,

15. Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Тр. Карельск., фил., АН СССР.— Петрозаводск, 1959.— Вып. 19.— С. 47; Очерки истории Карелии.— Т. 2.— С. 183—184.
16. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней.— С. 260.
17. Рапопорт Ю. М. Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917—1925 гг.— Л., 1984.— С. 197; ГААО, ф. 1322, оп. 1, д. 300, л. 150.
18. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1929 год, № 47, ст. 418.
19. Там же, № 59, ст. 550.
20. ЦГА КАССР, ф. 286, оп. 8, д. 707, л. 152—152 об.; ЦГА Коми АССР, ф. 144, оп. 1, д. 16, л. 15—16.
21. ЦГА КАССР, ф. 700, оп. 1, д. 1555, л. 1; Социалистическая индустриализация Карельской АССР.— М.— Л., 1935.— С. 205.
22. Промышленные рабочие Коми АССР.— С. 54.
23. Очерки по истории Коми АССР.— Т. 2.— С. 208; Промышленные рабочие Коми АССР.— С. 118—119.
24. Промышленные рабочие Коми АССР.— С. 91, 117.
25. Всего на лесозаготовках северных районов по всем ведомствам и наркоматам насчитывалось значительно больше рабочих. См.: История индустриализации Северного района.— С. 587.
26. ЦГА КАССР, ф. 700, оп. 1, д. 1520, л. 13; д. 155, л. 11; д. 1558, л. 19; ф. 2716, оп. 1, д. 224, л. 51.
27. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, д. 733, л. 5—6.
28. ГАВО, ф. 1932, оп. 1, д. 140, л. 7; д. 1713, л. 23; Красный Север, 1938, 24 и 29 июня.
29. ГАВО, ф. 1727, оп. 4, д. 23, л. 76; Красный Север, 1940, 19 октября.
30. ЦГАОР СССР, ф. 5467, оп. 30, д. 11, л. 5—6; Очерки истории Архангельской организации КПСС.— Архангельск, 1970.— С. 198.
31. Красный Север, 1938, 1 февраля; 1939, 22 августа; Фрейдин Г. Я. Лесозаготовки в Вологодской области.— Вологда, 1950.— С. 29.
32. Карелы Карельской АССР.— Петрозаводск, 1983.— С. 189.
33. Подсчитано по данным: Лесная промышленность СССР.— М., 1957.— С. 22, 24; С. 56, 58; Народное хозяйство Коми АССР.— Сыктывкар, 1957.— С. 17 Народное хозяйство Архангельской области.— Архангельск, 1957.— С. 17 и др.
34. Правда, 1988, 25 мая.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ г. СЫКТЫВКАРА В 20—30-е ГОДЫ

М. П. Дмитриков

Своеобразием социально-экономического состояния г. Усть-Сысольска* в 20—30 годы являлось наличие в составе населения значительной доли горожан, тесно связанных с сельским хозяйством. Своими корнями это явление уходит в дореволюционное прошлое. Возникнув как уездный центр (в 1780 г.) на месте сельского поселения, Усть-Сысольск со временем превратился в сравнительно крупный уездный городок. В 1913 г. из 1 004 городов Российской империи по числу жителей он занимал 690-е место. Из 6,3 тыс. усть-сысольских горожан по сословной принадлежности подавляющее большинство в 1914 г. составляли мещане (87,9%) и крестьяне (5,37%), т. е. трудовые массы населения, и незначительную часть — чиновники, купцы, духовенство, дворяне. Основным занятием мещан и крестьян являлось земледелие и промыслы, что было,в частности, обусловлено крайне слабым развитием промышленности, представленной небольшими кустарно-ремесленными заведениями [1].

На сохранение прочных связей горожан с землей в первые годы Советской власти указывают данные переписи населения от 15 марта 1923 г. В рассматриваемый период горожане четко подразделялись на жителей центральной части города и пригородных слободок (Кируль, Кодзвиль, Тентюково и др.). В 1923 г. из 4 466 человек «самодеятельного» (трудоспособного) населения г. Усть-Сысольска в слободках проживало 39% горожан этой категории. Согласно переписи в общей численности «самодеятельного» населения земледельцы составляли в центре города 41%, ремесленники и рабочие —6%, прочие (в большинстве служащие)—53%, в пригородных слободках соответственно —88,3 и 9%. В целом же в Усть-Сысольске подчерк-

* 26 марта 1930 г. переименован в г. Сыктывкар. До 40-х годов был единственным городом в Коми АССР.

нем, сельское хозяйство было основным источником существования у 59% трудоспособного населения. Ремесленники и рабочие составляли лишь 5% [2].

Представление о социально-профессиональных группах и связях жителей города с сельскохозяйственным производством дополняет семейная перепись городского населения 1926 г. (без учета пригородных селений Тентюково, Давпон и др.). Были обследованы 971 семья и 871 одиноких, всего 4 577 человек (далее под термином «семья» приводятся данные по семьям и одиночкам совокупно). Критерием для отнесения наличного населения (семей) к той или иной группе служило то, каким было основное трудовое занятие главы семьи. Согласно переписи группа служащих (с членами семьи) составляла 58% постоянных жителей. Значительность этой группы объяснялась тем, что Усть-Сысольск из обыкновенного уездного городка стал центром обширной Коми автономной области (22 августа 1921 г.). Семьи, у которых главным трудовым занятием являлось сельское хозяйство, объединяли более 20% жителей. В семьях рабочих сосредоточилось лишь 6,3 % жителей, что являлось следствием неразвитости городского хозяйства. В составе горожан имелась и такая группа, как «хозяева с наемными рабочими» в сельском хозяйстве и промышленности (1,9%) [3].

Семейная перепись 1926 г. выяснила также связи разных групп населения г. Усть-Сысольска с сельским хозяйством (наличие своей земли, участие в полевых работах). Земельные владения в деревне имели 980 семей или 53% от общего числа обследованных семей, включавших 47% городского постоянного населения. Из имевших землю в 1926 г. в полевых работах участвовало 31% семей, что свидетельствовало об устойчивой связи горожан с земледелием. Наибольшее тяготение к земле и ее обработке обнаруживалось у семей служащих и у лиц, работавших в промышленности, в торговле, работавших в качестве «личной прислуги». Кроме того, 16,4% семей (20% жителей) занималось исключительно сельским хозяйством, служившим им главным источником существования [4].

Индустриальное развитие Сыктывкара, его статус столицы, административного и культурного центра Коми АССР вызвали значительный рост численности населения с 8,2 тыс. в 1926 г. до 30,1 тыс. человек в 1939 г., или в 3,7 раза [5]. За годы довоенных пятилеток произошли глубокие перемены и в социальном составе сыктывкарцев.

В 30-е годы по-прежнему выделялся аграрный сектор Сыктывкара, именовавшийся в переписи населения 1939 г. «Сыктывкарский горсовет — сельские местности». Сельскохозяйственная зона располагалась вокруг центра города по радиусу в 2—6 км до населенных пунктов на территории Тентюковского и Кочпонского сельсоветов, образованных горсоветом в 1930 г.

В нее входили более десятка слободок, деревень и починков, большинство населения которых в 20-е годы жило за счет труда в сельском хозяйстве. Особенностью Сыктывкара как города в то время было то, что в аграрный сектор входила также часть населения, проживающая непосредственно в городской черте. В годы первой пятилетки наметился заметный подъем в социально-экономическом развитии Сыктывкара. Возросли потребности в работниках промышленности, на транспорте и строительстве, в торговле, в государственных учреждениях, в социально-культурной сфере. Поэтому уже в 1929—1930 гг. в горсовет и сельсоветы от сыктывкарцев поступило много заявлений об освобождении их от земельных наделов. Начался отток занятых в сельском хозяйстве в другие отрасли народного хозяйства. Одновременно с этим процессом горсовет в целях создания продовольственной базы Сыктывкара в феврале 1930 г. организовал крупный колхоз «Коммуна югӧр» («Заря коммунизма»), на основе которого в 1935 г. на городской территории окончательно оформились семь колхозов. В июне 1937 г. в них состояло 95% бывших единоличных хозяйств, или 571 хозяйство[6].

Итоги происшедших изменений в аграрном секторе Сыктывкара можно подвести по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. Перепись велась раздельно по центру города и его «сельским местностям», что позволяет привести более подробные сравнительные данные, а именно: в первой части города проживало 25,2 тыс., во второй — 4,8 тыс. человек (к общей численности населения 84 и 16%). В середине же 20-х годов в сельской местности проживало более 40% горожан. Однако в центральной части Сыктывкара в 1939 г. насчитывалось 394 работающих колхозников, а в его местечках и деревнях — 662 колхозника. Большой интерес представляет состав социальных групп населения, сложившийся к данному времени в результате экономического и социального развития Сыктывкара за 30-е годы (см. таблицу).

Социальный состав населения г. Сыктывкара по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.*

Социальные группы	В том числе	
	Кол-во жителей (с семьями)	Имеющие занятия
Рабочие	13 363	7 867
Служащие	12 011	5 459
Колхозники	3 707	1 056
Кооперированные кустари	395	222
Некооперированные кустари	411	145
Крестьяне-единоличники	129	37
Неуказавшие социальную группу	86	—
Итого	30 102	14 786

* ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 986, л: 3 об., 4 об.

Данные переписи населения показывают, что в Сыктывкаре окончательно сформировались три основные социальные группы, численность которых по сравнению с 20-ми годами значительно изменилась. На первое место среди сыктывкарцев, имеющих занятия, выдвинулись рабочие (53,2%), большую социальную группу составляли служащие (37%), третьей по численности являлась группа колхозного крестьянства (7,1%). Материалы переписи населения, в данном случае имеющего занятия, показывают также различное соотношение долей основных социальных групп в численности жителей в центральной части города и в его «сельских местностях». В центре Сыктывкара доля рабочих составляла 55%, служащих — 39,4, колхозников — 3,1%, а на периферии соответственно — 43,7, 23,4 и 28,2%.

Представление об аграрном секторе Сыктывкара было бы не полным, если учитывать лишь колхозников. Дело в том, что многие горожане имели в качестве главного трудового занятия работу в личном подсобном хозяйстве, в пригородных совхозах, в овощном хозяйстве (тресте) Сыктывкарского горсовета. Таким образом, общая численность занятых в сельском хозяйстве в 1939 г. составляла 1 412 человек, или 9,5% трудоспособного населения Сыктывкара. Причем, в городе насчитывалось только 37 единоличных крестьянских хозяйств, иначе говоря, 0,2% трудоспособного населения[7].

В результате промышленного равития, установления колхозного строя в предвоенные пятилетки изменился социальный облик Сыктывкара: исчезли эксплуататорские элементы. Из небольшого городка Сыктывкар превратился в крупный промышленный, культурный и административный центр Коми АССР, что подтверждается большой численностью рабочих и служащих.

Своеобразием Сыктывкара как города являлось то, что в его экономике заметное место занимал аграрный сектор, в котором главной производительной силой в конце 30-х гг. было колхозное крестьянство. В предвоенные годы колхозы в основном обеспечивали потребности Сыктывкара в картофеле, оказывали помощь в снабжении овощами, молоком, мясом и другими сельхозпродуктами.

* * *

1. История Сыктывкара.— Сыктывкар, 1980.— С. 51—55.
2. ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 216, л. 5.
3. Коми му.— 1928.— № 2 (48).— С. 30.
4. Коми му.— 1928.— № 2 (48).— С. 31, 33.
5. Коми область: Краткий стат. справочник.— Сыктывкар, 1929.— С. 15; ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2 д. 986, л. 40.
6. ЦГА Коми АССР, ф. 12, оп. 1, д. 112, л. 23, д. 283, л. 18; д. 316, л. 78; ф. 140, оп. 2, д. 762, л. 33.
7. Подсчитано по: ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 986, л. 1—4.

№ 112 1989

РАБОТА КОМСОМОЛЬСКИХ ЯЧЕЕК КОМИ ОБЛАСТИ ПО ВОСПИТАНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (1921—1929 гг.)

Т. А. Киросова

Комсомольские организации накопили богатый опыт работы на различных участках социалистического строительства. Важное место в нем занимает деятельность комсомола по развитию общественно-политической активности молодежи. Приобщение молодежи к сознательной государственной и общественной работе партия рассматривает как одно из необходимых условий дальнейшего продвижения нашего общества вперед [1].

Внимание комсомола к юношеству деревни объяснялось тем, что подавляющее большинство молодых людей в стране относилось тогда к сельскому населению (более 24 млн. из 30,8 млн. человек в возрасте от 14 до 24 лет, принятом за молодежный по переписи 1929 г.) [2]. Особую сложность представляла эта работа в национальных районах страны, где вековую крестьянскую темноту усугубляли патриархальный быт и предрассудки. В Коми области их дополняли разбросанность населения на огромной территории, отсутствие путей и средств сообщения, телеграфной связи и определенная сложность в кадровом вопросе.

В сложившейся ситуации большая роль отводилась молодежи. Об этом шел предметный разговор на V областной партийной конференции (март-апрель 1924 г.): «У нас в области рабочих почти нет, крестьянство — пожилое, консервативное. Значит, на них ставку делать мы не можем. Остается крестьянская молодежь, которую должны привлекать через союз молодежи. Быт этой молодежи иной, чем в крестьянских губерниях, работа среди них гораздо сложнее»[3].

В рассматриваемый период комсомольская организация Коми области представляла собой типичную организацию деревенских ячеек. Осенью 1922 г. она состояла из 98 ячеек, 77 из которых были деревенскими и насчитывали по 5—6 человек каждая [4]. По социальному составу: крестьян-подростков, работающих в своем хозяйстве — 52%, учащихся — 20, служащих — 24 и около 5 процентов рабочих, занятых непосредственно на производстве [5]. В последующие годы рост численности идет в основном за счет крестьянства. На 1 августа 1928 г. из 178 комсомольских ячеек только шесть состояли из рабочей молодежи, 13 были учрежденческими, остальные — сельскими [6]. На 1 января 1929 г. в рядах РКСМ насчитывалось 3825 человек. Из общего количества комсомольцев по социальному положению являлись батраками — 5,5%, бедняками — 56, крестьянами-середняками 27,9, рабочими —5, служащими —5,6% [7].

НЭП создал благоприятные предпосылки для быстрого подъема сельского хозяйства. Одновременно быстрее пошел процесс классового расслоения крестьянства. Учитывая изменившуюся обстановку, в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) определил основные задачи союза [8], решить которые только силами деревенских ячеек было невозможно.

В Коми области решение о шефстве над селом было принято в январе 1923 г.[9]. Вначале в этой работе участвовала учащаяся молодежь. На III Коми областной конференции РКСМ было принято решение о направлении выпускников совпартшколы в деревню [10], о командировании комсомольцев из городских организаций на низовую деревенскую работу [11]. В течение этого года по области были проведены курсы-съезды и Дни крестьянской молодежи. Через свои ячейки комсомол влиял на массы крестьянской молодежи, а через них — на все крестьянство.

Эту огромной трудности работу комсомольцы села начинали с «малых» дел: с коллективной запашки земли, с ремонта школ, клубов, дорог. Следуя призыву В. И. Ленина «развивать огороды»[12], ячейки считали своим долгом иметь «комсомольские огороды», «комсомольские десятины», используя для этого пустующие земли.

Постепенно авторитет ячеек в деревне укрепился. Все чаще селяне доверяли молодым ответственные посты в Советах, правлениях кооперативов, кассах взаимопомощи. Так, в 1924 г. среди членов исполкомов области было 30 членов РКСМ, членов ЕПО — 8, в ревизионных комиссиях — 12, комитетах взаимопомощи — 32, в уисполкомах — 9, в других органах 26 человек [13].

Комсомольцы активно работали в Советах, вели массово-политическую работу во время предвыборных кампаний. Подводя итоги перевыборов Советов в 1927 г., Пленум ОК ВКП(б) отметил организованное участие в предвыборной кампании «только со стороны комсомола». Абсолютное число партийцев и комсомольцев в сельских советах увеличилось с 1925—1926 гг. по 1926—1927 гг. с 14 до 174 человек [14].

Новое поколение крестьян было смелее и решительнее настроено, не чуждалось перемен. Поэтому первые артели и коммуны объединяли более молодую часть деревни.

Нередко комсомольцы становились и председателями сельскохозяйственных коллективов. По инициативе комсомольцев и при их участии только в 1929—1930 гг. было создано 45 колхозов [15], к маю 1930 г. в колхозах состояло 50% членов областной комсомольской организации [16].

Таким образом, 20-е годы явились периодом энергичных поисков и практической проверки разнообразных форм деятельности комсомольских организаций по приобщению крестьянской молодежи к общественно-политической жизни. Рост численности, организационное укрепление деревенских ячеек, активное участие в повседневной жизни села обеспечили их роль в политической жизни деревни.

* * *

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 58; Горбачев М. С. Молодежь — творческая сила революционного обновления. (Выступление на XX съезде ВЛКСМ).— М., 1987; Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС.— М., 1988.— С. 66—68.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г.— М., 1930.— С. 612.
3. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 1.
4. ПАКО, ф. 70, оп. 1, д. 30, л. 2.
5. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 1.
6. Давыдов В. Н. Общественно-политическая жизнь коми деревни в 1926—1927 гг. // Общественно-политическая жизнь сельского населения Коми АССР. / Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР.— Сыктывкар, 1982.— Вып. 25.— С. 9.
7. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 43.
8. КПСС в резолюциях... Изд. 9-е.— М., 1984.— Т. 3.— С. 275—276.
9. ПАКО, ф. 70, оп. 1, д. 54, л. 17.
10. Там же, л. 18.
11. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 39.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 316.
13. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 179.
14. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 3, л. 8.
15. ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 382, л. 28.
16. ПАКО, ф. 70, оп. 1, д. 346, л. 75.

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РСФСР: КОМПЛЕКС ИЛИ КОНГЛОМЕРАТ?

Ч. Э. Сымонович

От недавнего прошлого нами было унаследовано немало терминов и концепций, не выдержавших столкновения с правдой, как мы ее понимаем сегодня. От одних отказались сразу, другие сохраняются в обороте, но уже не как характеристика реального явления, а скорее в качестве обозначения цели. Таков, в частности, термин *АПК, т. е. агропромышленный комплекс.* Все, что говорится об АПК, раскрывает содержание этого термина, так сказать, со знаком минус.

«Комплекс буквально зажат в тисках диспропорций...между производственной и социальной сферами, сельским хозяйством и переработкой его продукции, между животноводством и кормопроизводством, тракторным парком и обрабатывающими орудиями...»[1]. Ни о гармонии, ни об эквивалентности отношений в аграрном секторе как о реальности говорить пока не приходится[2]. Что же остается от понятия «комплекс»? Очень мало.

Но как же тогда возник этот многообещающий термин? Официальная его хронология такова: «...Центральный Комитет КПСС на своем июльском (1970 г.) Пленуме выработал широкую комплексную программу развития сельского хозяйства». Через пять лет считалось, что агропромышленный комплекс в стране — это уже реальность, что дело теперь за улучшением сотрудничества в нем[3]. Год 1978-й принес обозначение промышленности, обеспечивающей сельское хозяйство, и составляющей вместе с водным хозяйством, сельским строительством и перерабатывающими отраслями: «индустриальный комплекс»[4]. С тех пор прошло еще десять лет. Причем половина этого срока — после майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, когда началась «перестройка в сельском хозяйстве и пищевых отраслях промышленности»[2]. Она выразилась сначала в административном объединении значительной части предприятий и организаций, составивших, как считалось, комплекс[5].

Кем считалось? Прежде всего авторами работ, выходивших из недр Министерства сельского хозяйства в 70-е годы. Но и «независимая» наука была, как говорится, не без греха. До последнего времени искали глубокие корни АПК то в Октябре 1917 г., то в коллективизации, то в первых послевоенных годах [6]. Первым (и часто — единственным) доказательством наличия комплекса служили большие цифры поставок селу техники и минеральных удобрений. Экономисты и математики бились над неразрешимой задачей создания оптимальных моделей хозяйств, находившихся вне нормальных условий развития [7]. Трактовка: «АПК — совокупность отраслей», появившаяся в 1972 г., почти дословно повторяется до сих пор, правда, с упоминанием о пропорциональности [8].

В отличие от этих экономических и историографических мечтаний об АПК, некоторые авторы на местах успешно разрабатывали свои конкретные подходы к проблеме. С конца 50-х годов делались попытки раскрыть взаимосвязи отраслей, например, в рамках района [9]. Методически ценным представляется использование коэффициентов сформированности АПК. В Поволжье они были близкими к показателям РСФСР, а именно:

— показатель взаимосвязи I и II сфер, т. е. материальные затраты сельхозпроизводства (без амортизации и внутриотраслевой торговли), отнесенные к конечной продукции сельского хозяйства — 40%;

— показатель взаимосвязи II и III сфер, т. е. конечная продукция сельского хозяйства по отношению к валовой его продукции — 35%.[10]

Хорошо, что экономисты владели хотя бы такой информацией. Нам же приходилось сравнивать лишь темпы роста в 60-е — середине 80-х гг. показателей отраслей, сгруппированных по сферам АПК РСФСР. Судя по опубликованной статистике,[11] рост потребления мяса и молока в эти годы был обусловлен ростом производства этих продуктов в сельском хозяйстве, а не более быстрым ростом их переработки пищепромом. А производство? Увеличением выпуска техники для кормопроизводства и животноводства в 2—3—4 раза? Улучшенным кормлением? Нет. В основном — ростом поголовья и лишь отчасти — ростом продуктивности. То есть: большая, если не большая часть вложений в развитие технической базы отрасли ушла не на интенсивный рост, а на поддержание уровня 50—60-х годов путем повышения производительности труда оставшихся в животноводстве работников.

Удельный вес занятых в сельском и лесном хозяйстве сократился за 1960—1985 гг. вдвое. Не имея сопоставимых данных о числе занятых в АПК в 1940 и 1960 гг., предполагаем, что здесь сокращения такого не было. И не только потому, что многие сельхозники переместились в другие сферы АПК, но и из-за огромного роста сельхозповинности, в которую выродилось

шефство. По стране «привлеченные» работники отдали сельскому хозяйству в 1987 г. 95,6 млн. человеко-дней! [12] Иначе говоря, в деревне, на полях и фермах каждый день работало около 400 тыс. людей из других отраслей.

Перемещение миллионов сельских жителей в города, отказ части оставшихся от ведения личного подсобного хозяйства, изменения потребностей объясняют ускоренный рост товарооборота продукции сельского хозяйства по сравнению с ростом ее производства. Правда, мы не должны отождествлять купленную продукцию с потребленной. Но, если вес очисток от картофеля Госстатистика учесть не может, то разницу между сбором и продажей она дает. Потребление было в РСФСР в 1960 г. 8,3 млн. т. овощей, а произведено — 8,1. В 1985 г. — соответственно 13,9 и 11,1 млн. т. Разница покрывалась, конечно, за счет ввоза. Откуда? Нет ответа. Отсутствие данных о межреспубликанском обмене — непростительный пробел. И не только с точки зрения экономиста.

Через хозрасчет предприятий, в том числе аграрных, мы придем к хозрасчету областей и регионов. А пока его нет, надо хотя бы знать, какие области вынуждены были отдать часть своих доходов, чтобы покрыть убытки предприятий, например, Новгородской области, составившие в 1987 г. полмиллиарда рублей [13]. Пример этот взят не случайно. Одна из главных причин убыточности области — непродуманная по масштабам и отраслям индустриализация, подкосившая местные колхозы и совхозы. Так что и в этом, более широком смысле, говорить о комплексном развитии многих территорий не приходится.

Однако, если бы и были обнародованы все цифры, которые нужны для изучения АПК, потребовалось бы их просеивание через сито научной критики. Сами статистики признают, что для повышения достоверности отчетных данных нужны контакты с органами прокуратуры, народного контроля, участие статистиков в территориально-комплексных проверках. Контроль за достоверностью данных о посевных площадях возможен только из космоса. Местным работникам не хватает новых ясных инструктивных материалов, методических разработок, ориентирующих на получение правдивой информации. Ведь и в 1987 г. при расчете потребления мяса за таковое считали 1,6 млн. т. жира — сырца и субпродуктов II категории [14]. Итак, мы видим, что традиционная политэкономия и историография, лишенные в 70-е — начале 80-х гг. верных методологических ориентиров и источниковой базы, ограничились декларацией относительно сформированности АПК.

Более перспективными были плоды раздумий экономистов об этапах развития мировой деревни и мирового города, сельского хозяйства и индустрии, их параллельного развития, когда они попеременно питают и вздымают друг друга [15]. Таким образом, начинали преодолевать одну из главных бед нашей исто-

риографии, которая заключалась в том, что, если и сравнивали мировой и советский опыт, за эталон брали «наш». Теперь среди важнейших черт нового исторического мышления для историков СССР — поиск той, не всегда самой крутой и выигрышной клетки в таблице мирового развития, которую мы занимали. Иначе мы обречены на парадоксальный поиск полезных подходов, методики изучения формирующихся у нас агропромышленных комплексов в учебнике по аграрной экономике Запада для иностранцев [16]. Дело в том, что там есть *сформировавшийся* объект изучения, не затуманенного псевдосоциалистической риторикой.

НТР, огромный свободный рынок, заинтересованность организаторов западной экономики в предельном снижении издержек производства привели к тому, что основателями АПК стали *пищевая промышленность и торговля,* агробизнес. Случайные рыночные отношения его с фермами сменились жесткими *прямыми* связями. Вместо того, чтобы терять от 1/5 до 1/2 разных видов продукции по пути от поля до прилавка, США сосредоточили в III-й сфере (переработка — сбыт) 75,6% занятых и 69,6% стоимости конечного продукта АПК (1980 г.) Но речь надо вести не только о пропорциях. Обратимся к формам присвоения чужого труда в капиталистическом АПК:

«Ножницы цен». Не надо быть экономистом, чтобы знать распространенность этого явления и в СССР со стороны государственных монополий в области сельхозмашиностроения, мелиоративного строительства, других организаций и ведомств, обслуживающих колхозы и совхозы. Присвоение части продукта, произведенного последними, идет до сих пор. Это одна из причин необходимости реформы цен, и не только в рамках АПК. Если она заставит себя ждать, необходима хотя бы ежегодная компенсация агропрому затрат из-за неоправданного удорожания промышленной продукции [17].

Кредит. Здесь до последнего времени положение было обратным. Сельхозпредприятия, в свою очередь, набирали в неоплатные долги громадные суммы. Выдача ссуд колхозам РСФСР увеличилась за 1965—1982 гг. с 840 млн. до 3 699 млн. руб., т. е. в 4,4 раза [18].

Соглашения о несвободе фермера на рынке сбыта. А это явление,— разве оно не имело прямых аналогий в нашем АПК? Чем иным, кроме «несвободы на рынке» можно было заставить сельхозников производить невыгодную продукцию?

Эксплуатация в самом производстве. (См. выше: «Ножницы цен»). Но дело ведь не только в ценах, но и в качестве услуг производственного характера.

Вертикальная интеграция. Формальное образование АПК, как известно, не избавило колхозы и совхозы от присвоения части их продукта заготовителями и переработчиками.

Покончить с произволом ведомств III-й сферы — таково одно из главных требований села.

Горизонтальная интеграция. Нарушение принципа эквивалентности в отношениях между участниками межхозяйственных предприятий, производственных объединений совхозов и т. д. — также имело место. Оно, правда, было менее болезненным, чем вышеназванные ситуации.

В краткой статье нет возможности подробно аргументировать каждое положение. Да это и не нужно. Достаточно обратиться к научной литературе середины 70-х — середины 80-х гг., не говоря уже о публицистике.

Каков же вывод? АПК СССР и РСФСР являлся комплексом лишь по названию. Не обладая преимуществами западных вариантов АПК (сроки, качество услуг), он нес в себе в ухудшенном (из-за неразвитости, неэкономической, а командной природы хозяйственного механизма) виде его противоречия. В роли коллективного присваивания чужого продукта выступали и выступают не капиталистические монополии, а целые отряды работников ведомств-партнеров. Таким образом, и у нас и на Западе есть совокупности агропромышленных отраслей, находящихся в определенных отношениях, координируемых государством.

По-видимому, главное, что не дает нам считать АПК СССР, РСФСР настоящим комплексом — это, во-первых, непропорциональность его составляющих, и, во-вторых,— разобщенность, слабость элементов II-й сферы, т. е. сельского хозяйства. Только объединенные в масштабах от района до Федерации и Союза колхозы и совхозы могут противостоять и диктату партнеров, и бюрократии в целом, которая осуществляет его «под видом госзаказа, экономических нормативов и других новаций...» [19].

Все ли хозяйства разобщены? Нет, в РСФСР работает 78 агрокомбинатов, 47 агрообъединений и фирм, сотни научно-производственных и производственных систем. Они-то и являются ячейками будущего, подлинного агропромышленного комплекса. Почему? Потому что построены на принципах хозрасчета и самоуправления. Последовательное в кооперативных формах осуществление этих принципов на всех территориальных уровнях уже началось. Формируются ассоциации и консорциумы объединений и комбинатов. «Постепенно выталкиваются те самые посредники между Генеральным секретарем и архангельским мужиком, которые выхолащивают идеи первого, тормозят усилия второго и берут...огромную дань с общества» [20].

Сегодняшняя концепция будущего, подлинного АПК страны и в частности, Российской Федерации такова: внутрихозяйственные кооперативы, в частности, арендные; территориальные и межотраслевые кооперативные объединения и комбинаты из колхозов и совхозов с участием обслуживающих организаций; конкурирующие ассоциации и консорциумы объединений и ком-

бинатов; экономические методы координации их развития, воздействия на аграрное производство со стороны центральных и республиканских органов.

* * *

1. Правда, 1988, 25 декабря.
2. Правда, 1989, 15 января.
3. Материалы XXIV съезда КПСС.— М., 1971.— С. 47; Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976.— С. 53.
4. Ленинская аграрная политика КПСС: Сб. важнейших документов (март—1965 г.— июль 1978 г.).—М., 1978.—С. 100.
5. Сельское хозяйство России.—1987.—№ 11.—С. 5; Плановое хозяйство.—1987.—№ 7.—С. 6.
6. Киселев В. И. АПК: совершенствование хозяйственного механизма.—М., 1985.—С. 23, 24; История СССР.—1985.—№ 6.—С. 5, 53, 56.
7. Вайнштейн С. Ю., Ильюшонок С. Е. Моделирование и оптимизация развития аграрно-промышленных образований.—Новосибирск, 1985.
8. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия.—М., 1972-Т. I.—С. 23; Румянцев А. М. и др. Инструментарий экономической науки и трактовки.—М., 1985. —С. 117.
9. Коссов В. В. Межотраслевые связи сельского хозяйства в районе по линии производственного потребления. Межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве (Труды научного совещания...).—М., 1962. Т. Ш.
10. Социально-экономические проблемы региональной АПК.—М., 1985.—С. 13.
11. Народное хозяйство (далее сокр.: НХ) РСФСР в 1985 г. Стат. ежег..—М., 1986.—С. 5, 19—20, 231 и др.
12. Правда, 1988, 8 мая.
13. Правда, 1988, 10 мая..
14. Нефедов В. Перестраивать статистику АПК //Вестник статистики.—1987.—№ 3.—С. 73—74; Коммунист.—1988.—№ 3.—С. 65; Правда, 1988, 1 сентября.
15. Бенет И. А П К ВНР (Формирование и развитие). (Сокр. перевод с венгерского).—М., 1982; Формирование и развитие народнохозяйственного АПК.—М., 1984.
16. Фудин А. Ф. Экономика сельского хозяйства зарубежных стран: развитые капиталистические страны.—М., 1987.
17. Зельднер А. Ценовые соотношения в обмене между сельским хозяйством и промышленностью //Вопросы экономики.—1987.—№ 5.—С. 107—108.
18. НХ РСФСР в 1981 г. Стат. ежег. М., 1982.—С. 336; НХ РСФСР в 1985 г.—С. 382.
19. Милосердов В. Ключевые звенья агропрома //Правда, 1988, 8 сентября.
20. Улюкаев А. Можно ли хозяйствовать без ведомств? //Коммунист.— № 16.—С. 34.

№ 112 1989

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ КАРЕЛЬСКОЙ АССР ПО РУКОВОДСТВУ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ (1982—1987 гг.)

А. И. Бутвило

Руководство развитием агропромышленного комплекса — важное направление в деятельности Советов народных депутатов, так как от результатов его работы зависит удовлетворение первоочередных жизненных потребностей людей. XXVI съезд КПСС выделил агропромышленный комплекс в качестве самостоятельного объекта планирования и управления и признал необходимым разработать Продовольственную программу СССР на период до 1990 г. Этот долгосрочный комплексный документ был рассмотрен и утвержден майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. Составной частью мероприятий по реализации решений Пленума стала перестройка управления сельскохозяйственным производством, в частности, функций Советов народных депутатов.

Конкретные задачи Советов по выполнению Продовольственной программы были определены в соответствующем Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1982 г.[1] В нем подчеркивалось, что устойчивое снабжение населения продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем — одна из важнейших задач Советов. Для ее решения Советы должны способствовать повышению эффективности сельскохозяйственного производства, успешной деятельности агропромышленных объединений, распространению передового опыта, максимально использовать местные резервы увеличения производства продовольствия, содействуя развитию подсобных хозяйств предприятий, организаций населения. Возросла ответственность Советов за организацию заготовок, хранения, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции. В центре внимания Советов должны находиться вопросы социально-

го развития села. Рассмотрим деятельность Советов народных депутатов Карельской АССР по реализации Продовольственной программы СССР до 1990 г.

К концу 1982 г. была разработана Продовольственная программа Карелии на период до 1990 г. Во исполнение решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС 10 декабря 1982 г. Верховный Совет КАССР образовал Карельское республиканское агропромышленное объединение и его Совет. Семь районных Советов народных депутатов также образовали агропромышленные объединения. В тех районах, где в силу климатических условий сельское хозяйство было развито относительно слабо, сохранялись районные управления сельского хозяйства [2].

Начавшаяся в апреле 1985 г. перестройка всех сфер жизни советского общества позволила осуществить кардинальную реформу управления агропромышленным комплексом страны. Суть ее изложена в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом СССР» от 14 ноября 1985 г.[3]

Выполняя это Постановление, Верховный Совет Карельской АССР в ноябре 1985 г. образовал Государственный агропромышленный комитет КАССР. При этом были ликвидированы Министерство сельского хозяйства Карельской АССР, Госкомсельхозтехника, объединения «Плодовощхоз», дирекция строящихся предприятий, инспекция по закупкам и качеству сельскохозяйственной продукции. В состав Госагропрома КАССР вошли 7 РАПО, 9 районных управлений сельского хозяйства, все совхозы и опытные хозяйства, тресты «Птицепром», «Зверопром», «Дорспецстрой», племобъединение, «Сельхозхимия», объединение мясной и молочной промышленности [4]. Эти меры позволили существенно продвинуться вперед в деле борьбы с ведомственностью. Развитие перестроечного процесса позволило приступить к преодолению еще одного препятствия в деле решения продовольственной проблемы — бюрократизма.

Поиски путей борьбы с бюрократизмом привели к тому, что с 1 апреля 1987 г. были ликвидированы РАПО и вместо них созданы территориальные отделы Госагропрома. А в ноябре 1987 г. в четырех сельскохозяйственных районах республики (Олонецком, Пудожском, Медвежьегорском, Лахденпохском) вообще отказались от какого бы то ни было управленческого аппарата, стоящего над сельхозпредприятиями. Там были созданы агропромышленные объединения, в которые вошли совхозы (кроме звероводческих), молокозаводы и ремонтно-технические предприятия. Все руководство осуществляется советами директоров на основе Закона о государственном предприятии (объединении). Отношения с Госагропромом КАССР строятся на основе госзаказов [5].

Сессии Советов рассматривают и утверждают планы экономического и социального ра[з]вития, показатели по сельскохозяйственному производству. Постоянные комиссии Советов обсуждают различные вопросы деятельности агропромышленного комплекса республики. Примером тому служит деятельность постоянных комиссий Верховного Совета КАССР, которые регулярно рассматривают вопросы развития сельского хозяйства республики [6].

Непосредственной обязанностью Советов народных депутатов всех уровней является содействие развитию личных подсобных хозяйств, вносящих существенный вклад в обеспечение населения продуктами питания. Не является исключением и Карелия. В 1982 г. на долю личных подсобных хозяйств в республике приходилось 5,7% посевных площадей, 14% крупного рогатого скота, 37% свиней. В этом секторе было произведено 52% картофеля, 4,5% овощей, 30% мяса, 18% молока [7]. Однако на протяжении многих лет идет процесс сокращения сельскохозяйственного производства в подсобных хозяйствах населения. К I января 1987 г. по сравнению с 1982 г. поголовье крупного рогатого скота в них сократилось на 3 тыс. голов (с 14 до 10%), свиней — на 4,7 тыс. голов (с 37 до 28%), производство молока — на 6,1 тыс. тонн (с 18 до 13%), картофеля — на 18,2 тыс. тонн (с 52 до 42%) [8].

Анализ причин этого процесса подтверждает правильность вывода, сделанного М. С. Горбачевым еще в 1983 г.: «...без помощи со стороны государства, колхозов и совхозов личное подсобное хозяйство не может нормально функционировать, его деятельность в этих случаях не дает должных результатов, а порой и совсем свертывается. Перспектива развития личного подсобного хозяйства — в углублении его интеграции с общественным производством» [9].

Что же мешает развитию личных подсобных хозяйств? Не хватает пригодных для них площадей, молодняка для продажи населению, удобрений, комбикормов, средств малой механизации, зачастую неразворотлива закупочная система, существуют трудности с обработкой земельных участков, с транспортным обслуживанием. Значительная часть сельского населения, особенно молодежь, утратила навыки и потребность в введении подсобных хозяйств. Не обошла Карелию и проблема пустующих деревень — в 1987 г. в сельской местности пустовало 3 000 домов и приусадебных участков [10].

Начиная с 1985 г. активизируется деятельность Советов по развитию личных подсобных хозяйств. Успешно зарекомендовала себя такая форма работы, как подворные обходы, осуществляемые депутатами сельских Советов. Они позволяют Советам выявлять и устранять трудности в развитии личных подсобных хозяйств. Местные Советы проводят смотры подсобных хозяйств населения. В этих же целях Верховный Совет КАССР провел в 1987 г. анкетирование руководителей совхозов, депутатов, ра-

ботников сельских Советов, позволяющее выяснить, насколько они личным примером воздействуют на отношение населения к личным подсобным хозяйствам.

В 1987 г. Совет Министров КАССР снял ограничения размеров приусадебных участков и установил, что они определяются местными Советами совместно с совхозами с учетом участия сельских жителей в общественном производстве. Госплан республики устанавливает местным Советам план производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах. Районные советы разрабатывают пятилетние планы развития личных подсобных хозяйств. В целях обеспечения населения молодняком в совхозах и подсобных хозяйствах промышленных предприятий открываются репродуктивные фермы. Все большее распространение получает система выращивания скота по договорам с совхозами: в 1986 г. выращивалось 2 200 голов крупного рогатого скота и 450 свиней, в 1987 г. соответственно 2 400 и 1 900 [11]. Чтобы экономически заинтересовать совхозы в оказании помощи личным подсобным хозяйствам, принято решение о зачете сельхозпродукции, сданной населением, в счет выполнения планов совхозов.

Единственным критерием оценки деятельности Советов народных депутатов в области хозяйственного строительства является конечный результат, в нашем случае — обеспечение населения продуктами питания. В 1987 г. в Карелии потребление мяса и молока составило соответственно 84 и 91 % от научно обоснованных норм [12]. Поэтому развитие агропромышленного комплекса республики в целях решения продовольственной проблемы остается приоритетным направлением деятельности Советов народных депутатов Карельской АССР.

* * *

1. Справочник партийного работника.— М., 1983.— Вып. 23.— С. 324—326.
2. Ленинская правда, 12 декабря 1982 г.
3. Справочник партийного работника.— М., 1986.— Вып. 26.— С. 437—446.
4. Карельская АССР: Природа, хозяйство.—Петрозаводск, 1986.— С. 200.
5. Ленинская правда, 15 ноября 1987 г.
6. Ленинская правда, 20 июля 1983 г., 31 июля 1982 г., 22 мая 1982 г.
7. Подсчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР в XI пятилетке: Стат. сб.—Петрозаводск, 1986.—С. 34—39.
8. Подсчитано по: Народное хозяйство Карельской АССР в XI пятилетке....—С. 36—39; Карельская АССР. 1986.: Краткий стат. сб.— Петрозаводск, 1987.—С. 41—44.
9. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. I.— М., 1987.— С. 414.
10. Ленинская правда, 26 июля 1987 г.
11. Ленинская правда, 30 марта 1988 г.
12. Ленинская правда, 6 декабря 1987 г.

РОЛЬ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ КОМИ АССР В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

А. Д. Напалков

В системе органов власти республики сельские Советы самые многочисленные. В Коми АССР 256 городских, районных, поселковых и сельских Советов, из них 181 — на селе (70,7%). Из 10 238 депутатов местных Советов — 4 714 являются избранными в сельские органы власти (46%).[1]

Чрезвычайно высока роль жителей села в решении Продовольственной программы. Поэтому повышение социальной активности сельских избирателей задача актуальная и в ее осуществлении видное место могут занять и занимают сельские Советы народных депутатов.

Проблема Советов в целом находит отражение в научных работах. Достаточно подробно об этом сказано в вышедшем в 1987 г. сборнике научных трудов.[2] Целью же этой статьи является: показать, как сельские органы власти, их депутаты с помощью таких форм, как наказы, отчеты народных избранников перед избирателями, привлекают трудящихся к управлению государственными и общественными делами, повышают активность.

Подчеркивая огромный демократический потенциал Советов, В. И. Ленин говорил: «Эта власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».[3]

Таким образом, развитие социальной активности людей невозможно без открытости власти, без повседневной и прочной связи Советов с трудящимися.

Сегодня сельские Советы имеют в своей практике весьма разнообразные формы привлечения избирателей к своей работе. По данным Президиума Верховного Совета Коми АССР на 1 января 1988 г. на территориях сельских органов власти действуют более 3,6 тыс. общественных самодеятельных организаций трудящихся (женсоветы, ДНД, товарищеские суды и т. д.),

в них состоит свыше 30 тыс. человек (шестая часть сельских избирателей)[4]. Разумеется, уровень работоспособности различных формирований далеко не одинаков, у некоторых он низок. Однако не приходится сомневаться и в том, что через и посредством их сельские Советы развивают социальную активность членов трудовых коллективов, жителей сел и деревень.

Наиболее эффективными формами, обеспечивающими включение избирателей непосредственно в процесс управления и контроля, повышающими их активность, являются их наказы и периодическая отчетность депутатов.

Четкое выполнение наказов — одна из важнейших граней деятельности сельских Советов по претворению в жизнь решений XXVII съезда КПСС. Эта работа имеет огромное политическое и воспитательное значение. Коллективное обсуждение наказов, определение программы действий исполкома, Советов в целом и непосредственное участие в ее осуществлении самих избирателей способствуют дальнейшему развитию и совершенствованию демократии, позволяют использовать творческий потенциал людей.

Есть немало примеров, когда депутаты сельских Советов, приняв наказы у своих избирателей, добиваются претворения их в жизнь. В девятнадцатом созыве из 5 388 наказов избирателей, принятых на период полномочий местных Советов, выполнено 4 910, или 91,1%, из них 878 — с помощью самих избирателей. Депутатами местных Советов двадцатого созыва (выборы июнь 1987 г.) принято к исполнению 6 692 наказа[5]. Такой рост объясняется стремлением избирателей активнее участвовать в общегосударственных делах, а также, очевидно, и тем, что роль и авторитет местных Советов, в котором сельские составляют большинство, все более возрастает.

Правомерно рассматривать наказ как волеизъявление трудящихся участвовать в государственном управлении. В наказах выражается забота о людях, о больших и малых делах села, района, города, т. е. речь в них идет об общественных интересах. Следовательно, наказы, выполнение которых требует значительных ресурсов, должны учитываться в планах социально-экономического развития республики, города, района, предприятия. Ныне существующая практика не предусматривает такой взаимосвязи. В настоящих условиях необходимость безусловного выполнения наказов избирателей — это реальное воплощение в жизнь новых требований партии о всемерном расширении демократических форм управления государственными и общественными делами.

Эффективной формой связи трудящихся и депутатов, важным средством повышения гласности их работы является периодическая отчетность последних перед своими избирателями. Как отмечал В. И. Ленин, депутаты должны «сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять [illegible]

в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»[6].

В 1985 г. 96,9% депутатов местных Советов республики дважды отчитались перед своими избирателями, в 1986—97,4%[7]. На пятой сессии Верховного Совета Коми АССР одиннадцатого созыва, обсудившей организаторскую работу советских и хозяйственных органов Коми АССР по выполнению Постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС», отмечалось, что большинство депутатов от Верховного до сельских и поселковых Советов принимают активное участие в работе органов власти, умело сочетают производственную и служебную деятельность с выполнением депутатских обязанностей, проводят большую работу в трудовых коллективах и в своих избирательных округах.[8]

Вместе с тем на этой же сессии отмечалось, что еще не все депутаты выполняют требования Закона о статусе народных депутатов, редко встречаясь со своими избирателями и выдвинувшими их трудовыми коллективами.[9] По данным Президиума Верховного Совета Коми АССР в 1985 г., не встречались с избирателями половина депутатов сельских Советов Корткеросского района, а из 75 депутатов районного Совета отчеты провели только 17. В 1986 г. 90 депутатов сельских Советов Усть-Куломского, около 30 — Троицко-Печорского районов нарушили требования Закона о не менее чем двухразовой отчетности перед избирателями.[10] Нередки случаи, когда отчеты носят формальный характер, проходят без принципиального обсуждения и оценки деятельности депутата. В сельских Советах Удорского района, например, на собраниях в 1987 г. отчитались одновременно по 11 депутатов.[11]

Гласность — одно из важнейших условий для расширения и углубления демократии, укрепления связей Советов с массами. И отчетность была и остается важной формой совершенствования этого процесса. Чем больше гласности в работе депутата, тем выше будет информированность населения, и чем энергичнее и эффективнее они будут претворять в жизнь предложения и просьбы трудящихся, высказанные на встречах, тем крепче будут узы связей между населением и Советами. А все это, в свою очередь, повысит авторитет органов власти, их возможность в решении социально-экономических задач.

Перестройка, демократия, Советы — эти понятия неразрывно связаны. В своем докладе на внеочередной XII сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва М. С. Горбачев указал, что «ускорение выхода из застойного состояния невозможно без демократизации всей нашей жизни, без возрождения Со-

ветов как представительных органов власти и самоуправления народа» [12]. А авторитет, роль Советов, как подлинных полновластных народных органов прямо зависит от их связей с массами, от активности трудящихся.

В системе Советов, как было отмечено, сельские составляют наибольшее количество. Между тем, их роль в решении социально-экономических задач своих территорий на нынешнем этапе была незначительна. Политические преобразования, начавшиеся в стране, коснулись высшего органа власти страны. Совершенно очевидно, что они явились началом реформы всей системы органов народовластия.

Дальнейшие решения партии по реформе местных Советов, несомненно, явятся важным позитивным шагом. Первичное звено органов власти, каким является сельский Совет, получит реальную возможность управлять социально-экономическими процессами на своей территории.

По мере возрастания авторитета и роли Советов народных депутатов, в частности и сельских, будет повышаться их роль и авторитет в активизации избирателей.

* * *

1. Текущий архив Президиума Верховного Совета Коми АССР.
2. Напалков А. Д. Деятельность рабочего класса в составе Советов народных депутатов Коми АССР на современном этапе (обзор литературы 70—80-х годов) //Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР.—Сыктывкар, 1987.—С. 109—113.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 41.—С. 319.
4. Текущий архив Президиума Верховного Совета Коми АССР.
5. Тригуб В. П. Наказы избирателей //Красное знамя, 1988, 28 июня.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 33.—С. 48.
7. Текущий архив Президиума Верховного Совета Коми АССР.
8. Пятая сессия Верховного Совета Коми АССР (одиннадцатый созыв). Стенографич. отчет.— Сыктывкар, 1987.
9. Там же.
10. Текущий архив Президиума Верховного Совета Коми АССР.
11. Там же.
12. Горбачев М. С. К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства //Известия, 1988, 30 ноября.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР

А. Ф. Сметанин

Уровень разработанности проблем социального развития коми деревни не соответствует глубине и масштабности происходящих в аграрной подсистеме республики процессов. Такие важные явления, как изменение форм общественной собственности в деревне и преобразование на этой основе социально-классовой структуры сельского населения, остаются пока вне поля зрения исследователей. Это затрудняет выявление качественного состояния общества, диспропорций в его развитии. Обобщенные показатели соотношения различных социальных групп населения деревни, иллюстрирующие не подтвержденный серьезным анализом вывод о стирании классовых различий, не давали ответа на целый ряд вопросов. И прежде всего на основной из них — является ли современное состояние социальных структур деревни логическим результатом их внутреннего развития. Отсутствие всеобъемлющих исследований по аграрной истории и сегодня является одним из препятствий для анализа указанной проблемы. Динамизм социальных процессов в коми деревне наглядно показывают данные табл. 1.

Таблица 1

Социально-классовый состав сельского населения Коми АССР, %*

Показатели	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Все население	100	100	100	100
В том числе:				
Рабочие	21,4	59,6	74,2	80,0
Служащие	18,1	17,4	18,9	18,5
Колхозники	55,2	22,9	6,8	—
Прочие	5,3	0,1	0,1	1,5

* ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 988, л. 1; Попов А. А., Сметанин А. Ф. Социально-культурный облик сельского населения Коми АССР (60—70-е годы).— Сыктывкар, 1986.— С. 9. (Сер. препринтов «Научн. докл.» /АН СССР Коми фил.; Вып. 147).

Изменения в социально-классовой структуре сельского населения республики определялись, прежде всего, уменьшением численности колхозного крестьянства. За период с 1939 по 1970 гг. количество трудоспособных в колхозах сократилось в 17 раз, в то время как среднегодовая численность совхозных рабочих возросла в 30 раз. Вместе с тем темпы высвобождения рабочей силы из сельского хозяйства в результате технического прогресса не совпадали с объективными потребностями развития аграрного сектора, о чем свидетельствовал крупный дефицит рабочей силы, образовавшийся в совхозах. Отток сельского населения в города, его перемещение в другие отрасли народного хозяйства в пределах сельской местности приняли большие размеры, отрицательно сказавшись на развитии деревни в целом.

Причины этого явления на материалах Коми АССР комплексно не изучались. В литературе указывалось на неудовлетворенность жителей деревни характером сельскохозяйственного труда, социально-культурными условиями, малой возможностью выбора профессии в деревне и другие причины. Почти не обращалось внимания на изменение социально-классового положения сельских тружеников, связанных с определенной формой общественной собственности. В ходе преобразования колхозов в совхозы и перехода колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих постепенно стала вымываться специфическая крестьянская психология, характерной особенностью которой являлся высокий приоритет самого крестьянского труда. О том, насколько быстро происходил процесс изменений в формах общественной собственности говорят данные табл. 2.

Таблица 2

Количество колхозов и совхозов в Коми АССР (на конец года) *

Показатели	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Колхозы	718	400	129	25	—
Совхозы	5	2	22	39	56

Если исходить из того, что объективной основой сближения колхозного крестьянства с рабочим классом является повышение уровня обобществления колхозно-кооперативной собственности, то в этом отношении в сельском хозяйстве Коми АССР произошли несомненные сдвиги. За период с 1940 по 1970 гг. число дворов, приходящихся на один колхоз возросло почти в 3 раза, сельскохозяйственных угодий — в 4, крупного рогатого скота — в 5, тракторов (в пересчете на 15-ти сильные) — 30 раз [1].

* Коми АССР за 50 лет: Стат. сб.—Сыктывкар, 1971.—С. 62.

По такому показателю, как фондовооруженность труда и обеспеченность основными фондами, колхозы даже несколько превосходили совхозы. В 1970 г. в совхозах республики производственных основных фондов на одного работника приходилось 3,6 тыс. руб., на 100 га сельскохозяйственных угодий — 25,5 тыс. руб., в колхозах соответственно 3,6 тыс. и 31,9 тыс. руб.[2] Не отличались существенно колхозы от совхозов и по эффективности использования основных фондов. Так, в 1965 г. на 1 000 руб. производственных основных фондов было выработано валовой продукции сельского хозяйства в совхозах на 338 руб., в колхозах — на 358 руб.[3] В то же время по концентрации производства совхозы несомненно опережали колхозы. В 1970 г. на один совхоз приходилось посевной площади 1 509 га, тракторов в пересчете на 15-ти сильные — 76 штук, крупного рогатого скота — 1 817 голов, на один колхоз соответственно 153; 30 и 654[4]. Приведенные данные не свидетельствуют о коренном отличии колхозов от совхозов как формы организации сельского хозяйства, в связи с чем неправомерно говорить об объективной необходимости полного преобразования колхозов в совхозы.

В то же время колхозно-кооперативная собственность обеспечивала значительно более широкое участие трудящихся в управлении производством. Отсутствие специальных исследований по проблеме колхозного самоуправления на материалах Коми АССР не дает возможностей для широких обобщений, однако очевидно, что участие колхозников в управлении общественными делами поддерживало то чувство хозяина, которое так важно было для эффективного функционирования общественной собственности. Выборность руководящих органов колхозов, общие собрания колхозников с их широкими полномочиями были существенной чертой колхозной демократии.

Несомненно, что сложившаяся в стране система управления обществом значительно суживала возможности этой демократии, однако и ее сохранившиеся элементы были утеряны при преобразовании колхозов в совхозы. Таким образом, колхозники в новом качестве сельскохозяйственного рабочего оказались еще более оторванными от самой собственности. Ради справедливости следует отметить, что чувство хозяина у колхозников в значительной мере было потеряно уже на предшествующих этапах развития колхозного строя и истоки этого восходят к временам коллективизации крестьянских хозяйств. Одним из показателей индифферентного отношения к колхозно-кооперативной собственности являлось непротивление колхозников преобразованию колхозов в совхозы. Формальное отношение к общественной собственности в деревне получило довольно широкое распространение, которое, в конечном итоге, привело к полному отождествлению колхозно-кооперативной и государственной собственности. Показательной в этом отношении

была позиция статистических органов республики, которые с 70-х гг. прекратили публиковать данные о развитии колхозов, а в вышедшем в 1981 г. статистическом сборнике причислили их к совхозам [5].

Изменения в социально-классовом положении сельских жителей не сопровождались адекватными мерами по сохранению специфической атмосферы деревни, ценностей сельского образа жизни. Не всегда верно определялись приоритеты в аграрной политике, что еще более способствовало изменениям крестьянской психологии, отрыву сельских жителей от деревни. Особенно наглядно это проявилось в ликвидации так называемых неперспективных населенных пунктов. По переписи населения 1970 г. в сельской местности было 1 054 населенных пункта, причем 30,8% сельских жителей проживало в деревнях с количеством населения до 100 человек [6]. К середине 70-х гг. в качестве перспективных было определено всего лишь 97 населенных пунктов [7]. Кроме того, намеченные меры по развитию села не носили комплексного характера, в результате чего разрыв в уровне развития города и деревни, несмотря на несомненный прогресс последней, в ряде случаев даже увеличился. По итогам опроса, проведенного А. А. Поповым в ряде сел республики в 1978—1979 гг., среди лиц, изъявлявших желание переехать из села в город, 59,1% в качестве причин назвали неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями [8]. Особенно серьезно такое положение отражалось на показателях половозрастного состава сельского населения и его профессионально-квалификационной структуры. Только за 1971—1975 гг. в совхозы МСХ было направлено 1 370 специалистов с высшим и средним образованием, однако общая численность их в совхозах увеличилась на 401 человека. В 1975 г. из общего числа агрономов в республике всего 37% было занято в сельском хозяйстве, зоотехников — 47%, инженеров — 20% [9]. Не в малой степени из-за этого 32,6% руководителей и специалистов совхозов составляли практики [9].

Последствия непродуманных мер по преобразованию деревни продолжают сказываться и в настоящее время. Так, в середине 80-х гг. только 60% выпускников сельских профессионально-технических училищ Коми АССР закреплялись на селе [10]. В то же время изучение общественного мнения показывает притягательную силу тех преимуществ деревенской жизни, ценность которых девальвировалась в результате многочисленных преобразований [11]. Все это лишний раз свидетельствует о том, что при формировании аграрной политики необходим учет не только материальных и культурных условий жизни сельского населения, зачастую определявшихся в соответствии с городскими стандартами, но и того микроклимата деревни, который создавался на протяжении длительного времени и близок психологии сельского жителя.

Подобный подход требует внесения определенных корректив в выводы, связанные с совершенствованием социально-профессиональной структуры сельского населения. За последнее время здесь, несомненно, произошли положительные сдвиги. Только в 70-е гг. по оценкам экономистов доля рабочих машинного труда в совхозах МСХ Коми АССР увеличилась с 14,9 до 30%, а ручного труда сократилась с 82,4 до 62,8%. За последующий период удельный вес рабочих квалифицированного труда в совхозах достиг 50% [12]. Однако эти же цифры говорят о том, что утверждения о вступлении аграрного сектора в стадию завершения индустриализации, по крайней мере, преждевременны [13]. Исходя из не совсем правильных представлений о степени индустриализации сельскохозяйственного труда осуществлялась подготовка специалистов, механизаторов, операторов машинного доения и других квалифицированных рабочих (имеется в виду обучение сельскохозяйственным профессиям и в общеобразовательных школах), в результате чего образовался дисбаланс между потребностями аграрного сектора в этих специалистах и возможностями их устройства на работу по полученной специальности. У части сельской молодежи появился определенный избыток образования, как общего, так и специального, который сказывался на престижности сельскохозяйственного труда и в конечном итоге на ее закреплении в деревне. Невысокий уровень комплексной механизации сельского хозяйства формировал однобокий социально-профессиональный состав механизаторских кадров, почти наполовину состоящий из трактористов и шоферов. В итоге представления сельских жителей об уровне индустриализации аграрного сектора вступали в противоречие с реально существующим характером крестьянского труда, усугубляя диспропорции в развитии деревни в целом. Поэтому изучение формирования социально-классовой структуры сельского населения с точки зрения отмеченных проблем имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

* * *

1. Подсчитано по данным: Коми АССР за 50 лет: Стат. сб.—Сыктывкар, 1971.—С. 62.
2. Там же.—С. 63.
3. Коми АССР к 50-летию Советской власти: Стат. сб.—Сыктывкар, 1967.—С. 69, 70.
4. Коми АССР за 50 лет: Стат. сб.—С. 62.
5. См. :Коми АССР за 60 лет: Стат. сб.—Сыктывкар, 1981.
6. Коми АССР за 50 лет: Стат. сб.—С. 11.
7. Кравцова М. Д., Мельников Б. П. К вопросу о роли социального планирования в сближении города и деревни в условиях развитого социализма //Из истории сельского хозяйства Коми АССР.—Сыктывкар, 1977.—С. 131. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып. 19).
8. Попов А. А. Освоение культуры сельским населением Коми АССР (на материалах социологического опроса 1978—1979 гг.) //Социально-

экономическое развитие северной деревни (советский период).—Вологда, 1988.—С. 25.
9. Экономическая библиотека рабочего.— Сыктывкар, 1977.— С. 77, 78.
10. Мельников Б. П. Город и деревня: к единой цели.— Сыктывкар, 1985.—С. 38.
11. Там же.—С. 38.
12. Канев Г. В., Терентьев В. В. Сдвиги в социальной структуре современного села //Преображенный край.—Сыктывкар, 1982.—С. 171.
13. Мельников Б. П. Указ. соч.—С. 135.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

М. Д. Кравцова

Одним из важнейших условий повышения эффективности сельскохозяйственного производства является обеспеченность хозяйств кадрами массовых профессий, имеющими соответствующий уровень подготовки. Главным источником пополнения сельского хозяйства кадрами является молодежь. Поэтому ее трудовое воспитание, начиная со школы, знакомство с организацией производства, включение в его деятельность, непосредственное общение с рабочими являются основой для подготовки выпускников школ к труду в сфере материального производства, в частности, в сельскохозяйственном производстве.

Для управления современной техникой, сложными биологическими процессами требуется широкая общеобразовательная и профессиональная подготовка учащихся сельских школ. Они составляют основной контингент учащихся сельских профессионально-технических училищ, сельскохозяйственных вузов и техникумов, являются основным источником пополнения кадров в сельском хозяйстве. В 1959—1979 гг. удельный вес молодежи в общем количестве работников сельского хозяйства Коми АССР возрос с 37 до 47,1%. На начало 1983 г. за счет вступающих в трудоспособный возраст почти на 80% обеспечивалась дополнительная потребность этой отрасли в рабочих кадрах[1].

Большую помощь в трудовом воспитании учащихся оказывали совхозы и сельскохозяйственные предприятия республики. Они оснащали кабинеты механизации и животноводства необходимой техникой, аппаратами, учебно-наглядными пособиями, проводили безвозмездный ремонт учебной техники, обеспечивали ее горюче-смазочными материалами, оборудовали полигоны для практического вождения техники с учетом правил дорожного движения и техники безопасности. Только в 1978/79 учебном году в сельских школах было оборудовано 47 кабинетов меха-

12 Заказ № 6909

низации, 8 кабинетов животноводства, 21 гараж. Совхозы выделили школам 97 тракторов и 17 автомашин.[2]

Вместе с тем в профессиональной ориентации учащихся наблюдалось еще много формализма, существовали жесткая регламентация производственного обучения без учета местных условий и индивидуальных наклонностей учащихся, попытка свести политехнизацию образования к массовой, подчас принудительной профессиональной подготовке. На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС был остро поставлен вопрос о целесообразности продолжения в каждой средней школе массовой профессиональной подготовки учащихся. Большинство школ не располагают ни базой, ни кадрами, ни временем «для обучения молодежи сложным, перспективным профессиям. Проводимая же подготовка по так называемым операционным или простейшим профессиям не вызывала у школьников интереса»[3]. Факты свидетельствуют о неэффективности людских и материальных затрат на современное школьное профессиональное обучение. Известно, что только 10—14% выпускников выбирает профессией то, чему учили в школе[4]. Такое положение является характерным и для ряда сельских школ. Старшеклассники в основном получали подготовку по специальностям тракторист и оператор машинного доения. В нескольких школах учащиеся изучали автодело, а в Выльгортской средней школе — птицеводство, готовили рабочих для Выльгортской птицефабрики. В средней школе с. Сторожевск Корткеросского района готовили по специальности электриков.

Сельские школы не имели возможности предоставить учащимся на выбор несколько профессий. Вместе с тем и в обучении традиционным профессиям были значительные трудности. Зачастую обучение по специальности оператора машинного доения проходило непосредственно на фермах без предварительной технологической подготовки. Ряд школ не имел наборов технических и наглядных средств для формирования навыков оператора машинного доения.

Ведущей формой организации общественно-полезного труда сельских школьников являются ученические производственные бригады. Впервые организованные в 1955 г. в Ставропольском крае, они получили широкое распространение по всей стране. В республике такая бригада была организована в 1957 г. в Косланской средней школе Удорского района, позже — в средних школах с. Визинги Сысольского района и с. Ижмы. Впоследствии такие бригады появились во всех сельских школах. В 1975—1980 гг. их количество возросло с 43 до 52, соответственно — и количество учащихся в них с 5052 до 6030 человек. В 1970 г. за ученическими бригадами было закреплено 550 га земли, на каждую бригаду приходилось примерно 10,6 га. В их распоряжении было 108 тракторов и 40 автомашин[5]. Ученические бригады добивались значительных результатов. Так, в

1978 г. в Прилузском районе они с одного гектара получили урожай: картофеля — 180 ц (совхозы района — 160 ц), брюквы кормовой — 440 ц (совхозы — 335), капусты — 210 ц (совхозы — 200), силосных культур — 540 ц (совхозы — 500)[6].

Ученические производственные бригады являются перспективной формой трудового обучения и воспитания сельских школьников. Вместе с тем их работа требует совершенствования. Подавляющее большинство из них не имеет своих земельных площадей для проведения всего комплекса агромероприятий по выращиванию сельскохозяйственных культур, своих ферм с постоянным поголовьем скота, не применяет принцип хозрасчета. Для укрепления связи с хозяйствами, повышения заинтересованности учащихся в результатах своего труда школы должны иметь круглогодичные трудовые отряды, в которых бы учащиеся проводили весь цикл полевых работ, от сева до уборки урожая. Для знакомства с разными видами сельскохозяйственного труда нужны многопрофильные ученические бригады со звеньями животноводов, полеводов, механизаторов, которые дали бы возможность учащимся осознанно выбирать профессию. Лозунг типа «Всем классом — на ферму», широко распространившийся в этот период, на наш взгляд, не совсем верный. Он не отражает действительные стремления выпускников, не учитывает их индивидуальные особенности, здоровье, и никак не способствует обеспечению села работниками разных профессий. Селу нужны не только животноводы, но и учителя, строители, работники культуры, торговли и т. д.

Несмотря на имеющиеся недостатки, работа ученических производственных бригад давала определенные положительные результаты. Широкую поддержку нашла инициатива выпускников школ Костромской области, которые в 1975 г. решили работать на полях и фермах совхозов. В числе первых подхватили этот почин выпускники школ Прилузского района. Если в Коми АССР в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.) в совхозах остались 1800 выпускников, то в десятой пятилетке (1976—1980 гг.) — уже 3483, т. е. рост почти в два раза. В десятой пятилетке ежегодно около 700 выпускников решили работать в хозяйствах и около 300 поступили в училища, техникумы и вузы сельскохозяйственного направления. Почти каждый третий выпускник остался работать в совхозе[7]. Это является результатом больших совместных усилий школ, совхозов, комсомольских и партийных организаций.

Однако вовлечение молодежи в сельскохозяйственное производство и ее закрепление в нем — неоднозначные проблемы. В работе с сельской молодежью имелись существенные недостатки, характерные для всей республики. Это прежде всего недостаточная забота совхозов, мелиоративных и строительных организаций об улучшении условий труда и быта молодежи, отказ от предоставления ей установленных льгот, работы по специаль-

ности. Плохая организация труда, недостаточное материально-техническое обеспечение отрицательно сказывались на выполнение плановых заданий, на заработке молодежи. Во многих совхозах не были созданы условия для продолжения образования. Среди молодежи наблюдалась тенденция получить специальность в минимально короткий срок, с помощью краткосрочных курсов, бригадного или индивидуального обучения. Эта категория молодежи, как правило, теоретически и практически была подготовлена слабее, чем окончившие сельские профессионально-технические училища, более склонна к перемене места работы и специальности. При крупных совхозах, видимо, есть необходимость расширения сети постоянно-действующих филиалов сельских профтехучилищ, учебных комбинатов и курсов.

Вышесказанное не дает возможности для создания постоянных, прочных трудовых коллективов в совхозах, для закрепления молодежи на селе. Например, ежегодно в Прилузском районе специальности животновода обучались 100—130 человек, а оставались работать единицы. По Коми АССР 5% выпускников сельских профтехучилищ не возвращается в хозяйство [8]. Однако и среди приехавших в село наблюдалась такая же текучесть. Из 339 выпускников профтехучилищ 1981 г. за год выбыло 292 человека [9]. Большой отток из совхозов среди механизаторов, специалистов сельского хозяйства. В 1976—1982 гг. в распоряжение Министерства сельского хозяйства Коми АССР прибыло 1 847 специалистов с высшим и средне-специальным образованием, а выбыло за этот же период 1 440 человек.[10] Среди уволившихся в 1981 г. доля молодежи в возрасте до 30 лет составляла 61,5%.[11]

Проблема закрепления молодежи может быть решена только с развитием всего комплекса социальных условий труда и быта в селе, превращением аграрного труда в разновидность индустриального, совершенствованием материального, морального стимулирования, стипендиальной формы подготовки специалистов. Последнее заранее предопределяет связь выпускников с конкретным сельскохозяйственным предприятием. Практика подтверждает эффективность и целесообразность именно такой формы подготовки специалистов.

Вместе с тем трудности, встречающиеся перед молодыми тружениками, неустроенность быта, оторванность от центров культуры нередко являлись результатом бесхозяйственности, низкой ответственности отдельных руководителей, пассивности комитетов комсомола. По результатам анкетирования, проведенного экономистами, были выявлены мотивы миграции более 800 выпускников 8, 10-х классов сел Зеленец и Сторожевск. Каждый четвертый надеялся в городе иметь лучшие жилищные и бытовые условия, каждого пятого привлекала возможность широкого выбора профессии и повышение квалификации, дальнейшего продолжения образования, лучшего проведения досуга. Импонировала молодежи и работа с нормированным рабочим днем.[12]

Повседневная практика подтверждает необходимость создания в республике определенной системы трудового воспитания и профессиональной ориентации. Выпускникам сельских школ, наряду с аттестатом о среднем образовании, следует вручать документы, свидетельствующие об их профессиональной готовности к труду. В закреплении молодежи в сельскохозяйственном производстве большая роль принадлежит и общественным отделам кадров, изучающим причины текучести молодых тружеников.

* * *

1. Терентьев В., Ульныров Н. Закрепление молодежи на селе. //Вестник политической информации.—1983.—№ 2.—С. 7.
2. Архив Республиканской станции юных натуралистов. Отчеты за 1979—1980 гг., с. 4; Молодежь Севера, 1980, 21 сентября; Красное знамя, 1981, 26 мая; Новый Север, 1981, 10 января.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 года.—М., 1988.—С. 20.
4. Правда, 1988, 1 апреля.
5. Архив Министерства сельского хозяйства Коми АССР. Отчет о работе ученических производственных бригад за 1975—1980 гг., л. 8.
6. Архив Республиканской станции юных натуралистов. Отчет за 1978 г., л. 5.
7. Красное знамя, 1976, 27 августа.
8. Коми АССР 60 лет. Стат. сб. —Сыктывкар, 1981.
9. Молодежь Севера, 1986, 14 сентября; Красное знамя, 1982, 9 октября.
10. Красное знамя, 1983, 29 сентября.
11. Терентьев В. В. Трудовые ресурсы села.—Сыктывкар, 1981.—С. 21.
12. Терентьев В. В. Указ. соч.— С. 8.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В СЕЛАХ КОМИ АССР
(проблемы выявления, классификации и сохранения)

Т. А. Малкова

Заложенные В. И. Лениным принципы отношения к культуре прошлого получили дальнейшее правовое развитие и материальную поддержку государства. Это та основа, которая превращает культурное наследие в общенациональное дело воспитания патриотизма и формирования высокой гражданственности.

Декреты Советского правительства по охране памятников истории и культуры создали благоприятную обстановку и основу для сохранения памятников. Работа по этому вопросу проводилась и в таких отдаленных окраинах России, каким был Коми край.

Так, на заседании Комиссии Усть-Сысольского отдела народного образования 14 февраля 1919 г. рассматривался вопрос «Об охране памятников истории и старины»[1], опубликована Инструкция волостным отделам народного образования для сбора, доставки сведений о памятниках, имеющихся в районах, в подотдел по охране памятников искусства и старины при отделе народного образования[2].

Тогда же впервые встал вопрос об увековечении памяти красноармейцев, советских и партийных работников, погибших в борьбе с белогвардейцами. 12 июня 1919 г. члены Шошкинской ячейки РКП(б) призвали коммунистов откликнуться на сбор средств для сооружения памятника коммунистам, погибшим в борьбе с белогвардейцами в с. Шошка[3].

Следующим этапом в разработке мер по охране памятников были декреты, касающиеся недвижимых памятников, их национализация. На основе декрета ВЦИК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» в мае 1924 г. было принято обязательное постановление Областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области, в котором отмечалось, что все историко-археологические памятники, заповедные места, памятники старины — народное достояние, потому их нужно охранять и беречь от порчи и уничтожения, что и возлагалось на археологическую секцию Общества изучения Коми края[4]. Работа по учету памятников гражданской и церковной архитектуры, к которой привлекались педагоги школ всех уездов области, проводилась и Коми областным музеем в 1929 г.

Циркуляром ВЦИК 1927 г. о выявлении памятников революционных движений вводится понятие «памятник истории», которое носит уже и классовое содержание. Встал вопрос об учете и охране историко-революционных памятников, в первую очередь памятников советского периода[5].

16 февраля 1938 г. было принято постановление Президиума Исполкома Коми АССР «О создании при Исполкоме Коми АССР комиссии по восстановлению и охране памятников гражданской войны», в котором предусматривалось в течение 1938 г. приступить «к восстановлению и приведению в порядок братских могил — жертв белого террора на Чукаибском и Аныбском фронтах, в Усть-Вымском и Удорском, Усть-Куломском, Троицко-Печорском, Ижемском, Усть-Усинском и Усть-Цилемском районах»[6].

В результате выполнения этого постановления на многих братских могилах были установлены временные (из недолговечных материалов) обелиски, уточнены фамилии захороненных, на районные и сельские Советы возложена обязанность их охраны и благоустройства (с. Усть-Вымь, с. Чукаиб, с. Часово, с. Айкино).

14 октября 1948 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры»[7]. Этим постановлением охрана памятников, а также надзор за их содержанием возложены на Советы Министров автономных республик и Советы депутатов трудящихся. Утверждено «Положение об охране памятников культуры», в котором все памятники, имеющие научное, историческое или художественное значение, объявлены неприкосновенным, всенародным достоянием. В 1949 г. первые памятники истории и культуры Коми АССР постановлением № 227 от 15 апреля были приняты на государственную охрану. Это были братские могилы в селах: Айкино, Коквицы, Усть-Кулом, Ижма, Чукаиб, Троицко-Печорск, Важгорт, Кослан.

Завершающим этапом по классификации памятников явился Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1976 г.

Имеются принципиальные особенности методики выявления, изучения и определения признаков памятников истории, отра-

жающих социалистическое строительство. Ценность этих памятников определяется значением исторического события, факта, лица, связанного с ним. Выявление памятников истории необходимо начинать не с визуального их обследования, а изучения фактов истории, в ходе которого составляется перечень сооружений и мест, связанных с данным явлением истории социалистического строительства.

В Законе «Об охране памятников...» была поставлена практическая задача — издание Свода памятников истории и культуры СССР. Материал, который войдет в Свод, станет базой для широкой пропаганды историко-культурного наследия.

Работа по подготовке материалов Свода памятников по Коми АССР проводится Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра с 1985 г. Обследованы и описаны памятники в трех районах: Княжпогостском, Усть-Вымском и Сыктывдинском. В результате проделанной работы уже можно сделать определенные выводы, характеризующие состояние памятников советского периода, классифицировать их, отмечая некоторые особенности.

В связи с неразработанностью критериев отбора памятников для постановки на госохрану зарегистрированными оказались памятники, не отвечающие нормативным требованиям. Если событие не связано с каким-либо конкретным материальным сооружением и не оставило после себя видимых следов, то оно классифицируется как «памятное место» и отмечается памятным знаком в виде обелиска, стелы и т. д. Понятие же «памятный знак» в данных районах не введено, хотя они получили широкое распространение. Они устанавливаются, как правило, в честь земляков, погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн, героев труда, деятелей науки и культуры. (Памятный знак в честь участника первого коммунистического субботника в депо Москва-Сортировочная А. В. Каракчеева в с. Ляли; Памятный знак в честь земляков, погибших в годы гражданской войны в д. Раковица; Памятные знаки в честь земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны в селах Серегово, Айкино, Княжпогост и др.). В большинстве случаев эти знаки, тиражированные или выполненные из недолговечных материалов, должны стоять под охраной местных Советов. Но особое внимание необходимо уделять подлинным памятникам.

Одним из видов подлинных памятников являются братские могилы красноармейцев, партийных и советских работников, погибших в годы гражданской войны. Все они должны быть поставлены на госохрану, увековечены художественными памятными знаками и благоустроены. Изучение биографий погибших, их подвига имеет немаловажное значение в воспитании подрастающего поколения. Забота об их захоронениях — дань уважения к погибшим. (Братские могилы в селах Усть-Вымь, Айкино, Оквад, Коквицы).

Потеряв в большинстве случаев свою первоначальную функцию, памятник, особенно это касается зданий, должен найти новое назначение, новое использование, соответствующее его сохранности. Лучший выход, как показала практика,—использование под музейные экспозиции (Музей районной партийной организации в здании, где в 1918 г. была организована первая партийная ячейка в с. Айкино).

«Белым пятном» в списках памятников остаются объекты, связанные с культурным строительством. В обследуемых районах немало таких памятников. Рассматривается вопрос о взятии их на государственную охрану: школа в с. Шошка, в которой учился ученый-геолог В. М. Сенюков; комплекс зданий Сереговского бальнеологического курорта — памятник здравоохранения, построенный в годы первой пятилетки; здание бывшей ремесленной школы в с. Айкино, одного из первых профессиональных учебных заведений в республике и т. д.

* * *

1. ЦГА Коми АССР, ф. р.—185, оп. 1, д. 110, л. 8.
2. Зырянская жизнь, 1919, 15 июля.
3. Зырянская жизнь, 1919, 12 июня.
4. ЦГА Коми АССР, ф. р.—139, оп. I, д. 229, л. 10—11.
5. Охрана памятников истории и культуры.— М., 1973.— С. 54.
6. ЦГА Коми АССР, ф. р.—870, оп. I, д. 72, л. 146.
7. Охрана памятников истории и культуры.—С. 65--67.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

КИНО В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР В 1970—1980-е годы

Е. А. Нестеров

В реализации задач крутого подъема сельского хозяйства, выполнения Продовольственной программы партия, наряду с решением производственно-экономических вопросов, придает большое значение развитию социальной и духовной сфер жизни села. Революционная перестройка, отмечается в документах XIX Всесоюзной конференции КПСС, невозможна без всемерной активизации духовного потенциала общества, без роста общей и политической культуры народа[1]. Важное место в культурной жизни сельских жителей, особенно в северных районах страны, с их, по сравнению с центральными регионами, менее развитой социальной инфраструктурой, занимает кино. Обладая наглядностью и доступностью для самых широких масс, оно и сегодня при растущей конкуренции телевидения, других форм организации и проведения досуга, является неотъемлемой частью духовной жизни народа, мощным средством эстетического и идейного воздействия на умы и сердца людей, особенно молодежи.

В исследовательской литературе, посвященной изучению духовного облика сельского труженика Коми АССР, роли культурного фактора в его формировании, данная тема специально не рассматривалась, хотя некоторые ее стороны частично затрагивались в общем контексте[2].

В настоящей статье предпринята попытка на основе материалов архивов и республиканской печати, а также обобщения данных литературы рассмотреть роль кино в культурной жизни сельского населения Коми АССР в 1970—1980-е гг.

Материалы социологического опроса, проведенного в ряде совхозов республики, показывают, что кино занимает заметное место в культурной жизни села: 82% опрошенных (в том числе

97% молодежи до 24 лет) посещают сельские клубы и Дома культуры, чтобы посмотреть кино, а 48% (81% молодежи) смотрят кинофильмы регулярно, т. е. 5—10 раз в месяц.[3] (Разумеется, просмотр кинофильмов здесь не единственная цель, ибо клуб в общественной жизни деревни играет универсальную роль, являясь и местом встреч, дружеского общения, особенно для молодежи).

Сельское население республики активнее посещает кино как по сравнению с горожанами республики, так и сельскими жителями Российской Федерации. Так, в 1970 г. средняя кинопосещаемость на одного жителя в год в сельской местности Коми АССР составляла 36,6, в городах—24,3, а в селах РСФСР—22 раза. (Наибольшая кинопосещаемость в селах Коми АССР приходится на 1974 г.—38,8). В 1980 г. это соотношение составило: 30,8, 18 и 19, а в 1986 г.—24, 13, 5 и 19 раз. В 1987 г. в Коми АССР кинопосещаемость на селе—22,9, в городе—12,7 раз.[4] Как видим, и село Коми АССР не избежало общей тенденции снижения активности кинозрителей, но в целом эта активность остается достаточно высокой: ежегодно около 7 млн. сельских зрителей смотрят кино в Домах культуры и клубах.

Этому способствует в немалой степени забота об укреплении материально-технической базы сельской киносети, совершенствование форм и методов кинообслуживания зрителей. Еще в начале 70-х гг., за счет сокращения общего числа киноустановок, была упорядочена и более рационально размещена их сеть, осуществлена в значительной степени замена кинопередвижек стационарными установками. К 80-м гг. в селах и лесных поселках республики действовало около 500 государственных киноустановок, причем более 300 из них были оснащены широкоэкранной аппаратурой[5]. В ряде райцентров (Визинге, Выльгорте, Объячево, Корткеросе, Усть-Цильме) были открыты кинотеатры. В 1975 г. уже при 92% клубов функционировали стационарные пункты кинопоказа[6].

Сельские кинофикаторы совместно с работниками клубных учреждений используют все более разнообразные формы работы со зрителями. Уже стало традицией проводить в районных центрах премьеры наиболее значительных кинолент, организуются также выездные премьеры в сельских Домах культуры. В последние годы премьерные фильмы в районах (в первую очередь в Прилузском, Сысольском, Удорском) начинаются вступительными беседами ведущих, в роли которых выступают методист дирекции киносети и клубный работник, работник милиции и секретарь комсомольской организации. Зрителей знакомят с творчеством режиссеров и актеров, историческими событиями, международными и внутренними вопросами, проблемами района. Почти в каждом районе проходят тематические и жанровые показы фильмов, кинофестивали, недели детского фильма и т. д.[7]

Широкое развитие получило абонементное обслуживание зрителей, особенно детей, организуются киноклубы и кинолектории по самой разнообразной тематике. Если в 1980 г. в республике из 186 киноклубов и кинолекториев только пять были созданы в сельских районах, то в 1986/87 учебном году на селе их было 793 (в городах —448), в том числе детских и молодежных —427 [8].

На базе кинотеатров, с демонстрацией документальных и художественных фильмов и фрагментов из них проводятся также общественно-политические уроки, митинги солидарности, пионерские сборы, киноутренники, родительские собрания, занятия университета педагогических знаний для родителей. Используется и такая форма проведения совместного досуга родителей с детьми, как клубы выходного дня и киноабонемент «Всей семьей в кино». Княжпогостское районное кинозрелищное предприятие заинтересовало детей и взрослых проведением кинолото, а Усть-Куломское организовало передвижную киноустановку для кинообслуживания семи детских садиков районного центра [9].

Средняя посещаемость кино сельскими детьми в республике очень высокая: в 1970 г. она составляла 64,8 раза в год (в городах республики —21,2, в селах РСФСР —39,3), в 1980— соответственно 65,5; 19,3; 36,9; в 1987 г.—50,2 (в городах республики —16,2) [10].

Для молодых производственников и в целом для сельских тружеников организованы киноклубы и кинолектории по производственной тематике, районный актив пропагандистов обычно во время их учебы знакомят с актуальными документальными фильмами. Если в 1970 г. республике было проведено 0,2 тыс. сеансов фильмов по сельскохозяйственной тематике, то в 1980 г. —1,5 тыс., в 1985 г.—1 847 и в 1987 г.—1 761 [11].

Значительное внимание уделяют сельские кинофикаторы культурному обслуживанию животноводов. По согласованному с совхозами плану осуществляются различные мероприятия с показом фильмов в красных уголках ферм, на учебе и на днях животновода. Так, работники Сысольского районного кинозрелищного предприятия совместно со специалистами совхозов, работниками культуры, медиками, преподавателями школ в зимний период 1984—1985 гг. провели 78 мероприятий, на которых присутствовало около 2 500 работников сельского хозяйства. А в летнее время организуется работа кинопередвижек по обслуживанию кормозаготовителей непосредственно на лугах. Активно используют эту форму работы в Усть-Цилемском районе, где за два месяца обслуживается более двух тысяч сельских тружеников [12].

Понимая, что сегодня надо гораздо активнее бороться за зрителя, лучшие сельские кинофикаторы стремятся расширить и разнообразить киносервис, дойти до каждого потенциального кинозрителя. Большое внимание при этом уделяется рекламно-

информационной работе. Традиционно используется в данных целях районная печать, местные радиоузлы. Выпускаются типографским способом афиши с репертуаром месяца, с указанием времени демонстрации фильмов и их краткой аннотацией, на лучшие фильмы печатаются листовки-приглашения.

Больше внимания стало уделяться работе непосредственно на предприятиях, в трудовых коллективах, где оформляются специальные киноуголки, организуется предварительная продажа билетов. Особенно активно проводит эту работу кинотеатр «Мир» с. Визинги.

Вслед за городскими кинотеатрами и на селе стали организовывать ночные киносеансы, а кинофикаторы и работники Дома культуры с. Объячево организовали с декабря 1987 г. кинотанцевальные вечера, пользующиеся большой популярностью среди молодежи. Коллектив кинотеатра «Юбилейный» с. Объячево впервые в республике перешел на бригадную форму кинообслуживания населения.[13]

Вместе с тем в использовании кино для удовлетворения растущих духовных потребностей сельских жителей имеются несерьезные недостатки и нерешенные проблемы. Холодно и неуютно во многих клубах и Домах культуры, арендуемых для кинопоказа. Хотя ежегодно многие села республики справляют клубные новоселья, но и в 1988 г. более 70 клубных учреждений требовали капитального ремонта, 20— находились в аварийных помещениях. Сельский житель, особенно в отдаленных населенных пунктах, вынужден зачастую смотреть фильмы устаревшие, так как в республиканское киновидеообъединение поступало самое большее до шести фильмокопий новых фильмов на всю республику [14]. Это влияет и на качество кинопоказа. (К сожалению, подобные недостатки, как показывают социологические исследования, являются типичными для сел РСФСР) [15].

Кроме того, совсем не безразлично за счет каких фильмов формируется высокая кинопосещаемость на селе. Анализ отчетов районных кинозрелищных предприятий показывает, что кассовыми боевиками нередко являются ленты (особенно зарубежные) не самых высоких идейно-художественных достоинств, и их воспитательное воздействие может быть порой со знаком «минус». Поэтому к таким фильмам тоже требуется внимание, они должны стать поводом для серьезного разговора, дискуссий, чтобы зритель, особенно молодой, трезво видел реальную цену экранной «красивой жизни», потребительства, культа силы и т. п.

Более активно в этих целях могла бы использоваться районная печать. Если в республиканских средствах массовой информации данным вопросам в целом уделяется определенное внимание, то в большинстве районных газет — явно недостаточное. В ряде сельских районов не налажены деловые, творческие контакты кинофикаторов с работниками клубов,

Широкое развитие получило абонементное обслуживание зрителей, особенно детей, организуются киноклубы и кинолектории по самой разнообразной тематике. Если в 1980 г. в республике из 186 киноклубов и кинолекториев только пять были созданы в сельских районах, то в 1986/87 учебном году на селе их было 793 (в городах —448), в том числе детских и молодежных —427 [8].

На базе кинотеатров, с демонстрацией документальных и художественных фильмов и фрагментов из них проводятся также общественно-политические уроки, митинги солидарности, пионерские сборы, киноутренники, родительские собрания, занятия университета педагогических знаний для родителей. Используется и такая форма проведения совместного досуга родителей с детьми, как клубы выходного дня и киноабонемент «Всей семьей в кино». Княжпогостское районное кинозрелищное предприятие заинтересовало детей и взрослых проведением кинолото, а Усть-Куломское организовало передвижную киноустановку для кинообслуживания семи детских садиков районного центра [9].

Средняя посещаемость кино сельскими детьми в республике очень высокая: в 1970 г. она составляла 64,8 раза в год (в городах республики —21,2, в селах РСФСР —39,3), в 1980— соответственно 65,5; 19,3; 36,9; в 1987 г.—50,2 (в городах республики —16,2)[10].

Для молодых производственников и в целом для сельских тружеников организованы киноклубы и кинолектории по производственной тематике, районный актив пропагандистов обычно во время их учебы знакомят с актуальными документальными фильмами. Если в 1970 г. республике было проведено 0,2 тыс. сеансов фильмов по сельскохозяйственной тематике, то в 1980 г. —1,5 тыс., в 1985 г.—1 847 и в 1987 г.—1 761 [11].

Значительное внимание уделяют сельские кинофикаторы культурному обслуживанию животноводов. По согласованному с совхозами плану осуществляются различные мероприятия с показом фильмов в красных уголках ферм, на учебе и на днях животновода. Так, работники Сысольского районного кинозрелищного предприятия совместно со специалистами совхозов, работниками культуры, медиками, преподавателями школ в зимний период 1984—1985 гг. провели 78 мероприятий, на которых присутствовало около 2 500 работников сельского хозяйства. А в летнее время организуется работа кинопередвижек по обслуживанию кормозаготовителей непосредственно на лугах. Активно используют эту форму работы в Усть-Цилемском районе, где за два месяца обслуживается более двух тысяч сельских тружеников [12].

Понимая, что сегодня надо гораздо активнее бороться за зрителя, лучшие сельские кинофикаторы стремятся расширить и разнообразить киносервис, дойти до каждого потенциального кинозрителя. Большое внимание при этом уделяется рекламно-

информационной работе. Традиционно используется в данных целях районная печать, местные радиоузлы. Выпускаются типографским способом афиши с репертуаром месяца, с указанием времени демонстрации фильмов и их краткой аннотацией, на лучшие фильмы печатаются листовки-приглашения.

Больше внимания стало уделяться работе непосредственно на предприятиях, в трудовых коллективах, где оформляются специальные киноуголки, организуется предварительная продажа билетов. Особенно активно проводит эту работу кинотеатр «Мир» с. Визинги.

Вслед за городскими кинотеатрами и на селе стали организовывать ночные киносеансы, а кинофикаторы и работники Дома культуры с. Объячево организовали с декабря 1987 г. кинотанцевальные вечера, пользующиеся большой популярностью среди молодежи. Коллектив кинотеатра «Юбилейный» с. Объячево впервые в республике перешел на бригадную форму кинообслуживания населения.[13]

Вместе с тем в использовании кино для удовлетворения растущих духовных потребностей сельских жителей имеются серьезные недостатки и нерешенные проблемы. Холодно и неуютно во многих клубах и Домах культуры, арендуемых для кинопоказа. Хотя ежегодно многие села республики справляют клубные новоселья, но и в 1988 г. более 70 клубных учреждений требовали капитального ремонта, 20— находились в аварийных помещениях. Сельский житель, особенно в отдаленных населенных пунктах, вынужден зачастую смотреть фильмы устаревшие, так как в республиканское киновидеообъединение поступало самое большее до шести фильмокопий новых фильмов на всю республику [14]. Это влияет и на качество кинопоказа. (К сожалению, подобные недостатки, как показывают социологические исследования, являются типичными для сел РСФСР)[15].

Кроме того, совсем не безразлично за счет каких фильмов формируется высокая кинопосещаемость на селе. Анализ отчетов районных кинозрелищных предприятий показывает, что кассовыми боевиками нередко являются ленты (особенно зарубежные) не самых высоких идейно-художественных достоинств, и их воспитательное воздействие может быть порой со знаком «минус». Поэтому к таким фильмам тоже требуется внимание, они должны стать поводом для серьезного разговора, дискуссий, чтобы зритель, особенно молодой, трезво видел реальную цену экранной «красивой жизни», потребительства, культа силы и т. п.

Более активно в этих целях могла бы использоваться районная печать. Если в республиканских средствах массовой информации данным вопросам в целом уделяется определенное внимание, то в большинстве районных газет — явно недостаточное. В ряде сельских районов не налажены деловые, творческие контакты кинофикаторов с работниками клубов,

школ, трудовыми коллективами, общественными организациями. Кинофикаторам явно нужна их помощь. А порой даже в рамках сельских культурно-спортивных комплексов отсутствует координация действий в работе клуба и киноустановки [16].

Таким образом, более полное и плодотворное использование воспитательных возможностей кино на селе требует заинтересованного отношения и координации усилий самых различных сторон и может быть по-настоящему эффективным в рамках развития и совершенствования всей социально-культурной сферы и системы идейно-воспитательной работы на селе.

* * *

1. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза.—М., 1988.—С. 113.

2. См. Попов А. А. Культурное строительство в коми деревне на этапе развитого социализма (1959—1975 гг.).—Сыктывкар, 1982; Он же. Освоение культуры сельским населением Коми АССР (на материалах социологического опроса 1978—1979 гг.) //Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период).—Вологда, 1988.

3. Попов А. А. Освоение культуры сельским населением Коми АССР.—С. 21.

4. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. сб.—М., 1987.—С. 571; АК Коми АССР /Основные показатели работы киносети и кинопроката РСФСР за 1965—1980 гг.; Основные показатели работы киносети Коми АССР за 1970—1987 гг.

5. Кино на селе //Красное знамя, 1982, 16 апреля.

6. Попов А. А. Культурное строительство в коми деревне...—С. 10.

7. Кушманова Н. М. Советское кино — труженикам села //Село — наш первый адресат.—Сыктывкар, 1988.—С. 62—63; АК Коми АССР /О некоторых новых формах кинообслуживания зрителей, внедренных в практику массовой работы кинозрелищными предприятиями Коми АССР в 1987 г.

8. Кушманова Н. М. Неограниченные возможности кино //Красное знамя, 1980, 3 февраля; АК Коми АССР /Киноклубы и кинолектории в 1986/87 учебном году.

9. Попова С. Поиграем в кинолото? //Красное знамя, 1988, 23 июля; Нестерова В. Премьеры, фестивали, выставки //Молодежь Севера, 1988, 26 августа; АК Коми АССР /О некоторых новых формах...

10. АК Коми АССР /Основные показатели... РСФСР за 1965—1970 гг., 1976—1980 гг.; Основные показатели работы киносети Коми АССР за 1987 г.

11. АК Коми АССР /Основные показатели... РСФСР за 1965—1970 гг. за 1976—1980 гг.. Основные показатели работы киносети Коми АССР за 1985 г., 1987 г.

12. АК Коми АССР /О некоторых новых формах...; Габов Г. Кинофикаторы Сысолы — животноводам //Вестник политической информации.—1985.—№ 19.—С. 29—30; Булыгин А. В контакте с трудовыми коллективами //Красная Печора, 1988, 27 августа.

13. Попова С. Кинотанцевальные вечера //Молодежь Севера, 1988, 11 марта; Симаков В. Сеанс для полуночников, Лихачев М. Время перемен //Знамя труда, 1988, 27 августа; АК Коми АССР /О некоторых новых формах...

14. Соколова А. Поворот к человеку //Красное знамя, 1988, 20 августа; Кушманова Н. В интересах зрителя // Красное знамя, 1988, 27 августа; Худоев М. Когда подует ветер перемен? //Красное знамя, 1986, 24 января.

15. Жабский М. Сельский зритель 80-х //Киномеханик, 1987.—№ 5.—С. 3—7.

16. Осипов В. Действуют сельские КСК //Вестник политической информации.—1988.—№ 4.—С. 28—29.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НА СЕЛЕ В КОМИ АССР В 60—70-е гг.

А. А. Попов

По проблемам социально-культурного и бытового развития современного села Коми АССР имеется достаточно представительная литература. В то же время вне поля зрения исследователей, изучающих эту обширную тематику, оказались вопросы организации системы здравоохранения и медицинского обслуживания на селе. С интервалом почти в десять лет приходится вновь констатировать актуальность высказанного В. Б. Островским критического замечания о том, что данный вопрос остается белым пятном в историческом изучении села [1]. Попытаемся отчасти восполнить этот пробел на конкретном материале Коми АССР за период 60—70-х гг.

Для сельского здравоохранения в этот период первоочередными являлись следующие задачи: укрепление материальной базы лечебно-профилактических учреждений, обеспечение их кадрами врачей и среднего медицинского персонала, приближение к населению специализированной помощи, ликвидация массовых случаев целого ряда заболеваний, снижение детской смертности и ряд других.

Важная роль в их решении отводилась перестройке управления здравоохранением на уровне районного звена. До конца 50-х гг. руководство медицинским обслуживанием в сельских районах осуществлялось райотделами здравоохранения при исполкомах Советов депутатов трудящихся. Однако, как показала практика ряда областей Российской Федерации, там, где руководство медицинским обслуживанием сельских районов было возложено на центральные райбольницы (ЦРБ), превращение их в административный, организационно-методический и лечебно-профилактический руководящий орган и центр здравоохранения района позволило значительно оперативнее и более квалифицированно решать вопросы службы здоровья. К началу 60-х

гг. во всех сельских районах руководство здравоохранением было возложено на центральные районные больницы [2].

Постоянным ростом характеризовались ассигнования по местному бюджету Коми АССР на нужды здравоохранения (включая расходы на физическую культуру) — с 13,6 млн. руб. в 1960 г. до 72,0 млн. руб. в 1975 г. При этом, если в 1960 г. они составляли 22,7% всей суммы расходов по местному бюджету, то в 1975 г. уже 30,2% [3]. Вместе с тем темпы роста расходов по Министерству здравоохранения Коми АССР на больницы, диспансеры и фельдшерско-акушерские пункты, расположенные непосредственно в сельской местности, были значительно ниже. Так, с 1970 г. по 1975 г. они увеличились лишь на 1 млн. руб., составив сумму в 11 млн. 14 тыс. руб. [4] Неудивительно,что ввод в действие новых типовых больничных зданий на селе был крайне невелик. На государственные средства в 1961—1965 гг. было введено больниц всего на 100 мест (в городской местности — на 1 106 мест), в 1966--1970 гг.— на 170 мест (в городской местности — на 2 388 мест) и амбулаторно-поликлинических учреждений на 330 посещений в смену, в 1971—1975 гг.— на 210 мест (в городской местности — на 1 153 места) и амбулаторно-поликлинических учреждений на 80 посещений в смену. На колхозные средства за все эти годы было построено больничных учреждений только на семь мест и амбулаторно-поликлинических на 45 посещений в смену [5]. Значительная часть капиталовложений использовалась в основном на капитальный ремонт существовавших зданий, на их расширение путем пристроек, а также на приспособление выделяемых различными организациями помещений.

Материалы единовременного обследования состояния сети здравоохранения, проведенного в 1963 г. Статистическим управлением Коми АССР, показывают, что лишь 26 из 146 обследованных лечебных учреждений республики размещались в типовых зданиях, причем большинство из них находились в городской местности. Из 449 обследованных фельдшерско-акушерских, фельдшерских и здравпунктов 127 располагались в частных домах, в капитальном ремонте нуждалось 61 здание и 15 были непригодны к эксплуатации, в 45 не имелось электрического освещения [6]. Мало изменилось положение и к концу 60-х гг. В 1968 г. из 86 сельских районных и участковых больниц 70 располагались в ветхих приспособленных помещениях; из 214 зданий, в которых размещалась сеть сельских больниц, в 64 необходим был капитальный ремонт. Слабой оставалась материальная база сети фельдшерско-акушерских пунктов: 127 из 466 по-прежнему находились в частных арендованных помещениях [7].

28 марта 1968 г. Советом Министров Коми АССР было принято постановление «О мерах по дальнейшему укреплению материальной базы лечебно-профилактических учреждений и укреплению медицинских кадров» [8]. К середине 70-х гг. большинство центральных районных и ряд участковых сельских больниц удалось перевести в более удобные помещения, оснащенные водопроводом, центральным отоплением и канализацией. Число фельдшерско-акушерских пунктов, не располагавших собственными зданиями, к 1975 г. сократилось со 127 до 46. Новые помещения получили также 10 районных аптек [9]. В дальнейшем на основании постановления Совета Министров республики от 12 ноября 1974 г. «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению медико-санитарного обслуживания сельского населения» особое внимание было обращено на расширение ЦРБ и преобразование фельдшерско-акушерских пунктов во врачебные амбулатории [10].

Более заметны сдвиги в расширении специализированного медицинского обслуживания, чему способствовал численный и качественный рост кадров (табл. I). Число узких специалистов в 1959—1975 гг. возросло: терапевтов — с 29 до 54, хирургов — с 12 до 31, акушеров-гинекологов — с 11 до 21, педиатров — с 25 до 37, рентгенологов — с 5 до 13, стоматологов — с 24 до 45 (при сокращении числа врачей без узкой специализации с общей практикой — с 85 до 20) [11]. Необходимо, правда, отметить, что на протяжении всех этих лет в сельских районах сохранялась чрезвычайно высокая текучесть кадров врачебного персонала. Основной причиной хронической сменяемости, а порой и нехватки врачей являлась низкая степень благоустроенности жилищных и бытовых условий на селе.

Как видно из табл. I, сеть сельских учреждений здравоохранения сократилась. Это объясняется как административными изменениями (ряд сельских населенных пунктов перешел в состав городских), так и укрупнением больничных учреждений и амбулаторно-поликлинических отделений при них, а также «упорядочением» сети фельдшерско-акушерских пунктов (последнее, на наш взгляд, является в значительной степени следствием деления сел на «перспективные» и «неперспективные»). В то же время все эти годы увеличивался коечный фонд и соответственно численный состав врачей и среднего медицинского персонала, а именно эти показатели принято считать основными в оценке уровня медицинского обслуживания. При этом при сопоставлении данных в пересчете на 10 тыс. чел. населения следует иметь ввиду возросшую миграцию из села в город. Процесс укрупнения лечебных учреждений, начавшийся в первой половине 60-х гг., коснулся в основном сельских участковых больниц. Так, их сеть по системе Минздрава Коми АССР сократилась за 1959—1975 гг. с 76 до 64. Вместе с тем удельный вес небольших больниц до 10 коек уменьшился с 38,1 до 17,1%, с числом коек от 11 до 24 увеличился с 35,6 до 43,9%, а с коечным фондом на 25 и более мест — с 26,3 до 39%.

Таблица 1

Изменения в сети, коечном фонде и составе кадров учреждений здравоохранения в сельской местности Коми АССР (на конец года) *

Показатели	1959 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.
Число больничных учреждений	90	87	84	78
В них коек	2 060	2 880	3 020	2 925
Число больничных коек на 10 тыс. человек населения	62,2	83,3	83,7	90,2
Число амбулаторно-поликлинических учреждений (включая поликлинические отделения)	91	87	83	80
Число фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов	413	417	396	372
Число женских и детских консультаций	34	30	30	28
Численность врачей всех специальностей	246	278	340	350
Численность врачей на 10 тыс. человек населения	7,4	8,1	9,4	10,8
Численность среднего медицинского персонала	1 849	1 779	2 113	2 108
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек населения	55,8	51,8	58,5	65,0

* Архив СУ, д. 29/3, л. 2—3; д. 29/4, л. 129—130.

Значительно возросла мощность районных больниц (включая райбольницы сельских районов, расположенных в городских поселениях): если в 1959 г. из 16 только две насчитывали 100 и более коек, то в 1975 г. 13 из 18.[12] Укрупнение лечебных учреждений было обусловлено необходимостью превращения их в центры по нескольким профилям медицинского обслуживания. Процесс этот шел с учетом конкретных условий и возможностей в каждом сельском районе.

Некоторое представление о масштабах медицинской помощи дает табл. 2. Несомненным достижением сельского здравоохранения стало улучшение медицинского обслуживания детей и женщин: 98% родов проходило в условиях стационара, количество детских садов и ясли-садов за 1959—1975 гг. увеличилось с 413 до 550, а число детей в них с 12,6 до 26 тыс. человек.[15] Улучшение качества детской медицинской помощи выразилось в снижении таких инфекционных заболеваний, как дифтерия, коклюш, болезнь Боткина. За период 1966—1969 гг., например, число выявленных заболеваний в сельской местности у детей в возрасте до 14 лет сократилось: с коклюшем с 60 до 27, токсической диспепсией в возрасте до одного года со 138 до 83, пневмонией всех форм с 2 066 до 1 757.[16] Успешно велась профилактика и лечение бронхопневмонии и пневмонии новорожденных, родовых травм и токсической диспепсии, т. е. заболеваний, которые ранее чаще

Таблица 2

Медицинское обслуживание сельского населения в больничных учреждениях и фельдшерско-акушерских пунктах (на конец года) *

Показатели	1959 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.
Число больных, лечившихся стационарно, тыс. чел.	61,4	77,0	85,3	88,1
Число посещений на амбулаторном приеме к врачам, тыс.	547,4	732,8	1058,0	1378,1
Число посещений на амбулаторном приеме к среднему медперсоналу, тыс.	179,9	194,3	200,4	205,1
Число посещений в фельдшерско-акушерские пункты (включая колхозные роддома), тыс.	983,6	1078,1	1153,9	1403,2
Число посещений в зубоврачебные кабинеты, тыс.	78,4	159,0	193,7	196,1

* ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 5427, л. 34—38 об., 40 об.; д. 9645, л. 113 об., 118, 119 об.; Архив Минздрава Коми АССР, д. 23, л. 129 об., 137, 138 об.; д. 5/13 (1975 г.), л. 58, 67, 68 об.

всего являлись причиной детской смертности. Из табл. 3 видно, что при существенной разнице между городом и селом темпы снижения коэффициента детской смертности в исследуемые годы на селе были выше, что говорит о заметных успехах сельского здравоохранения. В республике практически была завершена ликвидация таких заболеваний, как малярия, трахома, полиомиелит. Резко снизилась заболеваемость туберкулезом всех форм.

Таблица 3

Детская смертность по Коми АССР (в возрасте до 1 года в расчете на тысячу родившихся) *

Показатели	1950 г.	1959 г.	1965 г.	1975 г.
Всего по Коми АССР	126,6	52,5	37,7	27,7
В том числе:				
городская местность	115,9	42,1	30,5	27,7
сельская местность	137,1	65,2	47,1	38,1

* Архив СУ. Динамические ряды по естественному движению населения Коми АССР: 1959—1970 гг.— Т. 2; 1970—1980 гг.— Т. 3; ЦГА Коми АССР. ф. 140, оп. 2, д. 7209, л. 19.

Таким образом, рассматриваемые годы характеризуются определенными сдвигами в развитии сельского здравоохранения. Вместе с тем по-прежнему остро стояли вопросы его материально-технической базы, состояния кадров, форм и содержания

медицинской помощи. Дальнейшее их решение в значительной степени зависело от решения общих проблем социального и экономического развития села.

* * *

1. Островский В. Б. Рост материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства //Проблемы истории советского крестьянства.— М., 1981.— С. 269.

2. Шумахер Р. Э. Опыт реорганизации сети сельского здравоохранения //Советское здравоохранение.—1962.—№ 6.—С. 26—28.

3. Коми АССР к 50-летию Советской власти: Стат. сб.—Сыктывкар, 1967.—С. 17; Коми АССР в девятой пятилетке: Стат. сб.—Сыктывкар, 1976—С. 14.

4. Архив Министерства финансов Коми АССР. Годовые отчеты об исполнении бюджета и объяснительные записки к ним: за 1970 г.— л. 90 об.—91; за 1975 г., л. 57-57 об.

5. Подсчитано по: ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 5345, л. 18; Архив статистического управления (далее Архив СУ), д. 35/2, л. 92, 96—98, 100—105; Коми АССР 60 лет: Стат. сб.— Сыктывкар, 1981.— С. 63.

6. ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 6932, л. 108; ф. 668, оп. I, д. 158, л. 67.

7. Там же, ф. 668, оп. 1, д. 172, л. 13.

8. Там же, л. 13—17.

9. Архив Минздрава Коми АССР, д. 1/1 (1974 г.), л. 223.

10. Там же, л. 221—231.

11. ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 5247, л. 46 об.—47; Архив Минздрава Коми АССР, д. 5/12 (1975), л. 75 об.—76.

12. Подсчитано по: ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 5247, л. 34 об.—35; Архив Минздрава Коми АССР, д. 5/12 (1975 г.), л. 58 об., 59 об.

13. Архив СУ, д. 29/3, л. 17, 26.

14. ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 2, д. 8438, л. 12 об; д. 8454, л. 42 об.; Архив Минздрава Коми АССР, д. 1/1 (1974 гг.), л. 112—113.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ СЕВЕРНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

Г. В. Канев

Особое значение в реализации региональной Продовольственной программы приобретает перестройка хозяйственного механизма в агропромышленном комплексе, включающая рациональное сочетание централизованного руководства с оперативной самостоятельностью нижестоящих хозяйственных звеньев, перевод предприятий и объединений на самоокупаемость и самофинансирование, перестройку ценообразования, совершенствование организационных структур и демократизацию управления, переход к прогрессивным формам организации и оплаты труда.

Начиная с мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС осуществлялись крупные меры по совершенствованию экономического стимулирования сельскохозяйственного производства прежде всего путем неоднократного повышения закупочных цен, углубления их зональной дифференциации, осуществления других мероприятий, направленных на восстановление экономического равновесия между городом и селом. Достаточно отметить, что средняя цена реализации 1 ц молока в совхозах Северного экономического района за 1965—1985 гг. повысилась в три раза, картофеля в два и овощей открытого грунта более чем в два раза. В результате улучшилось соотношение между затратами и выручкой от реализации продукции.

Однако одновременно с ростом закупочных цен и осуществлением других мероприятий, направленных на повышение эквивалентности обмена, возрастали издержки производства в сельскохозяйственном производстве, причем в значительной мере в силу ряда объективных факторов, в частности, за счет удорожания средств промышленного производства, потребляемых в сельском хозяйстве, а также транспортных, ремонтных и других услуг, оказываемых селу, недостаточной сбалансированности отдельных звеньев материально-технической базы, необходи-

мости подтягивания уровня оплаты труда в колхозах и совхозах, который и сегодня остается существенно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства.

В результате даже после серьезных мер по укреплению материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий, осуществления организационно-технических и организационно-экономических мероприятий, повышения закупочных цен за реализуемую продукцию в агропромышленном комплексе, значительная часть совхозов продолжает оставаться убыточной. Так, в 1985 г. в целом по Северному экономическому району убыточными были 13% хозяйств, уровень рентабельности сельскохозяйственных предприятий по всей хозяйственно-финансовой деятельности составил 22,4 и по сельскохозяйственному производству 25,2%. Между тем для обеспечения намеченных в Комплексной программе научно-технического прогресса Северного экономического района на период до 2010 г. темпов роста производства сельскохозяйственной продукции уровень рентабельности должен составить не менее 20—25% при исчислении по производственным фондам и не менее 45—50% при исчислении по себестоимости продукции.

Остается актуальной проблема повышения эквивалентности обмена, прежде всего, путем радикальной реформы цен, которые должны быть ориентированы на самофинансирование сельскохозяйственных предприятий. Нами предлагается в этой связи выделение областей и автономных республик Северного экономического района в отдельную ценовую зону и установление экономически обоснованных цен на реализуемую продукцию на основе средней многолетней себестоимости продукции, отражающей сложившиеся объективные природные и экономические условия производства.

Поскольку в пределах областей и автономных республик региона имеются существенные различия в природных и экономических условиях производства, что находит отражение в величине многолетней себестоимости продукции, важное экономическое значение приобретает дифференциация цен внутри региона. При этом закупочные цены должны обеспечить нормальное производство данного продукта во всех товарных зонах, но при сохранении определенных преимуществ в рентабельности для тех хозяйств, которые расположены в средних и лучших для выращивания этого продукта условиях, т. е. с учетом научно обоснованного размещения сельского хозяйства и его устойчивой специализации.

Реформа закупочных цен может быть осуществлена в основном в пределах сумм, затрачиваемых в настоящее время государством на производство и закупки сельскохозяйственной продукции в регионе. Речь идет о том, чтобы средства, поступающие в сельскохозяйственные предприятия, шли в основном через хозрасчетный ценовой канал. В этой связи нецелесообразно сохранение надбавок к ценам для экономически слабых хозяйств, а также надбавок к закупочным ценам на продукцию, продаваемую сверх достигнутого ранее уровня.

Важным направлением экономического стимулирования сельскохозяйственного производства выступает совершенствование материального стимулирования труда для усиления зависимости между результатами труда и степенью удовлетворения материальных потребностей работников совхозов и колхозников.

В настоящее время определяющую часть доходов рабочих совхозов и колхозников составляет заработная плата. В совхозах Северного экономического района уровень оплаты в растениеводстве и животноводстве в расчете на 1 чел.-день в 1981—1985 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. повысился в 2,2 раза. Однако уровень оплаты труда в совхозах ниже, чем в других отраслях народного хозяйства — промышленных, строительных и транспортных предприятиях и организациях. Уровень оплаты труда в совхозах региона, особенно в растениеводстве, ниже, чем в совхозах, в более благоприятных по природным условиям регионах страны, что обусловлено более коротким рабочим периодом в растениеводстве Северного экономического района.

Представляется целесообразным осуществление ряда новых мероприятий, направленных на повышение заработной платы в сельском хозяйстве, и в том числе в сельском хозяйстве Северного экономического района. В частности, заслуживают, на наш взгляд, внимания такие мероприятия, как введение единой тарифной сетки на конно-ручные и механизированные работы в растениеводстве и животноводстве с дифференциацией по зонам страны, повышение тарифного разряда доярок и операторов машинного доения, приближение ее к тарифному разряду операторов птицефабрик, работающих и живущих в лучших условиях, унификация районных коэффициентов к заработной плате независимо от отрасли народного хозяйства, применение для работников совхозов тех же районных коэффициентов, что и для других отраслей народного хозяйства, введение по опыту строительства поправочных коэффициентов к единым нормам выработки и расценкам с учетом природных и других условий, применение поправочных коэффициентов к плану производства продукции в годы с неблагоприятными погодными условиями. Наряду с государственным регулированием уровня заработной платы важное значение приобретает и более полное использование внутренних резервов сельскохозяйственного производства.

Особое значение на современном этапе приобретают коллективные формы организации и оплаты труда, широкое внедрение семейного, мелкогруппового и других форм коллективного подряда, работающие на аренде на длительный срок и оплата труда от валового дохода.

По обобщенным данным совхозов Карельской и Коми АССР,

коллективы, работающие на подряде, добиваются повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота в среднем на 15—20% и примерно такого же роста производительности труда, себестоимость продукции по сравнению с показателями неподрядных коллективов снижается в среднем на 10—15%.

Для более полного использования преимуществ прогрессивных форм организации и оплаты труда необходимо осуществление комплекса организационно-экономических мероприятий, среди которых особое значение приобретают:

— оптимизация размеров первичных внутрихозяйственных подразделений, прежде всего бригад, ферм и звеньев, оптимизация структуры посевных площадей и поголовья скота, определение объема дополнительных работ осенью и зимой, которые способствовали бы повышению доли подрядного коллектива в общем объеме выполняемых работ, организации стабильных коллективов, лучшему использованию выделяемых производственных ресурсов;

— переход на нормативные методы планирования и оценки работы подрядных коллективов на основе разработки нормативов затрат на 1 га посевов сельскохозяйственных культур и продуктивности скота и на единицу продукции при разных уровнях урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота;

— переход на нормативный метод планирования фонда заработной платы на 100 руб. валовой продукции для однотипных сельскохозяйственных предприятий в примерно равных природных и экономических условиях производства;

— осуществление интенсивной технологии на основе укрепления материально-технической базы, внедрения комплекса машин, районированных сортов и других ресурсов, укрепления технологической дисциплины с учетом особенностей полей и возделываемых сельскохозяйственных культур;

— организация эффективного учета и контроля за расходованием средств, внедрения чековой системы взаиморасчетов между подразделениями.

Необходимо также усиление демократических методов управления подрядными коллективами, преодоление попыток управления административными методами через голову советов трудовых коллективов, формирование общественного мнения о семейном и других формах подряда.

РАЗВИТИЕ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КОМИ АССР

С. Я. Балас

В связи с существенными структурными изменениями в потребностях населения и с развитием научно-технического прогресса в области транспортировки, хранения и переработки сельскохозяйственного сырья все более широким становится охват продукции сельского хозяйства промышленной переработкой. Ускоренное развитие перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса становится важнейшей задачей продовольственного обеспечения страны и регионов. В решениях XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК партии намечены конкретные меры по дальнейшему преодолению отставания этой сферы на основе расширения сырьевой базы, укрепления материально-технической базы, совершенствования экономического механизма хозяйствования, повышения роли науки в разработке технологий, машин и оборудования для производства пищевой продукции.

В общем объеме товаров народного потребления Коми АССР более половины занимают продовольственные товары. В последние годы производство продовольственных товаров неизменно возрастает, но эта тенденция неустойчива, на динамику выпуска продовольственных товаров влияет выпуск винно-водочной продукции. В 1987 г. общее производство мяса (включая субпродукты первой категории) достигло 22,9 тыс. т., цельномолочной продукции — 146,6 тыс. т., масла животного — 2 932 т., колбасно-ветчинных изделий — 10,8 тыс. т., кондитерских изделий — 6,4 тыс. т. Всем этим продуктам характерна устойчивая тенденция к росту объемов их производства, причем имеется повышение темпов роста, хотя и перерабатывающие отрасли АПК Коми АССР в значительной мере ориентированы на привозную сельскохозяйственную продукцию. Вместе с тем возможности для развития АПК республики (созданный экономи-

ческий и научно-технический потенциал) используются недостаточно.

В республике имеется довольно разветвленная сеть предприятий перерабатывающей отрасли. В системе Госагропрома их 85, пищевая отрасль представлена шестью предприятиями. В составе управления хлебопекарной и макаронной промышленности 15 предприятий, они дают около 11% общего количества производимых в республике продовольственных товаров. За последние пятилетки создана мукомольно-комбикормовая промышленность, что позволяет своевременно и бесперебойно обеспечивать потребности республики в хлебопродуктах и концентрированных кормах. Аналогичные предприятия и цеха по переработке сельхозпродуктов и производству пищевых продуктов имеют Респотребсоюз, торговые организации, Министерство лесного хозяйства, комбинат «Комирыбпром» и другие.

В предыдущие пятилетки были построены ряд предприятий, цехов, обновилось в определенной мере оборудование. Однако частные решения не дали заметных положительных результатов, в целом отрасль оставалась в неудовлетворительном состоянии. В этом сказывался перекос в инвестиционной политике, заключающейся в том, что в пищевой отрасли, к примеру, строились предприятия, которые по характеру производства с большой оговоркой можно отнести к пищевым: (пивоваренные заводы в гг. Сыктывкаре, Ухте и Воркуте, ликеро-водочный завод в г. Воркуте, винный — в г. Сыктывкаре).

Темпы развития перерабатывающей и пищевой промышленности были значительно ниже, чем других отраслей народного хозяйства республики. Если за 100% принять стоимость основных производственных фондов 1980 г., то к 1985 г. темпы роста основных производственных фондов всей промышленности составили 149%, совхозов Госагропрома —147%, тогда как пищевой промышленности лишь 117%. За этот период в целом по промышленности фондовооруженность возросла на 44%, сельскому хозяйству на 50 и пищевой промышленности на 32%. Удельный вес пищевой промышленности в стоимости основных производственных фондов постоянно снижался, %: 1970 г.—2,4, 1980 г.—1,8, 1985 г.—1,5. В XI пятилетке ввели мощности по выпуску хлебобулочных изделий в 7 раз меньше, чем в предыдущей. В X пятилетке введено мощностей по выработке цельномолочной продукции на 75 т в сутки, а в XI— только на 17 т. В XI пятилетке не построено ни одного предприятия или цеха по переработке мяса. Мало строили холодильников. Даже небольшие капитальные вложения, выделяемые для перерабатывающих отраслей, осваивались не полностью. Лимиты капвложений были освоены: в пищевой промышленности в 1985 г. на 89 и в 1986 г. на 56%, в мясо-молочной промышленности соответственно на 47 и 111%, рыбной —46 и 88%, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности соответственно на 98 и 95%.

В особенно запущенном состоянии оказалась мясо-молочная отрасль. Из 55 маслодельных заводов 16 построены более 20 лет тому назад, семь —30 лет назад, десять — более 40 и 50 лет назад. Около половины предприятий по переработке молока имеют 80% износа, многие из них для технических нужд используют воду из колодцев или привозимой в бочках. Около 90% заводов не имеют искусственного холода. Из 18 убойных пунктов 15 находятся в старых, приспособленных зданиях, износ которых составляет 80%, не имеют водопровода и канализации, все технологические процессы выполняются вручную, 16 из 18 убойных пунктов не имеют холодильников. Имеющиеся мощности Сыктывкарского, Печорского мясокомбинатов, Сыктывкарского молокозавода перегружены.

На большинстве перерабатывающих предприятий исключительно низок уровень механизации и автоматизации.

Ручной труд составляет в пищевой и хлебопекарной промышленности около 40%, мясной, маслосыродельной и молочной —50, рыбной — более 70%. Даже в цехах и участках, считающихся комплексно-механизированными и автомеханизированными, велика доля ручного труда. Это характерно и для недавно введенных в эксплуатацию Печорского гормолзавода и Сыктывкарской кондитерской фабрики. Проектирование их начиналось еще в IX пятилетке, значительная часть оборудования морально устарела. Сегодня речь идет об их техническом перевооружении.

Одним из главных условий эффективного использования сырьевых ресурсов является переход их на глубокую и комплексную переработку сырья. По мнению специалистов, в совокупности с улучшением условий хранения это даст дополнительно до 15—20% прироста продуктов питания. Достаточно отметить, что из 1 т молока передовые предприятия страны получают продукцию на 340 руб, тогда как в среднем по РСФСР — 252 и Коми АССР — 237 руб; из 1 т скота и птицы передовые предприятия — до 2 400 руб.; тогда как РСФСР и Коми АССР соответственно 1 722 и 1 594 руб.

В молочной отрасли источником вторичного сырья является обезжиренное молоко, пахта, молочная сыворотка. Ресурсы этого сырья в 1987 г. составили: обрата и пахты 98 946 т., сыворотки 16 637 т. Однако в промышленной переработке было использовано только 39,1% обрата и пахты. В то же время по РСФСР этот показатель равняется 55,1%. Гормолзаводы практически не занимаются производством дополнительных видов продукции из вторичного сырья, что следует из неизменного ассортимента молочных товаров. Вместе с тем имеет место перевозврат обезжиренного молока по совхозам на откорм скоту.

Неудовлетворительно организована работа по увеличению выпуска нежирной и обезжиренной продукции. План производства молока 2,5%-ной жирности в 1987 г. был выполнен только

на 93%. Но и это позволило за счет выпуска нежирной продукции сэкономить более 50 тыс. т молока, и сэкономленные 1 762 т молочного жира направить на выработку дополнительной продукции.

Существенным увеличением продуктов питания является качественная уборка урожая, его транспортировка и хранение. В 1987 г. только в государственной торговле было списано по актам 9,2 тыс. т картофеля, 2,5 тыс. т свежих овощей, 400 т фруктов и ягод. Кроме того, отпущено с баз госторговли на откорм скоту около 16 тыс. т картофеля и свыше 5 тыс. т свежих овощей.

Большими остаются потери при уборке и на транспортировке. В 1986 г. выявлено порчи и повреждений продовольственных грузов и сельскохозяйственной продукции на сумму 2,9 млн. руб. Во многих совхозах нет хранилищ даже для сохранения семенного картофеля. Слабо развита база хранения торговых организаций, обеспеченность хранилищами составляет 78%, причем большинство хранилищ старые, не механизированные, только 13% из них обеспечены активной вентиляцией. Обеспеченность торговли холодильными емкостями тоже составляет лишь 67%.

Одним из узких мест в решении Продовольственной программы является увеличение выпуска и реализации пищевой продукции в расфасованном виде. Отставание в решении этого вопроса в республике даже в сравнении с другими областями Российской Федерации несомненно. На предприятиях Госагропрома республики только 35% продукции выпускается в расфасованном виде (молока —31%, творога —20, сметаны —2,6%). В хлебомакаронной промышленности республики доля фасованных макаронных изделий в общем их объеме составляет 3,7%, кондитерских — около 23%.

В период до 1995 г. на новое строительство, техническое перевооружение и реконструкцию объектов перерабатывающих отраслей будет направлено 63 млн. руб., что существенно больше, чем в предыдущий период. Это позволит повысить душевое потребление продуктов питания: мяса и мясопродуктов — до 76 кг, молока и молокопродуктов —361 кг, яйца —310 штук, картофеля —117 и овощей —108 кг.

Для успешного решения этой задачи необходима научно обоснованная и экономически взвешенная модель развития перерабатывающей, пищевой и других, сопряженных с ними, отраслей сельского хозяйства республики, которая должна включать следующие основные направления:

— обеспечение устойчивых темпов развития отрасли;

— учет особенностей региона, существующих производительных сил и сложившихся производственных отношений в регионе для развития собственной материальной базы;

— обеспечение возможности полной реализации комплексной переработки имеющегося в регионе продовольственного сырья на основе внедрения безотходных технологий, современных достижений в технике и биологии, обеспечивая при этом качество продукции на уровне мировых стандартов;

— решение экологических задач.

В хранении как сырья, так и готовой продукции, необходимо в кратчайшие сроки построить необходимые недостающие помещения, оснастить их современным погрузочно-разгрузочным устройством, предусмотреть автоматическую регулировку тепла и холода и наличие соответствующей вентиляции. Из экономических соображений картофеле- и овощехранилища следует строить вблизи мест их заготовок.

Заслуживает внимание предложение о разработке плановыми органами и органами агропромышленного комплекса с участием научных учреждений Генеральной схемы размещения сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса как в целом по республике, так и ее городам и административным районам. В инвестиционной политике необходимо преодолеть внутри АПК ведомственный подход, ориентироваться на общие интересы агропромышленного комплекса.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КОМИ АССР

Л. С. Петров, Г. В. Канев

Достигнутый на сегодня в республике сравнительно высокий уровень потребления населением основных продуктов питания обеспечивается главным образом за счет завоза сельскохозяйственной продукции. Между тем, разработанная научными, планирующими и сельскохозяйственными органами концепция продовольственного обеспечения исходит из возможностей существенного увеличения на местах малотранспортабельной и скоропортящейся продукции сельского хозяйства, повышение ее доли в продовольственном снабжении населения, а также повышения роли республики в формировании продовольственных и сырьевых ресурсов страны за счет оленеводства и охотничье-промыслового хозяйства. Реализация данной концепции немыслима без опоры на научно-технический потенциал агропромышленного комплекса, повышения значимости его научного вклада.

Научное обслуживание агропромышленного комплекса Коми АССР осуществляется рядом учреждений Коми научного центра Уральского отделения АН СССР (Институты биологии, физиологии, экономических и социальных проблем Севера), Коми государственной сельскохозяйственной опытной станцией имени А. В. Журавского, рядом научных отделов от зональных институтов (Коми отдел НИПТИМЭСХа Нечерноземной зоны РСФСР, Сыктывкарский отдел СевНИИГиМа, Ижмо-Печорская научно-исследовательская ветстанция), рядом проектных и других организаций, а также кафедр Сыктывкарского госуниверситета и Коми педагогического института. В целом это значительный отряд научных сотрудников, располагающий определенной экспериментальной базой, занимающийся широким спектром проблем сельскохозяйственного производства, отвечающих запросам науки и практики, и имеющих достижения всесоюзного и мирового уровня. Можно, в частности, упомянуть в работах

Института биологии Коми научного центра по залужению материковой тундры или работы по интродукции кормовых растений, удостоенные премии Совета Министров СССР.

Вместе с тем современный этап развития агропромышленного комплекса Коми АССР требует новых подходов к формированию и использованию его научно-технического потенциала.

Среди наиболее существенных мер, направленных на повышение роли научного комплекса в агропромышленном производстве республики, следует назвать прежде всего необходимость повышения его ресурсного потенциала. В настоящее время на долю агропромышленного комплекса приходится 8% численности работающих и 13% валовой продукции народного хозяйства республики. Однако доля научного комплекса АПК в численности занятых в науке республики составляет лишь 4,3% и в общей сумме затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы лишь 1,8%, в то время как в целом по стране затраты на аграрную науку составляют вдвое больше — почти 4%, хотя считается, что в целом по стране по затратам на науку агропромышленное производство существенно отстает от других межотраслевых комплексов. По расчетам Института экономических и социальных проблем Севера, приведенным в Комплексной программе научно-технического прогресса Коми АССР, предусматривается рост численности занятых в научном комплексе АПК республики по сравнению с 1985 г. в 1,3 к 2000 г. и в 1,5 раза к 2010 г., а общий объем затрат на науку АПК в 1,8 и 2,3 раза, что составит соответственно 1,6 и 1,7% в общей сумме затрат на науку в республике, т. е. останется на прежнем уровне. Таким образом, уже сегодня закладываются ограниченные возможности развития научно-технического потенциала, что нельзя принять оправданным. Поэтому наращиванию «наукоемкости», научного потенциала, увеличению инвестиций в эту сферу деятельности должно придаваться самое серьезное внимание.

Особое значение и актуальность приобретает повышение отдачи уже имеющегося научного потенциала. Принципиально важным здесь является преодоление рамок ведомственных интересов, дублированности, мелкотемья, распыленности научного потенциала, выбор актуальных направлений научных исследований, прямо отвечающих потребностям науки и практики. В этой связи хотелось бы отметить, что в республике в настоящее время не проводятся исследования по целому ряду важных направлений агропромышленного производства, в том числе механизации производственных процессов в растениеводстве, хранению и переработке сельскохозяйственной продукции, пищевым отраслям промышленности.

Не может устраивать и география научных учреждений, которые большую часть исследований проводят применительно к южным и центральным районам республики, в то время как

значительная часть производства сегодня размещается в северных районах Коми АССР, где более высокими темпами развиваются производительные силы и где особенно остро стоит вопрос обеспечения населения продуктами сельского хозяйства. В этой связи представляется целесообразным уже в ближайшие годы организация самостоятельной сельскохозяйственной опытной станции для северных районов Коми АССР.

Недостаточной является и эффективность научного обеспечения АПК республики. Анализ показывает, что в полной мере используются не более 20% выданных учеными рекомендаций, большинство из них лишь частично доходят до полей и ферм. Одной из серьезных причин, на наш взгляд, остается еще благотворительность в отношении к сельскому хозяйству, к которой привыкли и ученые и производственники. Необходимо в большей мере, чем сейчас, строить отношения на хоздоговорной основе, которая в одинаковой мере повышает ответственность ученых за качество своих рекомендаций, а производственников — за использование оплаченных разработок. Это тем более актуально, что все в большей степени утверждается новый хозяйственный механизм в науке и научном обслуживании АПК, предусматривающий перевод на полный хозрасчет научно-исследовательских, проектных и технологических организаций отрасли. И основной формой, регламентирующей взаимоотношения между научной организацией и заказчиком, становится договор. Необходимо существенно улучшать работу опытного хозяйства Государственной сельскохозяйственной станции и биологической станции Коми научного центра. Они уже сегодня должны работать по тем параметрам, которые определены по республике на 2000 г. и более отдаленную перспективу.

Новые возможности открываются с организацией центра научного обеспечения агропромышленного комплекса Коми АССР, куда вошли практически все научные и проектно-технологические учреждения, работающие на АПК. Разработана целевая комплексная программа научного обеспечения агропромышленного комплекса Коми АССР, которая предусматривает в качестве целевой задачи до 1995 г. полное удовлетворение потребностей населения по картофелю и яйцу по научно обоснованным расчетам и на 50% — по молочным и мясным продуктам.

Целевая комплексная программа научного обеспечения АПК республики в обобщенном виде включает следующие основные направления научных исследований:

— разработка и внедрение научно обоснованных систем ведения сельского хозяйства, как надежной основы выполнения планов производства и реализации сельскохозяйственной продукции, наращивания их объемов, реализация достижений научно-технического прогресса, рациональное использование природных и производственных ресурсов;

— разработка и внедрение интенсивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур путем повышения продуктивности природных кормовых угодий, организация первичного семеноводства и производство семян элиты и первой репродукции районированных и перспективных сортов сельскохозяйственных культур;

— совершенствование племенных и продуктивных качеств сельскохозяйственных животных, выращивание племенного молодняка для совхозов и подсобных хозяйств республики;

— разработка проблем, связанных с развитием производственно-технического обслуживания сельского хозяйства, хранением, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции;

— внедрение коллективного подряда, внутрихозяйственного расчета и прогрессивных форм оплаты труда. Совершенствование системы управления сельским хозяйством и другими отраслями АПК.

Целевая комплексная программа ориентирована на достижение конкретных результатов в отраслях сельскохозяйственного производства. Например, в области животноводства предусматривается увеличение племенного ядра по печорскому типу до 5—6 тыс. голов с одновременным повышением удоя до 5—5,5 тыс. кг на корову, по айрширской породе рост поголовья до 10—15 тыс. голов, в том числе чистопородных животных до 5—7 тыс. голов. Намечено осуществить направленное выращивание ремонтного молодняка и повышение среднесуточных привесов до 700—800 г. В области картофелеводства ставится задача достижения урожайности до 180—200 ц с 1 га, в овощеводстве — урожай капусты до 400—500 ц с 1 га, моркови до 250—300 ц с 1 га, овощей закрытого грунта до 30—35 кг с 1 м.

На современном этапе особое значение приобретает совершенствование организационно-экономических форм научного обслуживания АПК. В этой связи нам представляется целесообразным организация в качестве центра научного обеспечения агропромышленного комплекса республики — научно-производственного объединения (НПО). На наш взгляд, организация НПО в агропромышленном комплексе Коми АССР диктуется, с одной стороны, недостаточным уровнем и распыленностью проводимых научных исследований многочисленными научными учреждениями различных ведомств, их слабой материально-технической базой, невысокой эффективностью работ по внедрению результатов научных исследований в сельское хозяйство и другие отрасли агропромышленного комплекса, а с другой стороны, интеграционными процессами, происходящими в сельском хозяйстве.

Наиболее целесообразно создание НПО на базе Государственной сельскохозяйственной опытной станции Коми АССР в качестве головной организации. Это обосновывается тем, что во-первых, существующая и перспективная тематика научных ис-

следований опытной станции, имеющиеся научные заделы, кадровый состав и структура станции в наиболее полной мере соответствуют целям и задачам НПО, а во-вторых, опытная станция имеет определенный опыт координации научных исследований по сельскому хозяйству и внедрению результатов научных исследований в сельскохозяйственное производство.

Для обеспечения комплексного решения обозначенных выше научных и практических проблем в состав НПО целесообразно передать все отраслевые научно-исследовательские учреждения и их отделы, работающие в области сельскохозяйственной науки на территории Коми АССР, кроме подразделений Коми научного центра. Последние должны тесно сотрудничать с научно-производственным объединением.

Для укрепления производственной базы НПО и комплексного решения научных и производственных проблем в его состав, наряду с ОПХ станции им. А. В. Журавского, целесообразно включить несколько совхозов на правах юридически самостоятельных структурных единиц. Думается, что в составе НПО должны быть представлены хозяйства основных сельскохозяйственных зон республики или, по крайней мере, одно хозяйство от северных районов и одно от центральных и южных районов. С другой стороны, совхозы, включаемые в состав НПО, должны соответствовать специализации основной массы хозяйств Коми АССР. В целях обеспечения управления НПО хозяйство центральной зоны, передаваемое в состав НПО, должно территориально примыкать к нынешнему опытно показательному хозяйству Государственной сельскохозяйственной опытной станции.

Организация центра научного обслуживания агропромышленного комплекса должна способствовать усилению и повышению роли науки в агропроме как в фундаментальном, так и прикладном плане. В конечном счете должна быть поставлена задача создания научно-производственного объединения во главе с единым научным учреждением — Коми научно-исследовательским институтом сельского хозяйства.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

В. И. Мальцев

Осуществление в стране программы социалистической индустриализации позволило все возрастающую долю важнейших ресурсов для развития сельскохозяйственного производства создавать в отраслях промышленности, обеспечивая ими сельское хозяйство через систему межотраслевого обмена. Это способствовало перевооружению сельского хозяйства, последовательному переводу его на промышленную основу, позволяло быстрыми темпами повышать уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства и вооруженности труда работника.

Формирование составных частей материальной основы производства, традиционно создававшихся самой отраслью сельского хозяйства, также осуществляется с применением ресурсов, поставляемых промышленностью, характеризуя одновременно индустриализацию процессов в отрасли, внедрение достижений научно-технического прогресса в растениеводстве и животноводстве. В результате интенсивно развивающихся связей с другими отраслями народного хозяйства быстро укреплялась материально-техническая база сельского хозяйства Европейского Севера. За последние два десятилетия в совхозах региона, например, фондообеспеченность производства в денежном выражении в расчете на гектар сельхозугодий возросла более 9 раз, фондовооруженность труда работника — в 8 раз, а размер текущих производственных затрат на 1 га сельхозугодий более, чем в 7 раз. Размер производственных основных фондов в сельском хозяйстве Европейского Севера достиг суммы 3,5 млрд. руб., среднегодовые объемы капитальных вложений в последние годы составляли 450 млн. руб.

Рост поставок сельскому хозяйству региона средств и предметов овеществленного индустриального труда ставит целью обеспечить значительное увеличение объемов производства про-

дуктов за счет повышения производительности труда в растениеводстве и животноводстве, одновременное сокращение всех затрат живого труда на единицу продукции. Экономия живого труда в сельском хозяйстве должна превышать по своей величине затраты труда в отраслях промышленности, необходимые для производства материальных ресурсов сельскохозяйственного назначения. В этом суть перевода сельского хозяйства на индустриальную основу.

В то же время анализ обширного фактического материала по сельскому хозяйству Европейского Севера показывает, что увеличение объемов получаемой валовой продукции и повышение производительности труда в отрасли резко отстают от темпов роста общей обеспеченности сельского хозяйства производственными основными фондами и материальными ресурсами. Тенденция такого отставания сложилась с начала шестидесятых годов, динамика процесса весьма устойчива. Объяснение явления подводит к необходимости глубже рассмотреть проблемы теоретического и практического порядка, соприкасающиеся с сущностью индустриального развития сельского хозяйства. Экономическое содержание индустриализации сельского хозяйства, по-нашему мнению, не следует определять только степенью участия овеществленного промышленного труда в производстве сельскохозяйственной продукции.

Практика совхозного производства Европейского Севера подтверждает, что даже сравнительно высокий достигнутый уровень использования овеществленного промышленного труда в условиях рядовых хозяйств не дает должной отдачи. Следуя этому пути, повышенные объемы производства валовой продукции на одного среднегодового работника и резкая экономия рабочего времени на получение единицы продукции могут быть получены лишь в условиях узкоспециализированных производств, например, на птицефабриках в системе треста «Птицепром», в которых удельный вес продуктов промышленности в материальных затратах на основное производство достигает 82—85% против 32—36% в совхозах областей. Интенсивные преобразования по достижению уровня специализированных хозяйств в применении ресурсов промышленного происхождения не могут быть одновременно и быстро осуществлены во всех совхозах региона, это потребует длительного времени и гораздо больших, чем достигнутые среднегодовые, объемов капитальных вложений.

Исследование индустриализации производственных процессов растениеводства и животноводства, анализ формируемых при этом элементов издержек на производство продукции вскрывают сложные взаимосвязи и противоречия в развитии материально-технической базы сельского хозяйства. Истоки противоречивости связаны во многом с интенсивным расширением межотраслевых связей, отражают особенности этапа развития факторов производства и их общественную комбинацию.

Характеризуя индустриализацию сельского хозяйства как процесс, имеющий на современном этапе также важное социально-экономическое значение, формируемый под ее воздействием натурально-вещественный состав средств труда, в целом улучшает условия производства и соответствует природно-климатическим особенностям зоны, производственным типам сельскохозяйственных предприятий региона. Вместе с тем уже в процессе происходящего общего повышения уровня фондообеспеченности производства следует целенаправленно улучшать структуру элементов материально-технической базы, увеличивая при этом долю активно потребляемых продуктов промышленности. Повышение доли их применения заметно увеличивает производительность земледельческого труда, улучшает другие экономические показатели.

В настоящее время в совхозах Архангельской области и Коми АССР в совокупных затратах труда доля активно потребляемых материальных ресурсов в составе продуктов промышленности занимает лишь 16%. При этом удельный вес их в производстве продуктов растениеводства и животноводства значительно различается. Дальнейший анализ статей поэлементной калькуляции в составе совокупных затрат труда на производстве сельскохозяйственной продукции региона подводит к требованию, чтобы все факторы производства в отрасли были бы максимально приспособлены к машинной технологии. Без соблюдения принципа взаимной приспособленности факторов производства к машинной технологии индустриальное развитие сельского хозяйства (ввиду многообразия форм) не обеспечит быстрого снижения совокупных затрат труда в отрасли.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

РАЗВИТИЕ МОЛОЧНО-МЯСНОГО ПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА АПК КОМИ АССР

О. И. Конаков

Еще сравнительно недавно решение продовольственной проблемы большей частью зависело от уровня развития только сельского хозяйства. Значительная часть сельскохозяйственной продукции поступала в сферу личного потребления, минуя промышленную переработку. Сейчас связи сельскохозяйственного производства с другими отраслями как по линии снабжения его материально-техническими средствами, так и по линии переработки сельскохозяйственного сырья значительно усилились и усложнились.

Расширение ассортимента продуктов питания потребовало развития отраслей пищевой промышленности. Все большая часть сельскохозяйственного сырья, прежде чем попасть в сферу потребления, проходит промышленную переработку. Рост общественных потребностей, прогресс производительных сил, углубление общественного разделения труда обусловили формирование продовольственного комплекса, т. е. группы взаимосвязанных отраслей народного хозяйства, обеспечивающих население продовольствием. Процесс интеграции сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства не только обуславливает возникновение народнохозяйственного комплекса, но и приводит к формированию в его структуре продуктовых подкомплексов, каждый из которых объединяет отрасли, подотрасли и виды деятельности, тесно взаимосвязанные в производственном и технологическом отношении с точки зрения производства конкретных конечных продуктов питания. Формирование в структуре АПК продуктовых подкомплексов имеет большое значение, так как позволяет вести обоснование пропорций между сферами и отраслями с учетом технологических соотношений в производстве конкретных видов продукции.

При таком подходе молочно-мясной продуктовый подкомплекс АПК Коми АССР целесообразно рассматривать в следующем составе: кормопроизводство, скотоводство, свиноводство, мясное птицеводство, мясная и молочная промышленность, специализированная торговля молочными и мясными продуктами.

За последние годы весь прирост сельскохозяйственной продукции обеспечивался за счет общественного сектора. Доля совхозов и подсобных хозяйств в производстве молока в Коми АССР увеличилась за последние 15 лет с 71 до 82%, мяса всех видов соответственно с 65 до 76%. Меры по оказанию помощи и стимулированию развития личных хозяйств имеют важное значение, так как их доля в производстве важнейших сельскохозяйственных продуктов остается значительной. Личные подсобные хозяйства населения производят в Коми АССР 17,8% молока и 24,2% мяса. Помощь личным хозяйствам дает быструю отдачу при минимуме капитальных затрат государства.

Особенностью Коми АССР по сравнению с другими регионами страны является довольно высокий удельный вес подсобных хозяйств промышленных предприятий. Ими производится около четверти всего молока и пятой части мяса в республике. Подсобные хозяйства предприятий вносят весомый вклад в решение Продовольственной программы, и хотя у них еще много проблем, в частности, сравнительно высокая себестоимость продукции, дефицитность и малотранспортабельность производимой на них продукции определяет целесообразность ведения таких хозяйств. Высокий удельный вес подсобных предприятий в общем объеме сельскохозяйственной продукции объясняется также несоответствием размещения производства сельскохозяйственной продукции сложившемуся расселению населения. Так, в Ижемском и Усть-Цилемском районах, имеющих всего около 3% населения республики, производится более 15% всего молока в общественном секторе, а в соседнем Сосногорском районе и на территории, подчиненной Ухтинскому горсовету, производится менее 7% молока при населении около 16%. Это в условиях малой транспортабельности молока и плохих дорог создает проблему обеспечения ряда районов Коми АССР цельномолочной продукцией.

Анализ структуры производства и использования кормов в совхозах Госагропрома Коми АССР раскрывает четко выраженную тенденцию повышения доли концентрированных кормов, заметного снижения доли пастбищных кормов, сена и силоса. Эти изменения в структуре кормового баланса нежелательны, они приводят в конечном итоге к увеличению себестоимости, трудоемкости и капиталоемкости продукции животноводства. Определяющее влияние на выбор рациональной структуры кормопроизводства оказывают дефицитность трудовых ресурсов и наличие большого потенциального ресурса кормов — естественных сенокосов и пастбищ, особенно в поймах рек. В этих условиях преимущественное развитие должно по-

лучить производство кормов, обладающих наименьшей трудоемкостью в расчете на 1 кормовую единицу (пастбищные корма, естественные сенокосы, многолетние травы).

Обеспечение комплексной переработки молочного и мясного сырья, увеличение выхода конечной пищевой продукции являются важнейшими условиями эффективного функционирования подкомплекса в целом. Решение этой проблемы сводится к повышению степени использования биологически ценных веществ (прежде всего белка и жира), содержащихся в молочном и мясном сырье. В молочной промышленности основное внимание должно быть сосредоточено на повышении доли молочного белка, идущего на пищевые цели. Сложившаяся структура производства молочных продуктов недостаточно эффективна как с точки зрения ее соответствия физиологическим нормам потребления молочных продуктов, так и с позиций рационального использования белка, содержащегося в молочном сырье.

В 1986 г. предприятиями молочной промышленности Коми АССР использовалось на выработку масла более 40% всего молока, поступившего в переработку. В результате на пищевые цели направляется преимущественно жир молока. В то же время обрат, пахта и сыворотка используются недостаточно, хотя там сохраняются все полезные компоненты, кроме жира, содержащиеся в цельном молоке. В то же время потребности населения в ряде районов Коми АССР в цельномолочной продукции удовлетворяются не полностью. В 1986 году 18% всей молочной продукции (в пересчете на молоко) было выработано из сухого молока и сливок. В связи с этим в районах республики, малообеспеченных продукцией молочного скотоводства, в целях более полного удовлетворения потребностей населения в цельномолочной продукции, а также снижения народнохозяйственных затрат на производство животного масла и сыра целесообразно сократить, а в некоторых случаях и вовсе прекратить выработку этих продуктов, переключившись на ввоз их из других районов и из-за пределов республики. В районах же, избыточных по производству молока, в перспективе целесообразна частичная переработка молока в другие виды траспортабельной продукции, прежде всего в сливочное масло.

Для ликвидации существующих и создания условий для предотвращения возможных диспропорций в будущем требуется совершенствование планирования АПК, продовольственного комплекса и продуктовых подкомплексов. Выделение молочно-мясного продуктового подкомплекса как объекта планирования и применение прогрессивных методов планирования дало бы возможность сбалансировать развитие отдельных отраслей, входящих в подкомплекс, устранить диспропорции и на этой основе добиться существенного сокращения потерь, более рационального использования сырья и повышения эффективности производства.

КАРТОФЕЛЕ-ОВОЩНОЙ ПОДКОМПЛЕКС РЕСПУБЛИКИ

Э. В. Миронова

В рамках АПК республики одним из важнейших продуктовых подкомплексов является картофеле-овощной. Он выражает совокупность технологически взаимосвязанных производств, включающих селекцию, первичное семеноводство картофеля и овощей, их товарное производство, заготовку, хранение, переработку и реализацию через сеть специализированных магазинов. Данный подкомплекс представлен совхозами, тепличными комбинатами и плодоовощными базами, расположенными на территории республики. На его долю приходится 7% в структуре валовой продукции АПК. В настоящее время государственные закупки в хозяйствах всех категорий составляют по картофелю 31, овощам —81% [1].

В структуре посевных площадей всех категорий хозяйств картофель и овощи составляли в X пятилетке около 15%, а в XI пятилетке — 15,5%. На их долю приходилось соответственно в X пятилетке — 58 и в XI — 52% валовой продукции растениеводства. Большое количество выращенного картофеля и овощей не доходит до потребителя из-за отставания отраслей, занимающихся заготовкой, переработкой, хранением и реализацией этой продукции. Материально-техническая база по хранению картофеля и овощей не имеет достаточной мощности, а это ограничивает объемы закупок продукции и приводит к значительным потерям.

В картофеле-овощном подкомплексе слабо представлены звенья селекции картофеля, селекции и семеноводства овощей, переработки картофеля и овощей. Переработка картофеля в небольших объемах осуществляется лишь в двух крахмальных цехах, расположенных в Прилузском районе. Переработка овощей (капусты) производится в более широком объеме [2].

Рассматривая современное состояние развития сферы производства следует отмстить, что наблюдаются значительные ко-

лебания по годам урожайности как по картофелю, так и по овощным культурам во всех совхозах республики. Колебания урожайности по зонам, совхозам и годам не гарантируют поставки качественного картофеля, а также овощей в полной потребности.

Например, урожайность картофеля в 1985 г. была на уровне 1960 г. В одиннадцатой пятилетке — на уровне восьмой (134—135 ц/га). Если взять 1975 г. за 100%, то из десяти последующих лет только два раза она превышала уровень 1975 г., а по овощам — 4 раза. Урожайность картофеля во многих хозяйствах как минимум два года из пяти была ниже товарного уровня. И это несмотря на постоянное укрепление материально-технической базы, рост добавочных вложений. На осушенных землях производство не оправдывает вложенных средств.

Различия в уровне урожайности, себестоимости и трудоемкости производства в одной и той же зоне или районе нельзя объяснить природными и экономическими условиями. Эти различия свидетельствуют о необходимости рационального использования материально-технической базы.

В силу специфических условий Севера, выращивание возможно далеко не во всех районах, поэтому посевные площади находятся в основном в южной и центральной зонах республики.

В южной зоне размещено посевных площадей картофеля 50% и овощей 72%, урожайность составила соответственно 126 и 269 ц с 1 га. На центральную зону приходится 42% посевных площадей картофеля и 24% овощей, при урожайности 120 и 146 ц с 1 га. В северной зоне — 8% посевных площадей картофеля и 4% овощей, урожайность составляла 85 и 122 ц с 1 га. Такое размещение экономически оправдано, так как себестоимость и прямые затраты в расчете на единицу продукции в среднем по северной зоне примерно в два раза выше, чем в хозяйствах центральной зоны республики.

Урожайность картофеля в немалой степени зависит от состояния сортового семеноводства. Сортовые посевы картофеля в республике составляют 56%, а посевы районированными сортами — 52%. Поэтому важным фактором развития картофеле-овощного продуктового подкомплекса является совершенствование развития семеноводства и перехода на сплошные посадки картофеля сортовыми семенами. Рекомендуется для выращивания сортовых семян создать специализированные бригады, а размножением семян могут заниматься специализированные питомники и семенные участки.

В целях борьбы с болезнями семеноводство картофеля необходимо перевести на безвирусную основу, районировать более скороспелые сорта, устойчивые к грибковым заболеваниям, обладающие повышенной лежкоспособностью [3].

Концентрация посевов картофеля и овощей способствует

согласованной работе всех взаимосвязанных подразделений, но в наших условиях не всегда возможно иметь в одном хозяйстве оптимальные площади под этими культурами. Без разрешения вопросов специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, создание картофеле-овощного подкомплекса не даст ожидаемого эффекта, поэтому необходимо поэтапно переводить отрасли на промышленную основу.

Важнейшим звеном картофеле-овощного продуктового подкомплекса является овощеводство защищенного грунта.

По сравнению с 1980 г. площадь защищенного грунта увеличилась в 2 раза, а валовой сбор овощей возрос в 1,4 раза, но потребление овощей защищенного грунта в настоящее время составляет немногим более 4 кг в год на одного человека (в РСФСР — 7 кг).

Овощеводство защищенного грунта в условиях Севера имеет свои особенности развития: низкие температуры атмосферного воздуха требуют повышенных затрат на обогрев теплиц; короткий световой день в осенне-зимний период вызывает необходимость применения искусственного освещения. Эти факторы существенно отражаются на себестоимости тепличных овощей и сроках их поступления в торговую сеть [4].

В настоящее время совхозы и другие отрасли подкомплекса почти полностью обеспечены хранилищами, но многие устарели и не соответствуют современным требованиям технологии хранения. Например, обеспеченность капитальными хранилищами составляет около 60%, остальные подлежат списанию или требуют реконструкции. Часть хранилищ расположена в приспособленных помещениях. Хранилищами, отвечающими современным требованиям, необходимо обеспечить, как предприятия второй сферы, так и предприятия третьей сферы АПК, осуществляющих сохранность и доведение продукции до потребителя.

В нынешних условиях, когда в разгар уборки не хватает транспортных средств для вывозки продукции к пунктам переработки, а также перевозки огромного количества отходов, нестандартной продукции, загрязненного картофеля, целесообразно значительное количество картофеля хранить и перерабатывать в районах производства и по мере необходимости доставлять в пункты потребления.

Принятая у нас система поставки населению почти исключительно неподготовленного картофеля, к тому же с поврежденными и нестандартными клубнями приводит к большим отходам.

Сосредоточение части произведенной продукции для хранения и переработки в местах производства и частичной подготовки ее к реализации позволит более рационально использовать материальные и трудовые ресурсы и направлять в продажу отборный, чистый продукт в упаковке. Все отходы при

переработке, нестандартная продукция могут быть использованы на корм животным.

Пока у совхозов нет заинтересованности в хранении и более тщательной подготовке продукции к реализации, так как это связано с дополнительными затратами, которые не компенсируются уровнем закупочных цен.

Таким образом, увеличение производства картофеля и овощей, обеспечение потребителей качественной продукцией должно идти по пути увеличения урожайности на основе дальнейшей интенсификации, внедрения достижений научно-технического прогресса, сокращения потерь произведенной продукции, повышения заинтересованности заготовительных, торговых и перерабатывающих предприятий в росте урожайности этих культур.

* * *

1. Система ведения сельского хозяйства Коми АССР. Организационно-экономические основы ведения сельского хозяйства агропромышленного комплекса. Т. 3.— Сыктывкар, 1985.— С. 38.
2. Там же, с. 38.
3. Там же, с. 41.
4. Там же, с. 45.

№ 112 1989

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДООБЕСПЕЧЕННОСТИ АПК

В. В. Терентьев

Дальнейшее наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции и повышение его эффективности связано с проблемой трудообеспеченности сельского хозяйства и других отраслей и сфер АПК. В отличие от сельской местности страны воспроизводство рабочей силы на селе Коми АССР происходит в условиях высокой занятости трудовых ресурсов в промышленности и относительной неразвитости социальной инфраструктуры.

В настоящее время сложились диспропорции, несоответствия между трудовыми, материально-техническими и земельными ресурсами, между трудовыми ресурсами и неотложными мерами по ускорению решения продовольственного вопроса в регионе. Для удовлетворения АПК рабочей силой трудовых ресурсов в Коми АССР недостаточно. Регион относится к группе трудонедостаточных. В целом по АПК и в ряде его звеньев ощущается дефицит кадров. Общий дефицит в рабочей силе по АПК в 1986 г. составлял около 7%, в том числе в совхозах Госагропрома Коми АССР — 11% от общей потребности. В напряженные периоды в сельском хозяйстве увеличивается в 2—2,5 раза. Дефицит кадров характерен для большинства совхозов.

В этих условиях назрела необходимость выработки научной концепции оценки трудообеспеченности АПК, путей и мероприятий обеспечения сбалансированности рабочих мест с рабочей силой на уровне предприятия, отрасли, района, республики.

Причины несбалансированности АПК рабочей силой многообразны:

— снижение естественного прироста сельского населения и существенное сокращение трудовых ресурсов села;

— повышенная интенсивность миграции сельского населения, особенно трудоспособного и прежде всего молодежи из-за неудовлетворенности и существенных социально-экономических различий в условиях труда и быта, образа жизни трудящихся

города и села, не компенсировано ростом производительности общественного труда в сельскохозяйственном производстве и в других отраслях народного хозяйства;

— отставание в социально-экономическом развитии села, неудовлетворенность условиями и оплатой труда, развитием производственной (дороги, связь, газовое хозяйство, водопровод) и непроизводственной инфраструктуры (жилье, больницы и поликлиники, школы, клубы и библиотеки, детские сады и ясли). В целом качество жизни в деревне пока значительно уступает городу;

— рассогласование между экономическими и демографическими процессами развития, между отраслями, межотраслевым формированием рабочих мест и территориальным воспроизводством трудовых ресурсов, между воспроизводством трудового потенциала села и формированием общей трудоемкости народнохозяйственного комплекса села;

— недостаточная заинтересованность работников в результатах своего труда, неполная реализация трудового потенциала;

— упущения в организации производства, труда и управления;

— несовершенство управлением воспроизводства рабочих мест;

— низкая эффективность трудосберегающей политики, медленные темпы сокращения трудоемкости производства, ручного неквалифицированного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства. В совхозах Госагропрома Коми АССР доля рабочих ручного труда в 1985 г. составляла 60,6%, в объединениях Комиагропромстрой —68,6%, Комимелиорация — 30,8%;

— недостаточные масштабы привлечения в общественное производство лиц пенсионного возраста, сохранивших трудоспособность, а также подростков до 16 лет. Доля работающих пенсионеров и подростков в составе трудовых ресурсов АПК крайне мала и систематически сокращается.

Несбалансированность АПК рабочей силой вызывает негативные последствия: замедляется решение продовольственной проблемы, снижается эффективность производства, возрастает шефская помощь со стороны несельскохозяйственных сфер занятости, остается низкой трудовая и производственная дисциплина, медленно сокращается миграционная подвижность и текучесть кадров, внеплановый отток рабочей силы из АПК.

Результаты исследований трудообеспеченности и занятости в условиях агропромышленной интеграции свидетельствуют, что для достижения сбалансированности между трудовыми, земельными, материально-техническими ресурсами и решениями региональных социально-экономических задач развития АПК необходимо решить следующие проблемы:

— создание в городе и селе социально-равных условий жизни, выравнивание среднедушевых доходов и потребления городского и сельского населения, достижение социально-экономического равенства между ними в условиях труда и быта, в уровне материального благосостояния, возможностях развития личности, полной реализации способностей, а в целом одинакового удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей;

— неуклонное улучшение условий сельскохозяйственного труда, обогащение его функционального содержания, преодоление социально-экономических различий между промышленным и сельскохозяйственным трудом, внутри сельскохозяйственного труда, превращение аграрного труда в разновидность индустриального и повышение престижности сельскохозяйственных профессий;

— снижение трудоемкости производства на основе повышения технической вооруженности труда, внедрения высокопроизводительной техники и перехода от механизации отдельных производственных процессов к комплексной механизации и автоматизации, особенно механизации вспомогательных работ, внедрения трудосберегающих технологий;

— повышение эффективности использования рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве и в других сферах и отраслях АПК на основе внедрения подряда, особенно арендных форм организации труда и материального стимулирования, повышения квалификации кадров, социально-трудовой активности, сокращения потерь и непроизводительных затрат рабочего времени. Возрастание роли и активизации человеческого фактора;

— улучшение качественного состава кадров, укрепление всех участков производства хорошо подготовленными руководителями, специалистами, кадрами массовых профессий, имеющими специальное образование;

— развитие подсобных производств и промыслов, опирающееся на производственную кооперацию между совхозами и промышленными предприятиями на взаимовыгодных договорных условиях;

— совершенствование управления трудовыми ресурсами АПК на основе разработки комплексных систем, представляющих механизм управленческого взаимодействия государственных органов территориального управления в лице Советов народных депутатов и подведомственных им организаций (плановых, по труду и социальным вопросам и др.) с предприятиями и организациями АПК;

— развитие личных подсобных хозяйств. Улучшение организации закупок сельскохозяйственной продукции у населения. Снижение трудоемкости ведения личных хозяйств. Обеспечение личных подворий кормами и другими материальными ресурсами. Развитие интеграционных связей личного подсобного хозяйства с общественным производством.

Труды Коми научного центра УрО АН СССР

№ 112 1989

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ АПК: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ю. В. Тутринов

Решение продовольственной проблемы зависит от сбалансированного и пропорционального развития всех составляющих агропромышленного комплекса. Производственное обслуживание как составная часть производственной инфраструктуры АПК оказывает существенное влияние на эффективное использование производственного потенциала и укрепление материально-технической базы агропромышленного комплекса.

Рост технической оснащенности агропромышленного производства выдвигает на первый план проблему обеспечения работоспособности и надежности техники. Важное значение в связи с этим приобретает организация производственно-технического обслуживания сельского хозяйства и других отраслей АПК.

Основными звеньями системы производственно-технического обслуживания (ПТО) в АПК Коми АССР являются районные и межрайонные ремонтно-технические предприятия (РТП) Госагропрома, а также внутрихозяйственные подразделения совхозов и других предприятий АПК. Основные их функциональные задачи — ремонт и техническое обслуживание машинно-тракторного парка, сельскохозяйственной техники, механизация работ в животноводстве, агрохимическое, транспортное обслуживание и снабженческая деятельность.

За последние годы объемы производства продукции и услуг специализированных подразделений Госагропрома значительно выросли. По сравнению с 1975 г. при росте валовой продукции сельского хозяйства в совхозах Госагропрома в 1,5 раза, объемы производства обслуживающих предприятий возросли почти в 3 раза. Однако, если учитывать только ремонтно-обслуживающие подразделения (ремонтные мастерские и станции технического обслуживания), то рост объемов производства и услуг за эти годы (в 2,7 раза) вполне сопоставим с ростом стоимости

машин, оборудования и транспортных средств в совхозах: с 1975 г. она выросла в 2,5 раза.

Анализ работы инженерных служб совхозов, ремонтно-технических предприятий Госагропрома показал, что в настоящее время определились положительные тенденции в их деятельности. Внедряется порядок планирования объемов работ на основе заявок обслуживаемых хозяйств. Совершенствуется стимулирование работников РТП за конечные результаты деятельности хозяйств и повышается их заинтересованность в качественном выполнении заявок. С 1 января 1988 г. эти предприятия перешли на полный хозяйственный расчет и самофинансирование.

Однако ожидаемые преимущества ликвидации ведомственной разобщенности на районном уровне в полной мере еще не реализуются. Имеют место факты проявления отраслевой внутриведомственной разобщенности, заинтересованности обслуживающих предприятий в развитии лишь собственного производства без учета интересов совхозов и других предприятий АПК. Экономические интересы обслуживающих подразделений агропрома слабо связаны с конечными результатами агропромышленного производства. С созданием единого органа управления АПК — Госагропрома — эта проблема осталась, она лишь перешла из межведомственной сферы во внутриведомственную.

Таким образом, несовершенство организационно-экономической структуры ПТО, слабая зависимость результатов обслуживающих формирований Госагропрома от конечных результатов агропромышленного производства требуют ее совершенствования в целях повышения технической готовности и надежности сельскохозяйственной техники и сокращения затрат на техническое обслуживание и ремонт в общих затратах на механизированные работы.

Существуют различные подходы по развитию организационно-экономических форм ПТО: осуществление преимущественного развития ремонтно-обслуживающей базы непосредственно в совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях; развитие фирменного обслуживания машин и оборудования по линии головного предприятия-изготовителя техники; создание в рамках административного района единых служб ПТО на основе хозрасчетного объединения по механизации с головным предприятием — РТП; кооперативные формы организации ПТО.

Преимущественное развитие ремонтно-обслуживающего производства непосредственно в хозяйствах приведет к недоиспользованию ремонтно-обслуживающей базы совхозов. Кроме того, в условиях полного хозрасчета и самофинансирования значительные дополнительные затраты на создание полностью автономной ремонтной базы могут превысить экономию за счет ремонта техники собственными силами.

Такая форма организации технического обслуживания, как фирменное обслуживание, в условиях региона затруднена большой рассредоточенностью объектов обслуживания при плохом состоянии дорожной сети, многомарочностью машин, большими капитальными затратами по этому варианту. Тем не менее, эта форма организации технического обслуживания перспективна по отдельным видам сельскохозяйственной техники.

Нам представляется, что наиболее целесообразны в настоящее время два последних варианта. В первом случае функции руководящего организационно-технического центра единой инженерной службы возлагается на ремонтно-техническое предприятие. РТП включает в свой состав районный ремонтно-обслуживающий комплекс, базу снабжения запасными частями, автотранспортное подразделение. РТП, как головное предприятие объединения по механизации, централизует функциональное управление цехами и службами совхозов района, координирует их деятельность и на этой основе проводит единую техническую политику в вопросах совершенствования материально-технической базы, использования и содержания техники. На него возлагается ответственность за обеспечение технической готовности машинно-тракторного парка в заданные оптимальные периоды сельскохозяйственных работ и снижение удельных затрат на ремонт и техническое обслуживание.

Особенность второго варианта — организация ПТО на кооперативных началах. Здесь интеграторами, полными хозяевами обслуживающих подразделений, являются сами сельскохозяйственные предприятия. Совхозы и другие предприятия АПК района, как коллективные производители сырья, создают кооперативы по совместным видам деятельности, в том числе и по производственно-техническому обслуживанию (по типу агропромышленного объединения «Новомосковское» Тульской области). Уполномоченные представители хозяйств избирают на несколько лет правление кооператива — в основном это главные инженеры совхозов и других предприятий АПК района. Вся производственно-хозяйственная деятельность кооператива определяется на основании представленных совхозами заявок. Расчеты за выполнение работы производятся по утвержденным правлением кооператива расценкам и тарифам.

Таким образом, возможны различные варианты организации ПТО агропромышленного производства. Организация ПТО на кооперативных началах, как нам представляется, наиболее предпочтительный вариант. При этой форме организации обслуживания, характеризующейся максимальной демократизацией управления, обслуживающие подразделения в наибольшей степени поставлены в зависимость от основных производителей сельскохозяйственной продукции, и результаты их деятельности непосредственно связаны с конечными результатами сельскохозяйственного и агропромышленного производства.

СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КОМИ АССР

М. А. Чувьюров

Наука и практика перестройки выявили причины возникновения механизма торможения периода застоя в экономике — это игнорирование требований объективных законов развития, субъективизм в управлении обществом, способствующий развитию административно-командной системы руководства, отчуждение непосредственного потребителя материальных благ от социалистической собственности, игнорирование материальной заинтересованности в повышении эффективности общественного производства.

Это полностью следует отнести к развитию региональных и общесоюзного агропромышленных комплексов (АПК). Под агропромышленным комплексом мы понимаем агроэкономическую систему, возникающую на определенном этапе общественного разделения труда в результате горизонтальной и вертикальной интеграции аграрных и промышленных отраслей и развивающуюся под воздействием объективных экономических, агробиологических и физико-химических законов. Региональный агропромышленный комплекс является подсистемой по отношению к общесоюзному агропромышленному комплексу.

В целях сбалансированного, пропорционального развития продуктовых подкомплексов: молочно-мясного, картофеле-овощного и других,— а также для ускоренного развития социальной сферы необходимо разработать рациональную структуру капитальных вложений и основных производственных фондов, неуклонно и целенаправленно повышать эффективность их использования.

Агропромышленный комплекс Коми АССР на 1995 г. ставит задачу довести потребление продуктов на душу населения (соответственно всего и в том числе за счет местного производства, в кг): мясо и мясопродукты — 75 и 34; молоко и молочные продукты — 361 и 179; рыба и рыбопродукты — 23,7 и 1,4; картофель — 110 и 80; овощи — 110 и 32; яйцо — 317 и 317 шт.

Довести за счет привоза из других областей потребление, в кг: масла растительного — до 12, сахара — до 40,7, бахчевых культур — 12, фруктов, ягод и винограда — до 71 . Для этого за 1991—1995 гг. будет вложено на производственное и непроизводственное строительство в АПК по всем источникам финансирования 836,7 млн. руб, доля капвложений на производственные цели составит 84, на непроизводственные — 16%; на жилищное строительство выделяется 104,4 млн. руб., или 12%. В Коми АССР объем капитальных вложений, направленных на развитие сельского хозяйства за последние 16 лет, превысил 1 млрд. руб., фондообеспеченность (в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий) возросла в 5 раз, однако валовая продукция сельского хозяйства поднялась только на 46%.

М. С. Горбачев на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркнул, что «есть главная... причина того, что капитальные вложения, направляемые в сельское хозяйство, в аграрный сектор, не дают должной отдачи. Она состоит в том, что практические меры по укреплению материальной базы села одновременно не подкреплялись соответствующей работой по изменению экономических отношений в деревне».

Низка отдача капитальных вложений и основных производственных фондов не только в обычных совхозах и колхозах, но и опытно-производственных хозяйствах научных учреждений, которые призваны разработать рациональные пути интенсификации и повышения эффективности производства. Так, например, уже в 1987 г. фондообеспеченность ОПХ научных учреждений отделения ВАСХНИЛ НЗ РСФСР была 1,5 раза выше, чем в среднем хозяйствах Нечерноземной зоны, и составил более 180 тыс. руб. на 100 га сельскохозяйственных угодий. Однако в одиннадцатой пятилетке производство валовой продукции на каждом гектаре в среднем по ОПХ научных учреждений не превышало аналогичный средний показатель по хозяйствам Нечерноземной зоны и равнялось 637 руб., фондовооруженность в ОПХ научных учреждений была на 24% выше, однако фондоотдача на каждые 1000 руб. основных производственных фондов равнялась 416 руб., или была более, чем на 10% ниже, чем в среднем по хозяйствам Нечерноземной зоны.

На Государственной сельскохозяйственной опытной станции Коми АССР в 1987 г. на каждую тысячу ресурсного потенциала производилось валовой продукции (в сравнимых ценах 1983 г.) 107 руб., или на 30% меньше по сравнению со средним аналогичным показателем по хозяйствам Госагропрома Коми АССР, на 36% меньше — по сравнению с совхозом имени 50-летия СССР и на 28% меньше по сравнению с соседним совхозом «Сыктывкарский». Отдача основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения на каждую тысячу составила 221 руб., или была почти в 2 раза ниже среднего показателя по хозяйствам Госагропрома Коми АССР. А ведь ОПХ научных учреждений, как правило, пригородные хозяйства, и внутрихозяйственные дороги, и жилищные условия работников в них лучше, чем на обычных сельскохозяйственных предприятиях.

Какая же причина низкой отдачи ресурсного потенциала не только в обычных хозяйствах, но и в ОПХ ряда научных учреждений? На наш взгляд, основная причина заключается в недооценке совершенствования экономических отношений и хозяйственного механизма: внедрение кооперации, хозрасчета, разных форм подряда (арендного, коллективного, семейного, индивидуального), медленное освоение экономических методов управления.

Кроме того, в ряде мест в период застоя закрепились неправильные теоретические концепции на интенсификацию сельскохозяйственного производства, которые отрицательно влияют на использование капитальных вложений, основных фондов, на повышение эффективности производства.

Так, например, Н. В. Гусятников и П. Ф. Харитонов отмечают: «Нередко делается категоричное ошибочное заявление, что интенсификация вообще исключает возможность отставания валовой продукции сельского хозяйства в расчете на гектар земли от роста основных фондов на ту же площадь. Это неправильно. Предположим, что хозяйство использовало значительную часть капитальных вложений на строительство производственных помещений (а не увеличение объемов продукции), которых ранее было недостаточно, или они были в неудовлетворительном состоянии. Такое направление капитальных вложений вполне оправдано. И в данном случае было бы ошибочно выдвигать требования, чтобы в опережающей или хотя бы в этой же пропорции увеличивался в хозяйстве объем валовой продукции. На определенных этапах снижение фондоотдачи возможно и закономерно» (См. П. Ф. Харитонов и Н. В. Гусятников «Агропромышленный комплекс республики. Структура. Цели. Задачи».— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985.— С. 76). Директор Госсельхозопытной станции Коми АССР Г. Т. Шморгунов, поддерживая эту точку зрения, добавляет, что более низкая отдача ресурсного потенциала по сравнению с обычными хозяйствами характерна для всех ОПХ научных учреждений, поскольку, дескать, у последних более высокий уровень фондовооруженности и фондообеспеченности.

Что касается закона убывающего плодородия земли, то так называемый «закон» был развенчан еще В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5.— С. 101—105). Не подтверждает «открытый» вышеуказанный авторами «закон» и наша сельскохозяйственная практика. Так, например, в Орловской области за период 1980—1986 гг. при росте фондообеспеченности в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий от 59,6 до 86,7 тыс. руб., фондоотдача в расчете на 1000 руб. основных фондов выросла

от 481 до 541 руб., или на 12%. Такая же тенденция выявляется в Калининской, Рязанской и Тульской областях. В Коми АССР фондоотдача снизилась с 1980 по 1986 гг.: в целом по общественным хозяйствам — от 592 до 411 руб., или на 44%, в ОПХ Госсельхозопытной станции Коми АССР от 259 до 221 руб., или на 17%. Этот показатель, как мы видим, в ОПХ был в 1,9 раза ниже среднереспубликанского уровня.

Теоретическое и практическое оправдание повышения капитальных вложений в единицу площади без соответствующего роста выхода продукции (т. е. без роста экономического плодородия земли) с этих земельных участков не нацеливает на повышение эффективности производства, а вообще «снимает» решение таких проблем, как: во-первых, комплексное внедрение элементов научно обоснованной системы ведения сельского хозяйства; во-вторых, снижение потерь урожая и более глубокая переработка сельскохозяйственного сырья организацией агрофирм и агрокомбинатов; в-третьих, совершенствование структуры капитальных вложений и основных производственных фондов, в-четвертых, совершенствование цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию и достижение эквивалентного обмена продукцией сельского хозяйства и промышленности; и, наконец, удешевление проектов капитального строительства в агропромышленном комплексе. Дело дошло до того, что проектируются коровники стоимостью одного скотоместа до 3 000 руб., после строительства стоимость доходит до 4 тыс. руб.

Неверная теоретическая концепция всегда порождает неэффективное хозяйствование. Так, например, в 1987 г. в ОПХ ГСХОС Коми АССР по сравнению с предыдущим годом стоимость валовой продукции (в сопоставимых ценах 1983 г.) уменьшилась на 4,7%, прибыль от реализации продукции сократилась более чем в 2 раза, а балансовая прибыль — даже в 3 раза. Значительно ниже по сравнению с соседними хозяйствами оказались уровни урожайности и рентабельности производства. В 1980—1986 гг. по чистопородному айрширскому стаду за 305 дней лактации удой на корову снизился на 366 кг и составил 4 094 кг; за этот период в совхозе имени 50-летия СССР по такому же стаду средний удой на корову поднялся на 611 кг. Экономическую реформу должны осуществлять экономически грамотные, компетентные руководители. Нужно решительно повышать качество руководства за счет резкого сокращения количества управленческих кадров. В Коми АССР, например, на 38,8 тыс. работающих на предприятиях Госагропрома (на I.VI.88 г.) приходилось 221 чел. в аппарате Госагропрома, 256 чел.— в аппарате районных агропромышленных объединений, кроме того, в совхозах и госхозах работает 4 060 специалистов с высшим и средним образованием, или 12% от общего количества работающих. На I июня 1988 г. среднемесячная зарплата работников совхозов составила 227 руб., работников

аппарата районных агропромышленных объединений 394 руб., аппарата Госагропрома Коми АССР — 523,4 рубля. Кроме того, работники аппарата управления живут в городских условиях.

А вот в каких условиях живут работники совхозов. Так, на 1986 г. в общественном жилом фонде было обеспечено (в % к общему жилому фонду): водопроводом — 21, канализацией — 16, горячим водоснабжением — 5, ванной — 12, газом — 35%. Капитальных вложений на развитие жилищного строительства в расчете на одного сельского жителя выделялось: в девятой пятилетке — 55,1 руб., в десятой — 148,7 руб., в одиннадцатой — 224 руб., что ниже средних показателей РСФСР.

Компетентность специалиста и руководителя определяется системой объективных показателей, среди них: уровень и темпы роста выхода продукции с единицы площади земли, производительности труда, фондоотдачи и рентабельности производства.

В научных учреждениях один из объективных экономических показателей — получение реального экономического эффекта. На основе этих показателей можно оценивать эффективность агропромышленного производства. И если эти объективные показатели эффективности производства и науки ухудшаются, руководителей нужно учить лучше использовать ресурсы, организации научных исследований, а не выдвигать на вышестоящие должности. Только так можно успешно осуществлять экономическую реформу в агропромышленном комплексе. Система показателей объективной оценки работы должна быть и для партийных и советских работников. Как сказал Е. К. Лигачев на XIX партконференции,— надо буквально поднять на щит результативность, как решающий критерий оценки каждого коллектива. Необходимо также не останавливать работу по поиску эффективных форм соединения науки и производства: организацию научно-производственных объединений, научно-производственных комбинатов; выделение средств научных учреждений для организации научных подразделений (лабораторий), опорных пунктов при районных агропромышленных объединениях, организованных на кооперативной основе; улучшение научного обеспечения базовых хозяйств, входящих в центры научного обеспечения агропромышленного комплекса республик и областей. Нужно считать далее нетерпимым, что два института (биологии и физиологии) и аграрный сектор экономики Коми научного центра Уральского отделения АН СССР не имеют своего опытно-производственного хозяйства и имеют крайне слабую экспериментальную базу.

Коми научный центр УрО АН СССР должен иметь крупное современное опытно-производственное хозяйство (агрофирму, научно-производственное объединение) с производственными подразделениями во всех зонах республики, позво-

ляющее на основе применения достижения экономических, биологических, физико-химических наук получать существенный экономический (социальный, экологический) эффект и разрабатывать рациональные пути интенсификации агропромышленного производства.

Реальный экономический (социальный, экологический) эффект можно получить только комплексным внедрением всех элементов научно-обоснованной системы ведения сельского хозяйства АПК.

Данные исследований показывают, что в условиях Севера получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур зависит на 30% от правильного использования органических и минеральных удобрений; на 15% от внедрения новых сортов и улучшения семеноводства, 10% от мелиорации, 20% от внедрения севооборотов и на 15% от совершенствования технологии возделывания сельскохозяйственных культур. Рост продуктивности животных на 50—60% зависит от полноценности кормления, на 20—30% от племенных качеств стада, на 15—20% от технологии содержания и обслуживания их. Эти факторы в каждом конкретном хозяйстве будут проявляться по-разному. Но можно смело утверждать, как об этом свидетельствует опыт передовых хозяйств, успех дела будут решать не единичные работы, а внедрение комплекса элементов научно обоснованной системы ведения агропромышленного производства.

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР В СИСТЕМЕ ОБЛАСТНОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (АПК)

Н. Г. Карпеченков

Структурная политика партии на современном этапе предполагает глубокое совершенствование пропорций между отраслями и сферами в системе межотраслевых, территориальных комплексов [1]. Коренной проблемой структурной политики АПК является изменение пропорций между отраслями внутри производственной сферы (совершенствование производственной инфраструктуры) и изменение пропорций отраслей социальной инфраструктуры внутри непроизводственной сферы. Комплексный характер агропромышленного производства и его расширение в рамках региона усложняют структуру АПК, усиливают взаимозависимость производственной и непроизводственной сфер. Поэтому актуальность экономической сбалансированности указанных сфер в системе АПК данного региона возрастает, а методология комплексного подхода к этому вопросу остается недостаточно разработанной.

Если исходить из основного экономического закона социализма, то конечной целью преобразования всех отраслей и сфер АПК является не само по себе производство сельскохозяйственного продовольствия и сырья, а создание условий жизнедеятельности, удовлетворение личных и общественных потребностей тружеников села. Самой крепкой гарантией всех успехов АПК «является постоянная забота об условиях труда и быта сельских тружеников»,— подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС съезду [2].

Фундаментальным условием сбалансированного ведения обеих сфер АПК с учетом приоритета социального аспекта является планомерное, согласованное регулирование объемов (и качества) производственных и непроизводственных фондов. Сбалансированная структура этих фондов по их потребитель-

ным стоимостям (свойствам) и функциям позволяет сформировать единую систему мест жизнедеятельности, повысить степень удовлетворения личных и общественных потребностей тружеников села, способствовать развитию двух сфер одновременно. В этом проявляется особое социально-экономическое качество фондов, общественная их полезность.

Материальной основой формирования сбалансированной структуры производственных и непроизводственных фондов между указанными сферами АПК на практике является инвестиционная политика.

Таблица 1

Капитальные вложения государства и колхозов в развитие сельского хозяйства Вологодской области*

Показатели	В среднем за год				
	1966/70 гг.	1971/75 гг.	1981 г.	1983 г.	1985 г.
В объекты производственного назначения, %	100,0	175,5	290	290	300
Их удельный вес в общей сумме	82,2	82,3	78,3	76,4	73,9
Капитальные вложения в объекты непроизводственного назначения, %	100,0	174,7	380	420	490
Отношение суммы капитальных вложений в объекты производственного назначения к вложениям непроизводственного назначения	4,8:1	4,6:1	3,6:1	3,2:1	2,8:1

* Рассчитано по: Вологодская область в одиннадцатой пятилетке. Стат. сб.— Архангельск, 1987.— С. 148.

Из табл. 1 видно, что абсолютные объемы капитальных вложений увеличились. Заметным и опережающим стал рост вложений в непроизводственную сферу с 1981 г. С этого периода их доля в общем объеме тоже возрастает (26,1% в 1985 г.). Такая инвестиционная политика в принципе соответствует приоритету социальных критериев. Однако к 1986 г. в объекты производственного назначения вкладывалось почти в три раза больше средств, чем в объекты непроизводственного назначения (2,8:1). Подобная тенденция в политике капитальных вложений по Госагропрому сохраняется и до 1990 г. В ней не прослеживается коренных изменений (табл. 2).

Инвестиционная политика по Госагропрому на перспективу способствует некоторому сокращению удельного веса капитальных вложений производственного назначения (к концу текущей пятилетки до 62—60%). С 1987 г. некоторые пре-

Таблица 2

Государственные централизованные капитальные вложения и вложения за счет средств фондов предприятий и организаций по Госагропрому РСФСР на 1986—1990 г.*

Показатели и территории агропрома	1986 г.	1987 г.	1988 г	1989 г.	1990 г.
Все капитальные вложения (в % к 1986 г.):					
Северный район РСФСР	100,0	100,3	110,5	117,7	123,2
Вологодская область	100,0	99,2	115,9	123,4	127,2
Капитальные вложения производственного назначения, %:					
Северный район РСФСР	100,0	97,9	108,4	112,1	118,3
Вологодская область	100,0	100,0	101,9	119,8	122,3
Удельный вес капитальных вложений производственного назначения, %:					
Северный район РСФСР	64,8	63,4	63,6	61,3	62,3
Вологодская область	62,4	62,8	56,6	60,3	60,3
Капитальные вложения непроизводственного назначения, %:					
Северный район РСФСР	100,0	104,6	114,4	128,2	132,4
Вологодская область	100,0	97,9	106,1	129,4	135,3
Отношения капитальных вложений производственного назначения к вложениям непроизводственного назначения:					
по Северному району РСФСР	1,85:1	1,73:1	1,75:1	1,62:1	1,65:1
по Вологодской области	1,66:1	1,69:1	1,9 :1	1,54:1	1,5 :1

* Рассчитано по: Государственный план экономического и социального развития на 1986—1990 гг. по Госагропрому РСФСР в территориальном разразе.

имущества имеет рост вложений непроизводственного назначения. Однако сохраняется значительный разрыв в объемах данных видов капитальных вложений, а это имеет прямое отношение к экономической дисбалансированности развития двух анализируемых сфер.

Дело в том, что основные фонды производственной и непроизводственной сфер АПК данного региона преимущественно накапливаются в результате капитальных вложений, отчисляемых из национального (валового) дохода. Поэтому обоснованная инвестиционная политика относительно личных и общественных потребностей населения данного региона определяет общественную полезность соотношения (пропорцию) между основными фондами этих сфер, а следовательно, и степень сбалансированности (диспропорциональности) последних.

Тенденция указанного соотношения в табл. 3. отражает инвестиционную политику в данном регионе. Сокращение приведенного соотношения свидетельствует, что абсолютно и относительно все больше и больше средств вкладывается в социаль-

ную инфраструктуру села. Следует заметить, что в совхозах Ленинградской области анализируемое соотношение за последнее пятилетие составляет 3,15:1.

Таблица 3

Отношение среднегодовой стоимости основных производственных средств к стоимости основных непроизводственных по колхозам и совхозам Вологодской области [3]

Общественные секторы Вологодской области в сфере сельского хоз-ва	1981 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.
Колхозы	6,9	6,1	5,6:1	5,3:1
Совхозы	5,0	5,1	4,3:1	4,2:1

Анализ использования основных производственных фондов в сельском хозяйстве Вологодского АПК (при существенном соотношении между основными фондами) показывает, что первые используются с низкой фондоотдачей.

Таблица 4

Динамика роста фондовооруженности труда и его производительности в сельском хозяйстве Вологодской области

Показатели и общественные сектора сельского хоз-ва области	1981 г.	1983 г.	1985 г.	1986 г.
Рост фондовооруженности труда:				
в колхозах	100,0	118,6	147,8	158,4
в совхозах	100,0	125,5	178,1	192,7
Рост производительности труда:				
в колхозах	100,0	117,2	120,7	131,1
в совхозах	100,0	129,4	202,9	200,0

Данные табл. 4 доказывают, что в совхозах за последние два года фондоотдача несколько повысилась, а в колхозах упала, а в среднем эффективность фондов не изменилась. Увеличение объемов основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения не повлекло за собой соответствующей отдачи не потому, что их в данной отрасли мало. А потому, что они не сбалансированы с человеческими факторами и внутри себя. Именно по этой причине значительная часть основных производственных средств не используется, часть рабочих мест не задействована, или используется с низкой степенью интенсивности и невысокой общественной полезностью.

Учитывая это обстоятельство, необходимо так скоординировать инвестиционную политику, чтобы больше средств вкладывалось в развитие социальной инфраструктуры непроизводственной сферы АПК.

Нормативную стоимость всей системы мест жизнедеятельности трудящихся данного региона (АПК) можно определить путем вычитания из стоимости основных производственных фондов ($ПФ_0$) стоимости излишних основных производственных фондов ($ПФ_0'$), к разности последних прибавить стоимость имеющихся основных непроизводственных фондов ($НФ_0$) и стоимость недостающих по нормативу ($НФ_0'$), т. е. $(ПФ_0 - ПФ_0') + (НФ_0 + НФ_0')$. Деление этой суммы на количество трудоспособного населения (Тр) или на количество проживающих в данном сельском регионе (АПК) позволяет узнать величину стоимости совокупных основных фондов в расчете на одного человека, применяемых с целью удовлетворения личных и общественных потребностей:

$$ОФ^{N}_{Тр} = \frac{(ПФ_0 - ПФ_0') + (НФ_0 + НФ_0')}{Тр}.$$

Если суммировать основные фонды производственного и непроизводственного назначения в регионе и разделить на количество человек, проживающих в нем $\frac{(ПФ_0 + НФ_0)}{Тр}$, то мы узнаем совокупную стоимость основных фондов, отпущенную на удовлетворение потребностей одного человека в данном регионе (см. табл. 5).

Таблица 5

Фондовооруженность сельскохозяйственного населения по основным фондам, имеющихся в колхозах межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях и в совхозах Вологодской области *

Показатели	1975 г.	1981 г.	1983 г.	1985 г.
Приходится основных производственных и непроизводственных фондов в расчете на одного человека, проживающего на селе, тыс. руб.[4]	1,7	3,4	4,2	5,2
Увеличение к 1975 г., %	100,0	200	250	300
Приходится основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения в расчете на одного человека, тыс. руб.	1,4	2,7	3,4	4,0
Увеличение к 1975 г., %	100,0	190	240	280

* Расчет сделан по: Вологодская область в одиннадцатой пятилетке.— С. 4, 92.

Сельское население Вологодской области удовлетворяет свои потребности при фондовооруженности производственными основными средствами в размере 5,2 тыс. руб. в расчете на человека и при фондовооруженности непроизводственными основными средствами — около одной тыс. рублей на конец 1985 г. Это в 1,6 раз меньше, чем отпущено нормативной стоимости основных фондов по стране, и почти в четыре раза

меньше, чем отпущено на человека стоимости непроизводственных основных фондов по стране.[5]

Совершенно очевидна необходимость перестройки инвестиционной политики в разрезе регионов с учетом сбалансированности основных сфер жизнедеятельности населения. Урезание непроизводственных капитальных вложений в пользу производственного приводит, с одной стороны, к ограничению всестороннего развития (удовлетворения потребностей), трудовых ресурсов (социального фактора) в АПК, а с другой, не способствует экономическому росту производственных отраслей. В результате сдерживается социально-экономическое развитие региона в целом (АПК).

* * *

1. Материалы XXVII съезда КПСС.—М., 1986.—С. 143.
2. Там же.—С. 31.
3. Здесь и далее расчеты сделаны по сводным годовым отчетам.
4. Сельское население взято на начало очередного года, а основные фонды в восстановительной стоимости на конец указанного года.
5. «Правда», I марта, 1988 г.

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

АК Коми АССР — Архив киновидеообъединения Коми АССР

ГААО — Государственный архив Архангельской области

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГПБ ОР — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией.

Документы по истории народа коми — Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук.— Сыктывкар, 1985.

ИАОИРС — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив

ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР

ПААО — Партийный архив Архангельского обкома КПСС

ПАКО — Партийный архив Коми обкома КПСС

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота СССР

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГА КАССР — Центральный государственный архив Карельской АССР

ЦГА Коми АССР — Центральный государственный архив Коми АССР

ЦГАНХ СССР — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . 3

Королев К. С. Хозяйственные занятия предков коми-зырян на средней Вычегде по археологическим данным . . . 5

Никитинский И. Ф. Святилище у д. Тиуновской . . . 8

Кузнецов В. И. К вопросу о поземельных отношениях складников в Судебнике 1589 г. . . . 13

Жеребцов И. Л. Миграции и внутреннее освоение земель Коми края в XVII веке . . . 16

Мацук М. А. Феодальная эксплуатация черносошного крестьянства Поморья и Приуралья в XVII в.: методика и источники . . . 21

Дмитриева З. В., Чернякова И. А. О проблемах изучения землепользования крестьян в XVII в. . . . 27

Кротов П. А. Вклад северного крестьянства в строительство Балтийского флота при Петре I (мастеровые и работные люди верфей) . . . 32

Лысак А. А. «Офицерские» описи как источник по истории Европейского Севера в середине XVIII в. . . . 35

Воскобойникова Н. П. Источники, относящиеся к проведению первой ревизии в Яренском уезде . . . 39

Комиссаренко А. И. Переписные, ландратские и ревизские книги как источник по истории социальной структуры населения Вятки в первой половине XVIII в. (по материалам Хлыновского уезда) . . . 45

Варламова Н. А. К вопросу об экономических отношениях в сельских приходах северо-запада России в XVIII в. . . . 53

Гагиева А. К. Основные результаты изучения общины крестьян Коми края второй половины XVIII в. . . . 56

Тургаев А. С. О состоянии животноводства в Новгородской губернии в середине XIX в. . . . 62

Беленкина Т. И. Классовая борьба в Коми крае в период позднего феодализма . . . 65

Юрчук К. И. Борьба рабочих помещичьих предприятий легкой промышленности России в первой половине XIX в. . . . 72

Котов П. П. К вопросу о реформе 1863 г. на Севере . . . 78

Рощевская Л. П., Чернышева В. Я. Экспедиция А. Брема и Ж. Бая 1870—1890-х гг. к финно-угорским народам России . . . 84

Голикова Н. И. Землепользование и землевладение северного государственного крестьянства в пореформенные годы XIX в. . . . 87

Шанькина В. В. Покупка земли в частную собственность крестьянами пореформенного Коми края (60—90-е гг. XIX в.) . . . 93

Чупров В. И. Основные черты крестьянского движения на Севере в период империализма (1895— февраль 1917 гг.) . . . 97

Бондаренко О. Е. Правосознание крестьян Коми края в конце XIX— . . . 24